

ЖЕНСКАЯ СТРАНА, ДА НЕ ОЧЕНЬ

ПРО РОССИЮ ГОВОРЯТ, ЧТО ЭТО ЖЕНСКАЯ СТРАНА. НЕ ПОТОМУ, ЧТО женщин у нас 56 процентов населения и столько же среди работающих. Имеют в виду огромную роль, которую играют женщины. Причем традиционно – почитайте материал о женщинах-предпринимателях в Российской империи в этом номере. Чаще роль неформальную. У нас неформально решить вопрос проще, чем идти официальным путем. А женщины умеют договариваться.

Если же посмотреть на цифры статистики, то день борьбы за женское равноправие 8 Марта не утратил своего значения за последние сто лет. У нас женщины в среднем получают на 35 процентов меньше мужчин за одинаковый труд. Иногда и наполовину меньше. Хотя при прочих равных женщине найти работу проще из-за более низких зарплатных амбиций. Женщина более привлекательна для работодателя как исполнитель. В разных сферах разрыв разный. Скажем, женщины получают 65 процентов от заработка мужчин в торговле, но в среднем среди руководителей и служащих зарплата женщин составляет до 70 процентов от мужской. В образовании разрыв наименьший. А вот у российской бедности – женское лицо. 70 процентов бедных – именно представительницы слабого пола. При этом у нас многие женщины вообще не понимают, что их дискриминируют. И с этим мирятся. В этом смысле у нас во многом все еще патриархальное общество.

По сравнению с другими странами Россия во всемирном рейтинге равноправия полов в позапрошлом году заняла 61-е место среди 136 стран. Относительно лучше наше положение по уровню участия женщин в экономике. Тут у России 42-е место. По уровню и продолжительности жизни женщин показатель еще лучше – 34-е место. По уровню образования – 36-й. Зато по представительству женщин в политике и во власти мы находимся рядом с африканской страной Того. Представительниц прекрасного пола в нашей политике менее 6 процентов. В законодательных органах власти разного уровня их доля не превышает 15–20 процентов. Общемировой тренд иной. Во многих странах Европы процент участия женщин в политике составляет около 40. В Скандинавских

странах – около 47 процентов. Европа собирается перейти чуть ли не к 50-процентному представительству женщин во власти. Даже в советах директоров крупных компаний к 2020 году в ЕС предписано иметь до 40 процентов женщин. С одной стороны, наши женщины сами не идут в политику. Им «не до глупостей» – семью кормить-одевать-обувать надо. Между тем, судя по международной практике, уже при 30-процентном представительстве женщин во власти наблюдается устойчивое усиление социальной ориентации политики всего государства. Неудивительно, что бюджет нашей страны имеет отчетливый «мужской» оттенок – в пользу силовиков и бюрократии. Будь у нас во власти больше женщин, глядишь, государство было бы во многом добнее. А подчас и рассудительнее. ●

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Президент открытого акционерного общества «Российские железнодорожные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** История Крыма: от гуннов до «вежливых людей»
08 Война за войною
09 Звезда Высоцкого приземлилась в Юрмале
12 Встреча с дипломатами
13 «Не смоются стихи, не скроются слова»

ИСТОРИЯ

- 16** Покоритель
Бесконечности

- 24** «Ногою твердой
стать при море...»

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

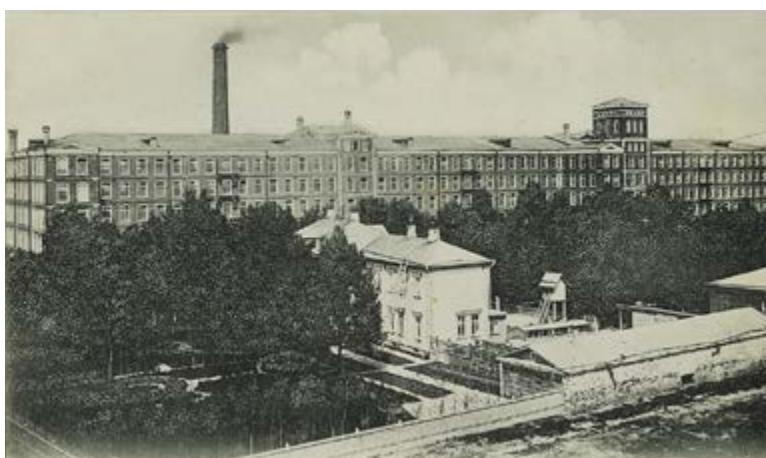
- 44** Полу-государь

РИА НОВОСТИ

НАСЛЕДИЕ

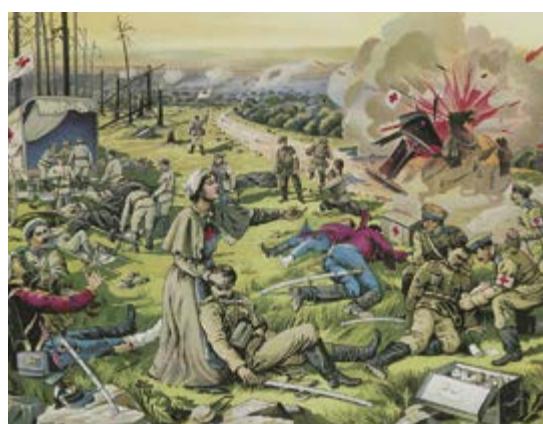
- 52** Человек
с фонарем

- 30** Предпринимательницы

ТОЧКА
ЗРЕНИЯ

- 58** Староверы
на Парнасе

- 38** Бой-бабы

РИА НОВОСТИ

ИНТЕРВЬЮ

62 «Не пытайтесь выбирать из ложных дилемм...»

66 Театр глубоких идей и эмоций

КУЛЬТУРА

72 Выходи по одному

ОЛИМПИАДА

76 Игры сломанных стереотипов

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

84 «Дольче вита» с купеческим размахом

ПУТЕШЕСТВИЕ

90 Остров великого человека

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ

Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Михаил ГЛИНКА
Василий ГОЛОВАНОВ
Константин КРАВЦОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Вера МЕДВЕДЕВА
Андрей МОРОЗОВ
Юлия СЕМЕНОВА
Галина УЛЬЯНОВА
Дмитрий УРУШЕВ
Ирина ШЕВЧЕНКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (495) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Обложка:
Дмитрий ЖАРОВ

ИСТОРИЯ КРЫМА: ОТ ГУННОВ ДО «ВЕЖЛИВЫХ ЛЮДЕЙ»

АВТОР

ГЕОРГИЙ БОВТ

РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО ДОВОЛЬНО ОПЕРАТИВНО
ОТРЕАГИРОВАЛО НА ВОЗВРАЩЕНИЕ
КРЫМА В СОСТАВ РОССИИ.

ИЗДАВ, КАК ОТМЕЧАЮТ
сами авторы, «первую в
новой России подлинно
научную и объективную
«Историю Крыма» (М.: ОЛМА Медиа
Групп. 2015. 464 с.). В своем предисловии к изданию председатель
Российского военно-исторического
общества министр культуры Рос-
сии Владимир Мединский написал:
«События прошлого порой интер-
претировались диаметрально про-
тивоположно... А неподготовленно-
му читателю было крайне сложно
не оказаться жертвой различных
манипуляций, отделить правду от
вымысла, подлинную историю от
изощренных фальсификаций, вы-
держаных в провокационном и
политизированном ключе с це-
лью обосновать украинские при-
тязания на Крым». Это и породи-
ло потребность в написании такой
объективной истории Крыма, кото-
рая бы одновременно привлекала
внимание широкой читательской
аудитории как литературным из-
ложением материала, так и разъ-
яснением даже неспециалистам
сложных процессов многовековой
крымской истории».

Вся книга разделена на 13 глав, ко-
торые написаны разными автора-
ми (все – высококвалифицирован-
ные ученые). В них прослеживается
история полуострова с древнейших
времен до наших дней. Достоин-
ством книги, безусловно, является
то, что авторам, освещающим раз-
ные периоды крымской истории,
 удалось в своих разделах доволь-
но компактно изложить основные

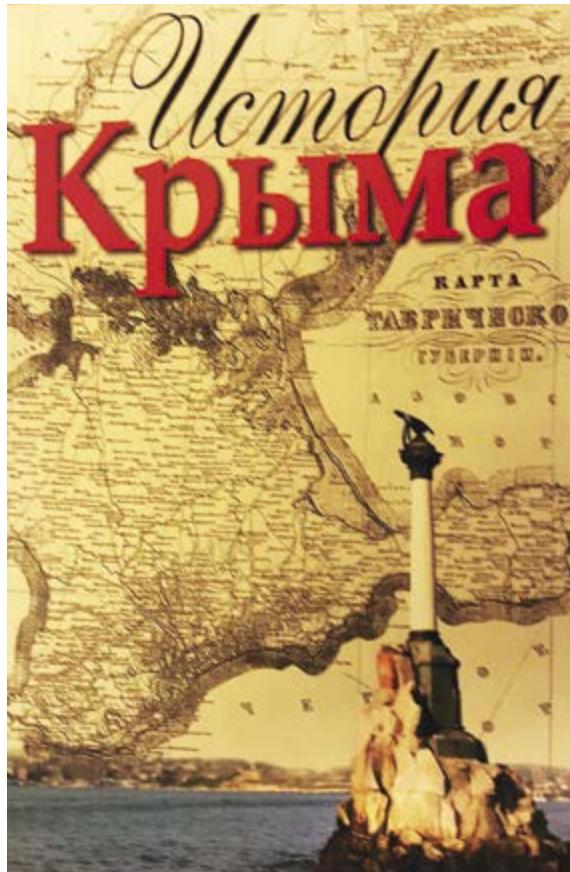
тенденции и проблемы развития
того или иного временного отрезка,
остановиться в том числе на спор-
ных моментах, до сих пор не нашед-
ших полного объяснения в историо-
графии.

Так, в первой главе, «На эллин-
ско-варварском пограничье» (ав-
тор – к.и.н. Игорь Спивак), удалось
примерно на 20 страницах «про-
бежать» период со времени появ-
ления первых людей в Крыму (150
тысяч лет назад) до вторжения гун-
нов в 370-х годах. А Вадим Хапаев
(глава «Северный форпост Визан-
тийской империи») сумел не толь-
ко вместить в свой раздел немало
любопытных и малоизвестных фак-
тов, но и создать целостное впечат-
ление об основных тенденциях раз-
вития Крыма на протяжении почти
целого тысячелетия. Притом что
подготовленный читатель вполне,
может быть, и владеет историей Ви-
зантии, однако детальное «вписы-
вание» туда именно крымской исто-
рии дает более точную ориентацию
в историческом времени, а также
понимание тех культурологических
основ, на которых впоследствии и
формировалась многонациональ-

ная общность крымского насе-
ления, с самого начала представляв-
шего собой более чем пеструю и
постоянно меняющуюся смесь раз-
ных национальностей и культур.

Любителям «альтернативной» исто-
рии, безусловно, будет интересна
глава «Между крестом и полуме-
сяцем. Крым в XIII–XVII веках». Как
сложилась бы судьба Крыма, если
бы прорыв в Причерноморье купе-
чества из Северной Италии, пре-
жде всего генуэзцев, не прервал-
ся монголо-татарскими набегами,
затем вхождением в Золотую Орду
и основанием Крымского ханства?
Полумесяц в этом смысле на дол-
гое время «победил» крест. Но не
навсегда.

Про присоединение Крыма к Рос-
сии многие по школьным еще учеб-
никам знают разве что то, что оно
произошло в 1783 году, при Екате-
рине Великой. Тем интереснее буд-
ет ознакомление с главой «Путь к
Тавриде», где это событие просле-
живается как длительный процесс,
начавшийся еще в конце XVII века,
с первых столкновений России с
Крымским ханством. Крым оказал-
ся, как отмечают в этой главе д.и.н.

Николай Петрухинцев и к.и.н. Ярослав Вишняков, на «цивилизационном разломе», и этот разлом требовал своего разрешения. Для его преодоления и овладения Крымом России понадобилось более столетия и четыре русско-турецкие войны. В общей сложности получилось 26 лет непрерывных военных действий. Как минимум три из этих войн потребовали от страны практически такого же напряжения сил, как и «более знаменитые» Северная и Семилетняя войны. «Русские войска, постепенно сменяя стрелецкие кафтаны на европейские мундиры, с завидным упорством раз в два-три десятилетия пускались в путь по знайной девственно-тучной степи – и откатывались назад, оставляя тысячи бревенчатых могил, до сих пор удобряющих плодородные черноземы современной Южной Украины». Историю этой упорной борьбы стоит особенно прочесть тем, кто еще сомневается в том, что «Крым – наш». Слишком много за него было отдано жизней. Политика Екатерины в отношении Крыма, что мало кто уже, наверное,помнит из неподготовленных читателей, изначально вполне вписывалась в ее куда более грандиозный так называемый «Греческий проект» (глава «Под скипетром России. Крым в конце XVIII – первой половине XIX века»), который подразумевал завоевание Константинополя и восстановление Византийской империи – уже под эгидой России. Однако проект этот, как известно, реализован не был. Что не помешало, впрочем, самому полуострову стать во многом пространством для социально-экономических экспериментов империи, полигоном тех отношений, на которые она не отваживалась на своих основных территориях. Так, «курировавший» Тавриду князь Потемкин (не все его планы были такими уж «потемкинскими», как выясняется) большое значение придавал заселению полуострова иностранцами, во многом это проводилось под влиянием идеологии Просвещения и идей о «правильном» государственном строительстве. Тогда же начал – хотя и не без проблем – решаться вопрос о начале интеграции крымских татар не только в россий-

ское общество, но и в дело защиты империи от внешних врагов. Освежив в памяти историю Крымской войны («Севастопольская страда»), читатель без сомнения, узнает много нового и интересного про период развития Крыма во второй половине XIX – начале XX века. Развитие капитализма там имело свою любопытную специфику. Как, впрочем, и процесс имплементации в Крыму либеральных реформ Александра II. Кроме того, время после Крымской войны стало временем кардинального изменения количественного соотношения народов, населявших полуостров. Отдаленное эхо тех процессов доносится до нас и сегодня. С одной стороны, началась массовая эмиграция крымских татар в Турцию (под влиянием определенной национальной и социальной политики царизма), с другой – приток на полуостров переселенцев из русских губерний. К концу позапрошлого века доля крымских татар сократилась до 35 процентов, доля русских и украинцев выросла соответственно до 33 и 11,8 процента. Татары впервые оказались национальным меньшинством (5,8 процента приходилось еще на немцев, 4,4 процента на евреев, 3 процента на греков и чуть более процента – на болгар и армян). Глава, где рассказывается об истории Крыма в годы Гражданской войны, на мой взгляд, является неплохим образцом «локальных» исторических исследований. Кропотливая работа автора (д.и.н. Андрей Ганин) по сбору богатейшего и интереснейшего исторического фактологического материала достойна глубокого уважения. История прослежена буквально по дням. Впрочем, то же достоинство можно отметить и в главе «Красный Крым. 1921–1941».

Хотя кажется, что в истории Великой Отечественной войны уже почти не осталось белых пятен, глава «Крах проекта «Готенланд». Крым в годы Великой Отечественной войны» это опровергает. Во-первых, о планах немцев создать, выселив коренных жителей, на полуострове некую «арийскую область» мало что известно – глава восполняет этот пробел. Во-вторых, ав-

тор (к.и.н. Алексей Исаев) существенно уточняет оценку действий советского командования в годы войны в Крыму. Он, в частности, пишет: «Принято считать, что советское командование увлеклось противодесантной обороной Крыма, и удар на Перекопе оказался в августе 1941 года неожиданным. Это мнение сильно упрощает реальную картину». Много интересного также можно узнать в этой главе и про оборону Севастополя, и про политику немецкого командования в отношении крымских татар, которых оно «поставило в особое положение, рассчитывая опереться на неблагожелательное, а иногда откровенно враждебное отношение татар к советской власти».

Хотя последующей депортации крымских татар (глава «Всесоюзная здравница»), а также армян, греков и болгар уделено некоторое внимание, однако, представляется, об этом сказано как бы скороговоркой, этому неприглядному для советской истории сюжету уделено стыдливо мало места и внимания. Как, впрочем, и политике заселения Крыма жителями русскоязычных областей. Наиболее острая в политическом плане глава – предпоследняя, «Головная боль Киева. Крым в составе Украины. 1991–2014», автор – Александр Романов. Собственно, это история «ползучей украинаизации» полуострова, проводившейся при идейной поддержке всяческих «научных обоснований» принадлежности его именно к Украине. Крым после распада СССР требовал особыго внимания украинских властей, которым надо было убедить жителей полуострова в необходимости совместного существования в рамках нового, независимого государства. Стартовые условия вроде как для этого были. Но украинские власти ими не воспользовались. «В Киеве всегда находились дела поважнее, поэтому по отношению к Крыму неизменно проводилась политика романтического инфантлизма, исходившая в первую очередь из того, что полуостров никуда не денется и останется в составе Украины на целую вечность». Однако история рассудила иначе, наказав «инфантильных романтиков».

ВОЙНА ЗА ВОЙНОЮ

АВТОР

МИХАИЛ ФАДИЧЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В ФОТОЦЕНТРЕ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ НА ГОГОЛЕВСКОМ БУЛЬВАРЕ В МОСКВЕ ЗАВЕРШИЛИ РАБОТУ ВЫСТАВКИ «УКРАИНСКИЙ ИЗЛОМ» И «ДОНЕЦК НЕПОКОРЕННЫЙ».

ВТЕЧЕНИЕ МЕСЯЦА В ЗА-лах галереи экспонировались около 300 фотографий, сделанных фотокорреспондентами из России, непризнанной Донецкой народной республики, Белоруссии, Болгарии, Франции, Турции, Греции, с Украины. Тема очевидна: события последних месяцев на Украине, в ЛНР и ДНР. Фотоцентр Союза журналистов последовательно занимается военной фотографией. Неизменно открываются юбилейные выставки, связанные с военно-исторической тематикой: Великая Отечественная, Афганистан, события на острове Даманский в 1969 году... Но в планы главной фотокорреспондентской галереи страны часто вмешиваются события текущего дня. В свое время прошли выставки о Косово, Ливии,

Сирии, событиях в Крыму-2014. И вот теперь – Украина и непризнанные республики Донбасса... Понятно, что на этой гражданской войне работает много фотокорреспондентов. И вот они, подписи под фотографиями: «Фотохроника ТАСС», «Россия сегодня», Франс Пресс, «Российская газета», «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Вечерняя Москва», «Лос-Анджелес таймс». Вопрос главному редактору газеты «Московский комсомолец», председателю Союза журналистов Москвы Павлу Гусеву:

- Павел Николаевич, ваши ребята тоже работают в Донбассе?
- Уже нет. Хотя несколько месяцев мы регулярно отправляли журналистов на восток Украины. В редакции скопился колоссальный архив материалов. Последнее время опера-

тивную съемку делают донецкие и луганские фотокорреспонденты, которые постоянно работают в нашем приложении «МК-Донбасс». Они лучше москвичей знают, что и где происходит, как куда быстрее добраться. К репортерам Донбасса больше доверия у местного населения и у ополченцев. Наконец, они адаптированы к условиям войны. И может быть, самое важное: навыки поведения на фронте могут помочь не только хороший кадр сделать, но и жизнь спасти...

На открытии выставки генеральный директор Фотоцентра Союза журналистов Валерий Никифоров подчеркнул:

- Фотография – это свидетель, который не обманывает. Взявшись за организацию этой выставки, Фотоцентр и Союз журналистов Москвы хотели в первую очередь

показать правду, донести до людей в разных странах суть происходящего на Украине. Вот – дети со строгими взрослыми глазами, вот – плачущие мужчины, вот то, что совсем недавно было кровом и смыслом жизни, вот тела убитых в боях и при артобстрелах. Что еще надо увидеть, чтобы понять: война должна прекратиться. Приглашая к участию в выставке фоторепортеров из ведущих газет и агентств, мы меньше всего думали о политике, мы не хотели расставлять акценты и определять правых и виноватых. Мы старались показать страшную реальность Украины и Донбасса.

В коллективную выставку «Украинский излом» была встроена и персональная выставка донецкого фотографа Игоря Иванова «Донецк непокоренный». 70 фотографий. И каждая – яркое напоминание о том, что всего несколько месяцев назад миллионный город был городом миллиона роз. 70 фактов. И каждый – подтверждение тому, что жизнь в Донецке, да и во всем Донбассе, превращена войной в не-прекращающийся кошмар.

На одном из снимков – остатки кирпичной стены в пол-этажа и три высоких печных трубы.

На другом – бритая наголо девочка трех лет с веником в руках, видно, только что мела серый цементный пол глухого подвала, ставшего ее новым жилищем.

На черно-белых фотографиях, сделанных военными репортерами в середине 40-х годов XX века в Белоруссии и России, Польше и на Украине, мы уже видели что-то подобное. Уже видели...

Одна из фотографий, точно определившая ситуацию, возникшую в Луганской и Донецкой народных республиках в результате действий украинской армии

Юрмала-2015.
Здесь был открыт бронзовый медальон-барельеф В. Высоцкого

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЗВЕЗДА ВЫСОЦКОГО ПРИЗЕМЛИЛАСЬ В ЮРМАЛЕ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В РАМКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРОЕКТА «ВЫСОЦКИЙ И СОВРЕМЕННИКИ: ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ», КОТОРЫЙ СТАРТОВАЛ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД В РИГЕ С ПОДАЧИ ПРОСЛАВЛЕННОГО ЛЕТЧИКА-КОСМОНАВТА ГЕОРГИЯ ГРЕЧКО, В ЕВРОПЕ НАЧАЛАСЬ ЗАКЛАДКА ПАМЯТНЫХ МЕДАЛЬОНОВ-БАРЕЛЬЕФОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ЗНАМЕНИТОМУ СОВЕТСКОМУ БАРДУ, ПОЭТУ, АКТЕРУ. ВСЕГО ПЛАНИРУЕТСЯ СДЕЛАТЬ 42 БРОНЗОВЫХ МЕДАЛЬОНА – ПО КОЛИЧЕСТВУ ПРОЖИТЫХ ИМ ЛЕТ. ОТПРАВЛЕНЫ ОНИ БУДУТ В ГОРОДА, ГДЕ ПОМНЯТ, ЛЮБЯТ И ЧИТАЮТ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО И ЕГО ПЕСНИ. И САМОЙ ПЕРВОЙ ТОЧКОЙ НА ЭТОМ МАРШРУТЕ СТАЛА ЮРМАЛА.

АНАЧАЛОСЬ ВСЕ ТРИ ГОДА назад, когда, приехав в Ригу по приглашению латвийской ассоциации «Чаша мира», сопредседатель Фонда Владимира Высоцкого Георгий Михайлович Гречко приложил к планшету первый кусочек пластилина и произнес сакральное со временем Юрия Гагарина заклинание: «Поехали!» Так стартовал первый, латвийский этап создания уникального «космического и синергетического», как называют его авторы, проекта – барельефа Владимира Высоцкого. То же самое вслед за Гречко сделали около 1000 человек, принимавших участие в лепке уникального скульптурного произведения.

«Это было действительно коллективное произведение, которое на протяжении трех лет создавалось в Риге, Москве, Варшаве, Ереване и немецком городе Эберсвальде, – рассказал журналистам организатор проекта и автор идеи, член правления ассоциации «Чаша мира» Юрий Кайда. – В проекте создания барельефа участвовали вдова Высоцкого Марина Влади, российские летчики-космонавты Георгий Гречко, Анатолий Соловьев, Алексей Леонов, Виктор Савиных, первый польский космонавт Мирослав Гермашевский, его немецкий коллега Зигмунд Йен, актер и писатель Даниэль Ольбрихский, режиссер Кшиштоф Занусси, российские актеры Сергей Шакуров, Армен Джигарханян, московские актеры Театра на Таганке, директор Музея Высоцкого – сын поэта Никита. И конечно, множество поклонников его творчества, живущих в разных городах и странах, в которых мы побывали с нашим макетом барельефа. В основу художественного метода его лепки был положен принцип синергии, в переводе с греческого – «энергия совместного действия».

А космическую силу творению придал осколок метеорита, который доставил в Ригу летчик-космонавт Анатолий Соловьев. К слову, этот метеорит был найден в Магаданской области в 60-е годы, когда Высоцкий написал знаменитую песню

«Мой друг уехал в Магадан». Выступая в 2013 году перед рижанами на презентации проекта, человек, 16 раз выходивший в открытый космос, назвал Высоцкого «братьем многих людей, живущих на планете Земля». Анатолий Соловьев рассказал, как он «заряжал себя Высоцким», включая свою любимую песню, «Идет охота на волков»: «Это позволяло поймать кураж, чтобы затем пойти на выход в космос. Техническое оснащение космической станции – это, конечно, очень важно. Но гораздо важнее моральная сторона дела, и эту составляющую мы находили в Высоцком, записи песен которого непременно брали с собой. По сути, он всегда был третьим членом нашего экипажа».

Коллективную «лепнину» с автографами, рисунками и отпечатками пальцев создававших ее людей отлили в бронзе. Известный латвийский скульптор Янис Струпулис дополнил коллективное творение портретом легендарного барда. Первый синергетический барельеф был открыт в сентябре 2013 года на здании Балтийской международной академии (БМА) в Риге. И это неслучайно. Когда-то в этом здании располагался популярный в городе клуб Рижского института инженеров гражданской авиации, дважды в его стенах устраивали полуподпольные концерты Высоцкого – в 1974 и 1975 годах. Кому тогда посчастливились попасть сюда, сейчас с гордостью рассказывают об этом своим детям и внукам. Уже в наше время поклонники его творчества из объединения «Планета Высоцкого» на базе БМА создали музей поэта и Молодежный центр, где проходят слеты бардовской песни. В Риге Владимир Высоцкий бывал несколько раз – на гастролях вместе с театром, на концертах, на съемках фильмов. Ездил отдохнуть в Юрмалу. Конечно, его пребывание не осталось незамеченным. Рижские журналисты в 1972 году даже устроили в Доме творчества советских писателей встречу Высоцкого и Марины Влади с популярным в те времена чешским певцом Карелом Готом, приехавшим в Ригу на гастроли. В 1975 году звездная пара жила в кемпинге в Юрмале на съемках фильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», в котором

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Осколок метеорита в Ригу доставил летчик-космонавт А. Соловьев и оставил свой автограф на планшете

режиссер Александр Митта снимал Высоцкого в роли темнокожего предка Александра Пушкина. После Латвии «Чаша мира» перенеслась сначала в Германию – в город Эберсвальде, в котором Володя Высоцкий жил в 1947–1949 годах вместе с отцом-военным и мачехой, которую называл «мама Женя». Жители этого восточнонемецкого города не только хранят память о нашем поэте и актере, но даже назвали его именем одну из городских площадей. А с 2013 года здесь красуется еще и космическо-синергетический бронзовый барельеф Высоцкого – тоже работы латвийского скульптора Яниса Струпулиса. Третий барельеф появился в Ереване в 2014 году. Его создание было связано с сорокалетием открытия малой планеты сотрудниками Крымской обсерватории. Они назвали ее «ВладВысоцкий». В левой части ереванского барельефа скульптор поместил изображение астероида, выпленное астрономом Людмилой Журавлевой, с ее личным автографом и отпечатками пальцев. Планета, названная в честь Высоцкого, подсказала инициаторам

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В 2013 году на здании Балтийской международной академии в Риге появился первый настенный барельеф Высоцкого

международного проекта еще одну идею – создать атлас Высоцкого: помимо барельефов начать установку памятных знаков-медальонов с изображением именного астероида в тех местах, где Владимир Высоцкий выступал с концертами или приезжал на гастроли в составе труппы Театра на Таганке, где он снимался в кино, путешествовал, гулял, жил, где его до сих пор помнят и любят. Янис Струпулис взялся за создание нового звездного барельефа, на этот раз круглой формы, в виде медальона диаметром 34 сантиметра. Основа – космическая и синергетическая – осталась прежней, только автографов на ней прибавилось. На этот рельеф, отлитый в бронзе, скульптор наложил розу ветров, между лучами которой можно разглядеть автографы космонавтов и других мировых знаменитостей. В центре медальона расположено изображение астероида «ВладВысоцкий» с датой его открытия, а по периметру надпись – PEACE ON EARTH («Мир на Земле»). Авторы проекта задумали за оставшиеся три года до 80-летия Высоцкого сделать 42 таких медальона – по количеству прожитых им лет. Они разлетятся по миру, «приземляясь» в разных городах и странах.

На этом новом звездном маршруте, проложенном «Чашей мира», первой точкой приземления стала Юрмала. Здесь, напротив концертного зала «Дзинтари», на территории бывшего санатория им. Фабрициуса, где когда-то отдыхал Владимир Высоцкий, в его честь и

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Свой автограф поклонникам творчества В. Высоцкого оставила народная артистка России Лариса Лужина

был заложен бронзовый медальон. На торжественное мероприятие в латвийский город-курорт приехали почетные гости – летчики-космонавты Виктор Савиных и Владимир Ремек, а также народная артистка России Лариса Лужина. Участниками праздника стали и десятки преданных поклонников творчества российского барда. Но сначала всех ждал привет из космоса. По инициативе дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта Виктора Савиных в Юрмале на захоронение медальона-барельефа Высоцкого был организован прямой сеанс космической связи с российским экипажем Международной космической станции – МКС-41/42. На связь с землянами вышла бортинженер Елена Серова – четвертая женщина-россиянка, попавшая в космос. От имени российского экипажа она поздравила Юрмалу с «приземлением» в их городе бронзовой звезды Владимира Высоцкого, песни которого с удовольствием в космосе слушают не только ее коллеги-россияне, но и их иностранные товарищи – американцы, итальянцы и японцы. «Многие наши ребята берут с собой в полет диски с Высоцким. А у нас на борту еще и гитара есть, по вечерам Саша Самокутяев играет и поет. Фактически мы выросли на песнях Высоцкого, они учили нас жизни. Что ни говори, а это – человек-звезда, можно сказать, он нам осветил дорогу и, надеюсь, будет освещать ее и нашим детям».

Вряд ли в космосе были слышны аплодисменты из заснеженной Юрмалы, но участники праздничного мероприятия поблагодарили отважную женщину-красавицу из космоса за ее искренние слова. Как, выступая на открытии барельефа, заметил посол России в Латвии Александр Вешняков, приятно осознавать, что песни русского поэта любят не только на Земле, но и в космосе. Представители старшего поколения вспомнили, как в 1975 году летчик-космонавт Георгий Гречко транслировал песни Высоцкого из космоса. Виктор Савиных рассказал, как Владимир Высоцкий приезжал к ним в отряд в город Королев с концертом, после которого состоялась беседа космонавтов с актером и поэтом, что стало самым ценным подарком для тех, кто в это время готовился к полету.

В открытии медальона-барельефа в Юрмале участие принимали сразу два чешских посла – посол Чехии в Латвии Павол Шепеляк и чрезвычайный и полномочный посол Чехии в РФ Владимир Ремек, первый и пока единственный чешский летчик-космонавт, Герой Советского Союза.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Париж-2015.
Автор проекта
Юрий Кайда
(слева)
и художник
Михаил
Шемякин
с эскизом нового
барельефа

Церемонию открытия барельефа на свою видеокамеру снимала популярная российская актриса Лариса Лужина, которой Владимир Высоцкий посвятил песню «Она была в Париже». Ее представили как музу великого барда. Но актриса с этим категорически не согласилась: «Я не музя и не люблю, когда меня так называют. Просто мы с ним действительно много общались, он дружил с моим первым мужем, так же как со вторым. В 1966 году он написал песню, в которой есть такие строки: «Корабли постоят и ложатся на курс. Но они возвращаются сквозь непогоды. Не пройдет и полгода, и я появлюсь, чтобы снова уйти на полгода...» И вот что интересно – каждые полгода, 25 января и 25 июля, Володя нас всех собирает вместе. Сегодня он собрал нас здесь, в Юрмале, и он сейчас среди нас. Как сказал Лев Толстой, смерти нет, есть любовь и память сердца. Эта память нас всех объединяет, и мы еще долго будем сохранять свою любовь».

Из Юрмалы «Чаша мира» прямиком направилась в Париж на встречу с другом Владимира Высоцкого, художником и скульптором Михаилом Шемякиным, который тоже поучаствовал в проекте «Высоцкий и современники: во времени и пространстве». Михаил добавил к планшету кусочек пластилина с автографом, умножая синергию следующего медальона-барельефа. Участником проекта стал и французский писатель Ив Готье, написавший книгу о Высоцком. Возможно, этот необычный памятный знак, отлитый в бронзе, вскоре украсит одну из парижских улочек, где так любил бывать наш знаменитый соотечественник.

Бортинженер
МКС Елена
Серова вышла
на связь
с юрмальчанами
прямо
из космоса

ВСТРЕЧА С ДИПЛОМАТАМИ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ПО ТРАДИЦИИ НА ФЕВРАЛЬСКОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЛАТВИИ В РИЖСКИЙ ДОМ МОСКВЫ ПРИБЫЛА ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ КОМАНДА РОССИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА ВО ГЛАВЕ С ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ И ПОЛНОМОЧНЫМ ПОСЛОМ РФ В ЛАТВИИ АЛЕКСАНДРОМ ВЕШНЯКОВЫМ. АКТОВЫЙ ЗАЛ БЫЛ ПЕРЕПОЛНЕН. ЧТОБЫ УЗНАТЬ ВСЕ САМОЕ ВАЖНОЕ ИЗ ПЕРВЫХ РУК, А ТАКЖЕ ЗАДАТЬ СВОИ ВОПРОСЫ И ОБСУДИТЬ АКТУАЛЬНЫЕ ТЕМЫ, ЗДЕСЬ СОБРАЛИСЬ АКТИВИСТЫ ИЗ 80 ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ НЕ ТОЛЬКО РИГУ, НО И РЕЗЕКНЕ, ЕЛГАВУ, САЛАСПИЛС, ЕКАБПИЛС И ДРУГИЕ ГОРОДА СТРАНЫ, ГДЕ ПРОЖИВАЮТ НАШИ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ.

ПОСЛЕ ВКРАТЦЕ ОСТАНОВЛЯЛСЯ на итогах минувшего, 2014 года, который, по его определению, оказался самым неблагоприятным с точки зрения российско-латвийских отношений. Но тем не менее есть надежда на то, что в 2015 году удастся выйти из черной полосы, считает Александр Вешняков: «В течение года у нас были заморожены многие контакты, но в декабре по инициативе МИД Латвии все же состоялись консультации госсекретаря

латвийского министерства А. Пилдеговича и первого замминистра иностранных дел РФ В. Титова, в результате которых был подписан план по сотрудничеству и взаимодействию наших внешнеполитических ведомств на ближайшие два года. Вероятно, это, в свою очередь, подтолкнуло на поездку в Москву латвийского министра Ринкевича, чьи недружественные высказывания до этого нам всем были хорошо известны и горькие плоды которых еще предстоит ощутить на себе, на-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Русское общество Латвии поблагодарило команду российского посольства за отзывчивость и поддержку

пример, Юрмале – ведь она осталась без фестиваля «Новая волна». Но Россия приняла его предложение о визите, и 12 января в Москве состоялась встреча г-на Ринкевича с главой МИД России Сергеем Лавровым и министром транспорта Максимом Соколовым».

Несмотря на западные санкции в отношении России, товарооборот между Россией и Латвией в 2014 году увеличился: по данным российской таможни, которые еще уточняются, товарооборот в этом году может превысить 13 миллиардов долларов. Годом ранее он составлял 11,2 миллиарда. Посол отметил, что наиболее благоприятно складывалось межведомственное сотрудничество, например между пограничными службами, благодаря чему огромная работа по демаркации границы к 2016 году может быть полностью завершена.

Латвийский представитель юбилейного комитета по празднованию 400-летия дома Романовых Георг Куклис-Рошманис вручил послу России в Латвии Александру Вешнякову императорскую медаль памяти дома Романовых – за содействие в проведении исторических, гуманитарных и благотворительных мероприятий для русских жителей Латвии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

100-летнему ветерану войны Адаму Смильгису в день его рождения. В прошлом году посольство оказало материальную помощь 900 ветеранам, адресная помошь обязательна будет продолжена и в этом году, несмотря на финансовые сложности, заверил посол. Также будут продолжены программы по поддержке русского языка и образования, семинары и курсы повышения квалификации для учителей и директоров русских школ, обеспечение их литературой и учебными пособиями. Присутствующих в зале молодых людей обрадовала новость, что Министерство образования России продолжит прием латвийских абитуриентов в российские вузы. В минувшем году 150 юношей и девушек из Латвийской Республики стали студентами ведущих вузов России, 67 студентам латвийских вузов была присуждена стипендия правительства Москвы – в рамках программы поддержки соотечественников, которая реализуется в Латвии уже двенадцать лет. Российское посольство также обещает поддерживать такие традиционные программы, как Дни русской культуры Латвии, фестиваль школьников «Татьянин день», театральный фестиваль «Золотая маска» и многие другие. Ответив на вопросы представителей ветеранских организаций и культурно-национальных общин, Александр Вешняков выразил огромную признательность прибалтийским соотечественникам, которые своими научными работами, публикациями, выставками, книгами помогают России в отстаивании исторической правды, а в случае необходимости дают отпор фальсификаторам истории, пытающимся очернить память о Великой Отечественной войне. За сохранение русского языка и русской культуры посол России наградил почетными грамотами трех ведущих активистов общественного движения российских соотечественников Латвии – доктора истории, научного руководителя Института русского культурного наследия Латвии Татьяну Фейгмане, лидера общества «Гражданство, образование и культура» Владимира Соколова и руководителя Гуманитарного семинара, главного редактора альманаха «Русский мир и Латвия» Сергея Мазура.

Сергей Эрлих,
директор
издательства
«Нестор-
История»,
идейный
вдохновитель
проекта

«НЕ СМОЮТСЯ СТИХИ, НЕ СКРОЮТСЯ СЛОВА»

АВТОР

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ СТАРТОВАЛ В КИШИНЕВЕ ПРЕЗЕНТАЦИЯМИ НОВЫХ КНИГ МОЛДАВСКИХ АВТОРОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ И МЕЖДУНАРОДНЫМ МИНИ-ФЕСТИВАЛЕМ ПОЭЗИИ «ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИРА».

ПРЕЗЕНТАЦИЯ В РОССИЙСКОМ центре науки и культуры книги о кишиневских поэтах 70–80-х годов XX века вызвала настоящую литературную дискуссию. Из-за названия, в качестве которого выступила известная пушкинская строка: «Проклятый город Кишинев!..» Из-за подзаголовка: «Потерянное поколение русских поэтов Молдавии 1970–1990». Из-за каких-то неточностей в биографических справках. Из-за того, наконец, что в набитом до отказа зале сидели и стояли в числе прочих и некоторые герои этой книги, а у каждого свои стихи и свой взгляд на то, что происходило тогда в Кишиневе. Тем не менее в любом случае «мы все должны быть признательны тем, кто сумел вернуть из забвения поэтов, имевших право на известность, но чья

поэзия была отключена от широкой читательской аудитории», – сказал, выступая на презентации, глава представительства Россотрудничества в Молдавии, директор РЦНК в Кишиневе Валентин Рыбицкий. И с этим нельзя не согласиться. У жителей Молдавии есть своеобразное хобби: выискивать по миру знаменитых земляков и гордиться ими. «После того как я узнал, что известные в России и на Западе русские поэты Евгений Хорват и Катя Капович начинали свой творческий путь в нашем родном городе, стал собирать материалы о них в Интернете, – признался директор петербургского издательства «Нестор-История» Сергей Эрлих. – Выяснилось, что эти поэты существовали в Кишиневе не в культурном вакууме. В застоеное время в нашем городе возникла дружеская компания молодых поэтов, которых почти не печатали. Они соревновались между собой, читали и вдохновляли друг друга. Возникла идея зафиксировать это явление, важное не только для родного Кишиневчика, но и для истории русской поэзии. Замечательный кишиневский журналист и писатель Елена Шатохина взялась за труд собрать друзей своей молодости под одной обложкой. Получился не поэтический сборник, а книга о поэтах «потерянного поколения». Получился документ эпохи, в котором люди узнают себя».

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С ПУШКИНА

В середине 70-х еще не выпустившая ни одной книжки, еще не обросшая регалиями и еще не называемая по имени-отчеству юная выпускница филфака кишиневско-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

го университета, сотрудница популярной газеты «Молодежь Молдавии» Александра Юнко искренне удивлялась: как это можно, живя в Кишиневе, не писать стихов. Ведь здесь они носятся в воздухе: их пишет усик на виноградной лозе, ползущей по соседнему балкону; тропинка в огороде, спрятавшемся за пятиэтажкой в самом центре города; выступает дятел в парке, стрекочет сорока на заборе. К поэтическим упражнениям располагало все.

Сегодня Александра Петровна Юнко – поэт, прозаик, литературный критик, журналист. У нее несколько книг, изданных в Кишиневе и Москве, она публикуется в литературных журналах Европы и Америки. Ответа на вопрос, почему все же в одно время в одном месте вдруг появляется целая плеяда талантливых поэтов, прозаиков, художников, актеров, музыкантов, у нее нет. «Это тайна, – говорит Юнко. – Ответа не знает никто. И все же мы тщимся ее разгадать. Как писал Иосиф Бродский: «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря». Ну, допустим, в 70-е, отчасти в 80-е годы прошлого века так и было. «Давление», царившее в центре, ослабевало, распространяясь к периметру. Поэтому в наших палестинах дышалось чуть вольней. Еще один географический фактор: крохотная Молдавия – перекресток, где встречаются, взаимодействуют и взаимопроникают разные культуры, Восток и Запад, богатое историческое прошлое и настояще, да еще немножко просвечивает будущее. Плюс солнце, витамины без ограничений и много вкусного дешевого вина. Все это вместе играло свою роль. Но главным образом на «творческие фонтаны» и внутреннюю расслабленность действовало – присущее южанам в высшей степени – умение наслаждаться процессом жизни, ощущение ее как благодати».

Или сам Кишинев обладает некоторым сладким ядом, что до сих пор заставляет уехавших отсюда всегда стремиться обратно. Как писал о нашем городе Довид Кнут, родившийся у нас, в бессарабском Оргееве, и прославившийся в далеком

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Александра Юнко, поэт, прозаик, журналист, в 70-е годы возглавляла литобъединение «Орбита»

городе Париже, здесь «особенный, еврейско-русский воздух».

«Но все началось еще раньше, с Пушкина, из-под крылатки которого вышла вся последующая русская литература», – уверена Александра Юнко, чьи детство и юность прошли в той части Кишинева, что называется Пушкинской горкой, в квартале от бывшего заезжего дома купца Наумова, где в 1820 году жил поэт и где 10 февраля 1948 года открылся музей его имени. Когда-то калитка во двор этого дома всегда была открыта, и соседские дети приходили в музей как к себе домой. А потом, став взрослой, Александра Юнко выпустила книжку «Гадание на Пушкине», куда вошла часть статей, написанных ею для газеты «Русское слово»: в течение десяти лет она вела в этом издании «пушкинскую» рубрику.

В ОРБИТЕ «ОРБИТЫ»

Тропинку в литературу Юнко проптала через «Орбиту». Так называлось литературное объединение при газете «Молодежь Молдавии», созданное в 1955 году поэтом Кириллом Ковальджи, впоследствии долгое время работавшим в союзных толстых журналах и возглавлявшим издательство «Московский рабочий». Уезжая покорять столицу, он передал бразды правления

поэту Рудольфу Ольшевскому, который заведовал в «Молодежке» сектором культуры. Ольшевский буквально за ручку привел в «Орбиту» девятиклассницу Сашу Юнко, писавшую для газеты «всякие малохудожественные заметки» и публиковавшую там стихи.

И не только ее. Ольшевский обладал редким качеством: он умел искренне радоваться успехам собратьев по перу, никому не завидовал и не боялся конкуренции. Ольшевский умел уговаривать литературное начальство обратить внимание на то или иное литературное дарование. Ему шли навстречу, ведь он был членом Союза писателей СССР, автором нескольких сборников, его стихи публиковались в журналах «Юность» и «Сельская молодежь», он водил дружбу с теми писателями, чьи имена в 70-е были на слуху. Ну, например, с Григорием Поженяном или с критиком Станиславом Рассадиным. Кстати, даже когда развалился Союз, когда рухнуло в Молдавии издательское дело, оказались на грани умирания газеты и журналы, Рудольф Александрович находил возможность помогать талантливым людям публиковаться. Так продолжалось до начала нового столетия. В 2000 году Ольшевский вместе с женой Надеждой Петровной уехал к сыну в США. В сентябре 2003 года он умер в Бостоне, читая со сцены свои стихи...

А в середине 70-х зав. отделом культуры республиканской молодежной газеты Рудольф Ольшевский пошел на повышение, перейдя на работу в литературный журнал «Кодры». Его место в редакции «Молодежки» заняла Александра Юнко. «Вместе со стулом Ольшевского и бумагами в ящиках стола мне в наследство досталась «Орбита», до которой никому другому просто не было дела, – рассказывает она. – Это была почти единственная легальная возможность (не считая клубов творческой и научной молодежи при ЦК комсомола и литстудии при молдавской газете «Тинеримя Молдовей») свободно общаться, обсуждать новые книги, читать свои нигде не публикуемые вещи. Редактором «Молодежки» тогда была Рита Степановна Пелинская, она с подозрением

относилась к поэтам, которые вместе прославления строек коммунизма писали о любви и смерти. Но не колеблясь отдавала под наши сбираща самые просторные кабинеты – отдела писем и комсомольской жизни. На этом ее вмешательство в творческий процесс заканчивалось».

«ПОЭТЫ УЕЗЖАЮТ ИЗ РОССИИ»

А творческий процесс шел, не прекращаясь. Когда по вечерам в кабинет, где проходили заседания «Орбиты», заглядывала техничка, намекая, что пришло время уборки, процесс выплескивался за пределы Дома печати. Народ, разбившись на группы, шел либо к кому-нибудь в гости, либо в ближайшую забегаловку, где можно было выпить стаканчик вина, либо к Русскому театру Чехова, где интеллигентная старушка выдавала стакан и штопор в обмен на освобождающуюся тару. Эти посиделки, споры и долгие разговоры «о родине, о жизни, о себе», этиочные прогулки по кривым улочкам старого Кишинева, по темным аллеям его парков были тем самым гумусом, где формировалась среда, рождалась культурный код, объединяющий кишиневских поэтов 70-х и сегодня.

Среди тех, кто вырос в атмосфере «Орбиты», немало людей, которые продолжают заниматься литературой и сегодня. Только вот в Кишиневе из «Орбиты» тех лет почти никого не осталось. По пальцам можно пересчитать. Сама Александра Юнко. Радиожурналист и тонкий, лиричный поэт Людмила Щебнева. Журналист и литературный критик Михаил Дрейзлер. После двадцатилетней с хвостиком жизни в США, Германии, Израиле вернулся в родные пенаты поэт Александр Фрадис.

Еще в 70-х кишиневский поэт и бард Наум Каплан написал пророческие строки: «Поэты уезжают из России в нерусскую, чужую сторону». В конце 80-х – начале 90-х, когда в Молдавии были всплески национализма, когда ежедневно с кишиневского вокзала уезжали сотни людей, покидали республику и русскоязычные литераторы. Уехали в Израиль прозаики Жан

Кривой и Виктор Панэ, поэты Любовь Фельдшер, Виктор Голков, Даниил Мирошенский. В США отправился поэт Николай Сундеев, автор восьми стихотворных сборников. В Лос-Анджелесе он возглавил общественно-политическую и литературную газету «Кстати» на русском языке, где и сегодня публикуются бывшие участники кишиневского литобъединения. В США обосновалась Катя Капович. В Молдавии она не выпустила ни одной книжки и даже, кажется, ни одной подборки стихов, которые, между прочим, хвалили все, кто читал. Но уже через год после отъезда из Молдавии, в 1991-м, она выпустила в Израиле книгу «День Ангела и Ночь». Затем пошел сборник за сборником, публикация за публикацией. Она печаталась в журналах «Знамя», «Новый мир», «Звезда», «Нева» и др. С 1997 года начала писать и по-английски. В 2002 году ей была присуждена национальная литературная премия Библиотеки Конгресса США. Вместе с мужем, кишиневским поэтом Филиппом Николаевым, она издает поэтический альманах Fulcrum. В переводе с латыни – «точка опоры».

«Я МАШУ ВАМ ПЛЕЧАМИ В ОТСУТСТВИЕ КРЫЛЬЕВ»

Но, увы. Точку опоры в новой жизни нашли не все. В 1993 году в Гамбурге покончил с собой 32-летний поэт и художник Евгений Хорват. Сегодня многие критики о нем говорят как об одном из самых увлекательных явлений русской литературы конца XX века. Живя до 1980 года в Кишиневе, он, с легкой руки Ольшевского и Юнко, опубликовал небольшие подборки стихов в газете «Молодежь Молдавии» и журнале «Кодры». Эмигрировав в Германию, публиковался в журналах «Континент» и «Стрелец», посмертные его публикации напечатаны в журнале «Знамя», в поэтических антологиях «Строфы века» и «Самиздат века». Инна Нестеровская появилась в «Орбите» еще школьницей и сразу обратила на себя внимание как на талантливую и не по возрасту зрелую поэтессу. Жизнь ее сложилась трагически: несколько попыток суицида, лечение в психиатри-

ческой больнице. В 1997 году она погибла при невыясненных обстоятельствах: замерзла в поле. При жизни в Кишиневе были выпущены два ее сборника – «Признание» и «В кольце одиночества». Еще совсем юной, видимо, предвидя свою будущую судьбу, она написала: «По тропинке печали // Я иду обессилев. // И машу вам плечами // В отсутствие крыльев».

А удивительный поэт Наум Каплан никогда не видел свои стихи напечатанными. В 70-е даже самые смелые редакторы газет и журналов отказывались рисковать карьерой, публикуя стихи под таким «крамольным» именем (помните об эсерке Фанни Каплан, покушавшейся на вождя мирового пролетариата). К тому же в творчестве поэта порой проскальзывали религиозные нотки. Но собрать подборку было из чего. Один из редакторов прямо предложил Науму сменить фамилию на какой-нибудь «благозвучный» псевдоним. Наум отказался. Он читал стихи друзьям, он пел их под гитару, они разошлись на цитаты... И впервые увидели свет лишь в конце 80-х: небольшая подборка с предисловием Юнко была опубликована в журнале «Кодры». К тому времени Наума Каплана уже десять лет не было в живых, он погиб в автокатастрофе летом 1978 года. В начале 2000-х несколько молодых кишиневских поэтов и журналистов сняли документальный фильм о поэте. Когда-то Наум Каплан написал о Кишиневе: «Молдавский город, полный русских, где я – не тот и не другой». Уходит в прошлое пестрота и разнозычность городских улиц, та самая «смесь племен и лиц», о которой писал еще Пушкин. Вот уже четверть века Кишинев живет в другой стране, совсем не той, где только неграмотный не писал стихов и не знал их. Сужается число людей, говорящих на русском языке и владеющих им. Но все же, все же, написала Александра Юнко: «Мы будем не жалеть, а жить // И рухнуть не позволим дому». Русская литература в Молдавии жива. И мы еще расскажем о ее новых книгах и новых именах. Но это будет совсем другая история.

ПОКОРИТЕЛЬ БЕСКОНЕЧНОСТИ

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

БЕЗ «ВЗЯТИЯ» СИБИРИ, БЕЗ ЕРМАКА, КОТОРЫЙ СТАЛ СИМВОЛОМ И ОЛИЦЕТВОРЕНИЕМ ЭТОГО «ВЗЯТИЯ», НАШУ ИСТОРИЮ ПРОСТО НЕЛЬЗЯ СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ.

ЕРМАК РАСПАХНУЛ ДЛЯ Московской Руси новое измерение. С этим колоссальным пространством за Уралом старая Русь справиться не могла. Потребовалось превращение Руси в Россию, в гораздо более просторный и динамичный имперский проект, чтобы освоить эту глыбу пространства.

СКАЗКИ И МИФЫ

«...Первым был Ермак удалой, а второй Пугач», – певала мне в детстве баба Даша, которая была родом с Вятки и все народные песни про прославленных казацких атаманов знала с отрочества. Оба они в ее представлении были разбойниками. Мне, разумеется, по-мальчишески хотелось ей возразить, но если

про Пугачева я еще знал кое-что из учебника истории и из «Капитанской дочки», то о Ермаке, кроме того, что он был покорителем Сибири, – вообще ничего. Но, как оказалось, я не одинок. Даже великолепным историкам Соловьеву и Костомарову не удалось собрать о Ермаке сколько-нибудь уверенный рассказ. Все сведения о нем рассыпаны в двух поздних летописях. Первая – так называемый «Погодинский летописец», сохранившийся список которого относится к временам Петра I. Вторая – Кунгурская летопись XVII века. Мало того что они противоречат друг другу, но и внутри себя полны неувязок. На самом деле неизвестно, ни как по-настоящему звали Ермака, ни откуда он родом, ни как он выглядел. К единственному описанию его внешности, сделанному со слов отца Семеном Ремизовым, первым историком Сибирского похода, нам нечего прибавить, кроме того, что в этом описании Ермак очень не похож на испанского конкистадора, каковым изображали его парадные «исторические портреты» XVII века: «вельми мужествен, и человечен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою, возрастом [ростом] середней, и плоск, и плечист». То, что история «сибирского взятия» без общих мест и без прикрас была воссоздана исследователем Смутного времени Русланом Скрынниковым – целиком человеческая заслуга последнего. Но даже он не в силах сказать о прошлом Ермака ничего определенного. То, что мы считаем установленным окончательно, является, как правило, только соглашением историков между собой. Считается, что родом Ермак был с Дона, что имя его Ермолай, что

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

до Сибирского похода служил он у государя на западной границе и участвовал в Ливонской войне. Кстати, в письме польского коменданта Могилева королю Стефану Баторию упоминается «Ермак Тимофеевич – атаман казацкий». Сохранился еще текст письма Ермака Ивану Грозному, в котором тот извещал царя о «взятии Сибири», да документы Чудова монастыря (что располагался в Московском Кремле) о пожертвованиях послов Ермака в обитель. А кроме этого – никакого фактического материала, за исключением разве что казацких «сказок». На склоне лет ветераны вспоминали о своей службе у Ермака. Старый казак писал в членитной царю, что в бывшие времена он двадцать лет «полевал» (нес полевую службу) с Ермаком в Диком поле. Если Ермак провел «в поле» лет 25–30, то во время похода в Сибирь ему должно было быть не меньше 45. Вся его жизнь как служилого человека была связана с тем непростым периодом в русской истории, который пришелся на царствование Ивана Грозного. Начиналось оно вполне благополучно: трудами Иванова отца, Василия III, государство было укреплено, основные направления внутренней и внешней политики были определены. Иван Грозный продолжал дело отца.

В. Суриков.
Покорение
Сибири Ермаком.
1895 год

Хотя очевидное желание Василия III пробиться через Балтику в Европу Иван так и не осуществил. А вот Казань взял в 1552-м. И Астрахань взял в 1554-м, чтобы покончить с ордынским наследством. Но Астрахань быстро отпала, ибо поставленный править ею татарский наместник выбрал, как говорят, измену. Пришлось его разбить и Астрахань взять снова уже в 1556-м. А через два года началась Ливонская война, которая растянулась на 25 лет. И дальнее пошли одни неприятности: в 1569-м турки высадили 30-тысячное войско в Азове. Запахло большой войной на южных границах, к которой Русь готова не была. Турки шли воевать Астрахань, и только счастливыми обстоятельствами можно объяснить то, что они были разбиты небольшими силами русских. Но уже в 1571-м из Крыма в очередной раз пришел хан Девлет Гирей, который сжег Москву дотла – так что взрывались пороховые бочки в башнях Кремля и Китай-города. Правда, уже на следующий год князь Воротынский наголову разбил армию Девлет Гирея под Молодыми, после чего Крым никогда уже не выступал в качестве самостоятельного политического игрока. Однако сожжение Москвы возбудило тайных врагов Руси – в том числе правителя Сибирского ханства

Кучума. Воспользовавшись мятежом мансиjsких племен, в 1573 году он послал через Урал своего лучшего полководца, Маметкула (одни источники утверждают, что он был сыном Кучума, другие – что братом. – Прим. ред.). Правда, братья укрепленные городки на Каме и Чусовой, среди которых был и Орел-городок купцов Строгановых, татары побоялись: все ограничилось разведкой, «как идти ратью на Пермь». Нового удобного случая Кучуму пришлось ждать десять лет. Но наконец манси вновь вторглись в пермские пределы, и Кучум выслал через Урал войско во главе со своим сыном царевичем Алем. Кучум хотел большой войны с ослабевшим «белым царем»...

СТРОГАНОВЫ

Ермак, строго говоря, не был первым русским, проникшим в Сибирь. На реке Таз, впадающей в Обь, еще до похода Ермака была основана поморская фактория Мангазея. Путь на Урал с Печоры был известен новгородцам с XI века. Этим путем еще в 1483 году воеводы Федор Курбский и Иван Салтыков ходили «мимо Тюмени в Сибирскую землю». После распада Золотой Орды в Средней Азии (бывшем «улусе Джучи») началось самое настоящее смутное время. И в 1555

году хан Сибирский Едигер прислал в Москву послов, которые просили Ивана IV, чтобы тот «всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон ото всех заступил, и дань свою на них положил...». Послом и сборщиком дани в Сибирь отправлен был Дмитрий Непейцын: дани собрать ему не удалось, но он доехал до столицы ханства Кашлыка и сообщил царю, что всю Сибирскую землю при помощи бухарцев завоевал шибанский царевич Кучум...

В 1563 году Кучум убил Едигера и сам воцарился в Сибири. Теперь он готов был стать врагом Москвы.

В этот-то момент на авансцене истории и появляются Строгановы.

Впрочем, Строгановы – богатейшие приуральские солепромышленники, – конечно, возникают не вдруг. В XVIII веке, когда среди Строгановых появились графы и у них возникла нужда в родословных, некоторые особо рьяные биографы возвели сей род к некоему татарскому мурзе, который отправился в Москву на службу к Дмитрию Донскому и получил при крещении имя Спиридон. Рассказ этот был заимствован составителями Строгановской генеалогии у голландского историка Николая Витзена, который переписал его у голландского же географа Исаака Массы. Спиридон, будучи захвачен во время сожжения Москвы Тохтамышем, якобы отказался возвращаться в Орду, за что хан приказал «изстрогать на нем тело, а потом, всего на части изрубя, разбросать». Однако еще Карамзин опроверг эту легенду, после чего на протяжении XIX века Строгановы считались выходцами из Великого Новгорода. На самом деле они были поморами, сделавшими состояние на соли. Легендарный в семейной истории Строгановых Иоанник (Аника) Строганов, будучи человеком предпримчивым и энергичным, начал с того, что по дешевке купил в Сольвычегодске «треть

хлебного оброка в сольвычегодских землях. Владения его в Перми, Прикамье и Зауралье по площади превосходили многие европейские государства.

Аника одевался неброско, был религиозен, состояние его росло как на дрожжах. Во время опричнины он необыкновенно возвысился, выстроил на своих землях пять укрепленных городков да нанял «секьюрити» – 1000 человек из разного рода служилых людей. При Грозном лишь уделные князья да двое-трое самых знатных бояр имели право владеть укрепленными городками. Для Строгановых было сделано исключение. Он выпросил у государя «пустые места» по Каме и Чусовой, догадываясь, а может быть, даже зная, что места эти не пусты: тут и пушнина, и лес, и уральские самоцветы, и, может быть, руды драгоценные. К Уралу подбирался он медленно и последовательно. Его сыновья основали Тахчею – одну из первых факторий за Уралом, но тут-то и случился в Сибирском ханстве переворот, Кучум воцарился, Тахчея была вмиг сожжена и путь к богатствам Каменного пояса и Сибири оказался для Строгановых закрыт.

Однако к тому времени, когда войско царевича Алея пустилось в набег на Пермь, делами строгановской империи ведали уже внуки Аники, Максим Яковлевич и Никита Григорьевич, да их дядя Семен. Империя Аники Строганова к тому времени распалась. Внукам пришлось делить не только капиталы, но и 80 тысяч квадратных

Сольвычегодск. Благовещенский собор. Фотография Ю. Шокальского. 1890 год. Благовещенский собор, первый каменный храм в Сольвычегодске, был заложен в 1560 году Аникой Строгановым с сыновьями Яковом, Григорием и Семеном. Строительство длилось более двадцати лет и было завершено в 1584 году. В подклетях собора находились кладовые и архив семьи

варници без цырена» (железного противня для выпаривания соли. – Прим. авт.) да оборудование для кузни. Через несколько лет все соляные промыслы Сольвычегодска были в его руках. Помимо соли Аника Строганов торговал хлебом, мехами и выполнял поручения царя Ивана Грозного, связанные с наблюдением за торговыми операциями инородцев и сбором

Сольвычегодск
Вологодской
губернии.
Фотография
Ю. Шокальского.
1890 год.
Именно в этом
городе началась
четырехвековая
история
солеварения
Строгановых

километров территории. Однако повторения в своих пределах мятежа 1573 года они не желали, для чего и отправили «ласковую грамоту» на Яик известному атаману Ермаку. Яик был тогда отдаленной провинцией всего вольного казацкого мира. Регулярные крепости, построенные здесь, стерты были с лица земли ногайцами, и места эти облюбовали самые настоящие разбойники. В песнях донских казаков дружина Ермака характеризуется просто: «из тумы-то тумов мазурушки» (от тума – метис, полурусский-полутатарин. – Прим. авт.). Были в ней казаки, вернувшиеся, как Ермак, с Ливонской войны, а были и разбойники вроде Ивана Кольца, ограбившего на Волге царского посла и сжегшего Сарайчик – столицу Ногайской Орды, только что попросившейся в русское подданство. За свои «подвиги» Кольцо заочно приговорен был к смерти, но вышло так, что он со своими удалими стал одной из главных фигур «сибирского взятия». Известно, что Строгановы просили казаков поступить к ним на «службу честную» и стать «воинами царя белого». Собрался круг. Не все казаки решили оставить воровское дело. Но большинство удалых – Никита Пан, Яков Михайлов и Иван Кольцо – все ж таки пошли за Ермаком. Вместе с ними летом 1582 года прибыли на стругах 540 человек. Максим Яковлевич и Никита Григорьевич Строгановы спешно снарядили отряд во главе с Ермаком для похода в Сибирь, истратив на это 20 тысяч рублей – сумму по тем временам огромную – и включив в его войско пару сотен своих людей. Основной целью похода Ермака было свержение Кучума, что позволило бы беспрепятственно покорить сибирские земли. Вменялось казакам в задачу и завоевание земли Мангазеи, изобиловавшей пушным зверем. И хотя до Мангазеи дело не дошло, Сибирское ханство действительно было разрушено за несколько месяцев...

Карта Тартарии
(Сибири)
Абрахама
Ортелиуса.
Антверпен.
1570 год

«СИБИРСКОЕ ВЗЯТИЕ»

Сибирские татары вели полукочевой образ жизни. У каждого племенного князька был свой укрепленный городок. Помимо татарских отрядов в войске сибирского хана были воины местных племен: хантов и манси, ненцев, барабинцев и других. У Кучума была ногайская гвардия. Но, отправив своего сына, царевича Алея, через Урал для войны с русскими, Кучум ослабил свои силы наполовину. Строгановы и Ермак понимали это, поторопившись со снаряжением экспедиции. Особенно много взяли пороху и свинца: от этого зависел успех предприятия. На поле боя воины Кучума использовали традиционную для кочевников тактику маневрирования и засыпания противника стрелами в конном строю. Умели они сражаться и пешими, но не имели никакого представления, как поступать с противником, появляющимся с воды... В «сибирском взятии» поражает несколько вещей. Но прежде всего, конечно, стремительность. Дружина Ермака приняла участие в отражении набега царевича Алея на строгановские земли. В отместку тот разорил Соликамск и осадил Чердынь – городок к северу от владений Строгановых. Строгановы, несомненно, знали об этом, но, кажется, все это послужило только к тому, чтобы ускорить поход. Воинству Ермака предстояло подняться до водораздела 300 километров, прорубить просеки для волоки стругов на восточную сторону Уральских гор, а затем, найдя истоки речек, что впадают в Тобол, сплавиться 1200 километров до Кашлыка, столицы Кучума. Почти невероятно, что с Чусовой на Иртыш, через Урал, казаки добрались за три месяца. Казаки бросили на склонах Уральских гор несколько тяжелых стругов, тут же срубили легкие – и ринулись навстречу ничему не подозревающему врагу. В это время чердынский воевода, осаждаемый то войском царевича Алея, то ордой пелымского князька, союзника Кучума, отписал царю письмо с жалобой на Строгановых за то, что во время набега братья самовольно послали в Сибирь разбойный отряд казаков, оставив без охраны пермские территории. Царь Иван рассвирепел и отправил Строгановым

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«гневную грамоту», обвинив их в «воровстве и измене». Чтобы не подвергнуться опале, Строгановы спешно выехали в Москву для объяснений с царем. Вероятно, это случилось не ранее весны или лета 1583 года. Однако к этому времени на руках у Строгановых был уже козырь: письмо Ермака о «сибирском взятии». Строгановы поклонились царю и широким жестом просили Грозного взять наконец Сибирь под свою руку. К этому моменту с начала похода не прошло и года.

...В верховьях рек, катившихся с Урала на сибирскую сторону, шли поначалу совсем дикие места. Но и когда появились селения, казаков особенно никто не беспокоил. Лишь однажды сторожевой корабль был захвачен vogулами (манси), но что делать с казаками и с кораблем, они не знали. Когда, к их удивлению, по воде за первым кораблем показалась целая флотилия, они бежали. Случались еще мелкие стычки, но, как правило, достаточно было несколько раз выстrelить из ружья, чтобы обернуть ситуацию в свою пользу.

Кучум сидел в Кашлыке и ждал вестей о падении пермских городов. Он не знал, что время его истекает, ибо на Тоболе появились уже какие-то «казаки».

Казаки, однако, теперь шли сплошь через татарские улусы и не могли более остаться незамеченными. Недалеко от устья Тобола они разгромили юрт главного сановника Кучума, Караби. Это вызвало ярость при ханском дворе. Осознав грозившую опасность, Кучум разослал гонцов во все стороны. В результате, когда Ермак оказался под Кашлыком, на берегу его встречало огромное и грозное с виду войско под командованием Маметкула. На каждого казака приходилось человек по тридцать.

Казаки сошли на берег и выдержали натиск всего войска на Чувашевом мысу. Многолетние войны научили казаков использовать преимущества вооружения. Когда казачьи струги встре-

Б. Чориков.
Послы Ермаковы
атаман Кольцо
с товарищами
быют челом
Иоанну Грозному
Царством
Сибирским.
1582 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

чались на море с вражескими судами на расстоянии выстrelа, казаки бросали весла и палили беспрестанно с одного борта, в то время как их товарищи, сидя на другом борту, перезаряжали пищали. На Чувашевом мысу произошло что-то подобное: произведя высадку, казаки спровоцировали татар на атаку и встретили их ураганным огнем. Нападавшие мгновенно утратили волю. Бежали татары, за ними манси, был ранен Маметкул, последняя попытка атаковать казаков кавалерией захлебнулась, не дожидаясь конца сражения, бежал и сам Кучум. После чего оставшиеся в живых татары ушли, бросив столицу, а оставшиеся в живых казаки, «утрудившись» в бою, заночевали в спокойном месте и только на следующий день вошли в Кашлык.

Победа была одержана 26 октября 1582 года. Через неделю другую реки сковал лед. Возвращение стало невозможным. Впереди была зима. Казаки не унывали, устроили себе теплые землянки, из чего явствует, что Кашлык был, собственно говоря, стойбищем! И хотя казацкие зипуны плохо грели, мехов казаки взяли много и как могли утеплялись ими.

В декабре 1582 года случилось второе сражение, которое решило судьбу Сибири. Ермак послал два десятка казаков на озеро не-подалеку, чтобы запастись рыбой. Ничего не подозревающие ермаковцы неожиданно стол-

кнулись с разъездами Маметкула и почти все были перебиты. Однако оставшиеся в живых прибежали назад и рассказали обо всем Ермаку. Атаман немедленно бросился вдогонку за татарским войском. В урочище Шаншинском казаки настигли главные силы врага. То была «братья велия на мног час». На этот раз силы татар не дрогнули под дружными залпами, и перед казаками встал единственный выбор: победить или умереть. Войско Маметкула было наголову разбито на Абалацком озере.

Документы посольского приказа сообщали потом о 10 тысячах убитых. Несомненно, эта цифра преувеличена. Но и без этого победа имела колоссальные последствия: у Кучума не было больше ни столицы, ни войска. Фактически Сибирское ханство перестало существовать....

Поразительно, что историческое присоединение Сибири к России было тогда же утверждено в Кашлыке коллективным решением вольного товарищества казаков. Но они понимали, что им не удержать Сибирь, если не пришлют помощи: хлеба, по-роху, но прежде всего – людей. И тогда, сидя в Кашлыке, Ермак написал письмо царю Ивану Грозному, даря ему присоединенную Бесконечность...

Казалось, до полного разгрома Кучума осталось совсем немного: ханство стало распадаться, не выдержав столкновения с казаками. Народы-данны

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОМОЩЬ ИЗ МОСКВЫ

С наступлением лета 1583 года из Кашлыка в Москву выехало казацкое посольство. Оно прибыло в столицу в самое неподходящее время: Грозный очень ослаб. Борьба придворных партий, болезнь царя, казалось, вообще угрожают успеху посольства. Однако когда Грозному доложили о прибытии гонцов Ермака из Сибири, он оценил важность привезенных известий и отдал приказ о подготовке «зимнего похода» в Сибирь. В связи с этим посольством возникло множество сказок. Утверждается, в частности, что главою посольства был Иван Кольцо, которому за добрую весть царь простили все его преступления. Также упорно предание, что, отправив в Сибирь воеводу Семена Болховского, царь передал с ним подарки Ермаку: серебряный ковш, шубу со своего плеча и два панциря, в которых Ермак якобы и утонул. Документы Чудова монастыря утверждают, что посланцами атамана, передавшими дары обители, были Савва Сазонов и Иван Черкас Александров.

В Сибирь же царь отправил воевод Болховского, Киреева и Глухова с отрядом в 300 человек на 15 стругах.

...Зима 1584/85 года выдалась не только суровой, но и голодной: отступив в верховья Иртыша, Кучум перекрыл торговые пути, связывающие Сибирь и Среднюю Азию, откуда обычно купцы в обмен на меха доставляли хлеб. Когда на Тобол пришел наконец отряд Болховского, казаки встретили его ликованием, щедро одарили стрельцов «мягкой рухлядью», но каково же было их разочарование, когда они узнали, что отряд не доставил никаких припасов! Только царские подарки...

Жестокий голод в первую же зиму «подобрал» почти всех стрельцов. Так что прибытие отряда Болховского не облегчило, а только усугубило положение казаков. Кроме того, царь

отказывались платить Кучуму дань или привозили ее в Кашлык. Фольклор хантов донес исторические предания о Ермаке: «Остяки с Ермаком не воевали. Когда Ермак пришел, то наш вождь встретился с ним, встали друг напротив друга и поменялись, передавая из рук в руки лук и ружье: тот нашему ружье, а наш – лук». В другой песне поется, как семь шаманов думали семь дней и в результате решили подчиниться и платить дань.

Кроме того, в татарской верхушке начался раскол. Один из приближенных Кучума дал знать казакам, что Маметкул разбил свои кочевья на реке Вагае, в 100 верстах от Кашлыка. Ермак немедленно отобрал до полусотни «резвых» людей и послал их на Вагай. Отряд шел без отдыха. На утренней заре казаки напали на кочевые Маметкула, окружили его шатер и взяли в плен. Воины его разбежались. У Кучума не было теперь ни войска, ни полководца. Когда Маметкул был доставлен в Кашлык, Ермак долго говорил с ним через толмача, склоняя перейти на русскую службу...

Летом 1583 года Ермак прошел мимо татарских улусов по Иртышу и Оби до остяцкого Назыма.

После чего отправился воевать Пельмское ханство на Тавде. Зачем это было ему нужно? Пельмское княжество манси долгие годы вело войну сначала с Кучумом, а потом с русской Пермью. Князь Аблыгерим был для казаков в Сибири едва ли не самым опасным противником после Кучума – у него было до 700 воинов. Но разгром Пельмского княжества позволил бы казакам привести к дани восточную часть Сибирского ханства, а главное – овладеть удобным путем из Сибири на Русь. С боем Ермак добрался до Пельмы, но штурмовать укрепленное городище не решился. Атамана смутили также показания манси, захваченных на Тавде: все они в один голос твердили, что никакого пути с Пельмы на Русь нет. Шаманы твердили то же самое: «Через Камень, хотя и думашь, не пройдешь: дороги нет!»

Разумеется, они знали о существовании лозвинского пути из Зауралья в Пермь. Но их устраивало то, что казаки стоят подальше от них, в Кашлыке. Чандырский жрец уверенно предсказал Ермаку победу над Кучумом: «И о том, – отметил кунгурский летописец, – идольское пророчество сбылося, а о смерти его [Ермака] не сказал».

Вид города Тобольска.
Гравюра Химли по рисунку Е.М. Корнеева.
1802 год

Иван Васильевич не считал благоразумным оставлять казаков в завоеванном крае и предписывал Ермаку возвращаться «к месту службы». Воевода Болховский, которого прочили в наместники Сибири, в первую же зиму умер от голода. Его товарища, Ивана Киреева, казаки отправили в Москву с пленным Маметкулом, едва только вскрылись реки. А казаки так и остались в Сибири. Остался с ними и Ермак. Он не мог покинуть товарищей по оружию. Дорого далась казакам голодная зима: на каждого выжившего приходилось четыре-пять мертвцев. Отряд совсем истаял, и Ермак старался избегать стычек. Теперь только чудо могло спасти его.

И оно, казалось, произошло: весной к Ермаку прислал гонцов Караба – бывший главный визирь Кучума. По словам послов, Караба повел с Кучумом собственную войну, но для решительной победы ему нужна была помочь хотя бы небольшого отряда казаков. Сошелся казацкий круг. Риск был немалый. Но и положение отчаянное. И казаки решили отправить в помошь Карабе отряд из 40 человек во главе с Иваном Кольцо. На союзничество, на помошь рассчитывали казаки, принимая на кругу свое решение.

Иван Кольцо добрался до улуса Караби, и тот принял его гостеприимно. Но казаки допустили оплошность: не затребовали от бывшего визиря заложников в обеспечение своей безопасности. В честь казаков устроен был пир, во время которого татары внезапно напали на них и перебили до последнего человека...

После этого войско Караби двинулось на Ермака. Тот увел казаков на вершину круто-го яра в Кашлык. Ермак был окружен, но татары не спешили нападать на него, выжидая, когда голод сделает свое дело. Они испортили струги, чтобы отрезать казакам путь к отступлению. Долго ждал Ер-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Н. Каразин.
Казаки при
постройке
линейных
крепостей –
оборонительных
сооружений
по Иртышу,
возводимых
в первой
половине
XVII века

мак, когда можно будет нанести противнику смертельный удар. Лазутчики, пробравшись в татарский лагерь, узнали, где находится юрта Караби и когда меняется ночная стража. Лишь после этого на рассвете они напали на него. И все-таки хитрый Караба сумел улизнуть, хотя оба его сына и вся стража погибли. Войско, оставшееся без предводителя, не сразу дрогнуло: бой длился до полудня, и опять разбитые горсткой казаков татары вынуждены были отступить.

«...ВО МРАКЕ МОЛНИИ БЛИСТАЛИ...»

Летом 1585-го дела Ермака обстояли хуже, чем три года назад: тогда в двух решающих сражениях войско Кучума было разбито и конец его казался близок. Но теперь против Ермака воевали два сильных и опасных зверя: у одного он отнял ханство и сына. У другого – войско и двух сыновей. К тому времени у ермаковцев почти кончился порох, но и Кучум, и Караба избегали открытого боя с казаками. В столкновениях этого

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К. Лебедев.
Поход Ермака.
1907 год

Ермак,
покоритель
Сибири. Лубок

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

последнего лета они сражались как демоны.

Но Кучуму удалось заманить Ермака в ловушку. Приманкой стали бухарские купцы. В начале лета они объявились в Кашлыке и пожаловались, что Кучум непускает их торговать в Сибирь. Это не было ложью: Кучум хотел попросту уморить казаков голодом. Ермак же обещал обеспечить проход бухарскому каравану, прося взамен хлеб и другие припасы. А что было делать? Казаки не знали, когда придут подкрепления из Москвы, а опыт голодной зимы подталкивал их озабочиться провиантом. В последний поход навстречу каравану с Ермаком на стругах ушло всего 100 человек. За ними зорко следили объединенные отряды Кучума и Карачи. Ермак с дружиной отправился на устье Вагая, чтобы дождаться прохода бухарских судов. Караван не показывался. Казаки поднялись по реке километров на 30, но никого так и не повстречали. Они вернулись к устью, вышли в Иртыш. И уже тут причалили струги и заночевали на берегу. «Ночь была дождливая и бурная. Все казаки заснули глубоким сном. Татары напали на них и начали резать сонных», — пишет Николай Костомаров. — Ермак, пробудившись, бросился к своему стругу, но струг стоял далеко от берега. Он бросился в своей броне в воду и утонул...».

Есть и другой, героический финал этой истории: «Прикры-

вая отступление отряда, Ермак отбивался от наседавших врагов, пока не был ранен и не свалился в воду», — пишет Руслан Скрынников. Он же резонно замечает, что все подробности того, что Ермака увлекли на дно два тяжелых панциря — подарок царя, — носят легендарный характер. Воины надевали панцири лишь перед боем. Никогда никто из них не спал в доспехах. Во время ночной резни у Ермака едва ли было время облечься хоть в один доспех. Помимо Ермака во время ночной резни погибло всего 10 человек. И тем не менее операция удалась. Уцелевшие казаки вместе с присланным из Москвы Иваном Глуховым не в состоянии были без Ермака держаться

Б. Чориков.
Гибель Ермака.
1584 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

против Кучума. Они покинули Кашлык и поплыли на стругах вниз по Иртышу в Обь, а оттуда через Югорские горы проторенной дорожкой на Печору. Таким образом, Сибирь была покинута, и, казалось, все плоды подвига Ермака погибли...» — подытоживает Костомаров.

Однако во всей механике русской жизни что-то невидимо изменилось: Ермак открыл Руси Московской новый Мир, засыпающее огромный Мир Азии. Такого измерения у государства Московского тогда еще не было. Это была иная размерность бытия. Политической и культурной экзистенции. Как ни странно, и русские как активная сторона, и сибирские народы как принимающая оказались готовы к этому. В этом смысле колонизация Сибири была предопределена: в 1587 году воевода Даниил Чулков заложил Тобольск. В 1598-м воевода Андрей Войков наголову разбил наконец Кучума. Тот бежал в Ногайскую Орду, где и был убит. С 1592 года, когда основан был Пелым, до 1604-го, когда заложен был Томск, на территории бывшего Сибирского ханства было построено восемь городов и крепостей. Колонизация шла чрезвычайно быстро. Костомаров по этому поводу заметил: «Казаки составляли самую деятельную часть населения в этих странах, и в ряды их входили не одни природные русские, но также татары, пленные литовцы, немцы. Это сословие проникалось одним духом, увлекалось одним стремлением отыскивать «новые земли», подчинять новые народы и заставлять их платить ясак». Первые контакты цивилизаций всегда чувственны и грубы. Но вслед за казаками шли купцы, за ними крестьяне, настилались гати, строились избы и мосты, и в бесконечной империи пространства, которая распахнулась для России Сибирью, помаленьку водворялась русская жизнь... Поразительно: через пятьдесят лет после гибели Ермака русские достигли Тихого океана.

«НОГОЮ ТВЕРДОЙ СТАТЬ ПРИ МОРЕ...»

Бой у о. Эзель.
Шведский линейный
корабль «Вахмейстер»
сражается против
русской эскадры
в 1719 году.
Картина Л. Рихарда

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

АВТОР

МИХАИЛ ГЛИНКА

КОГДА ПЕТР I РЕШИЛ СТРОИТЬ НОВУЮ СТОЛИЦУ В ТОПКОЙ ДЕЛЬТЕ ТОЛЬКО ЧТО ОТВОЕВАННОЙ У ШВЕДОВ СЕВЕРНОЙ РЕКИ, ДАЖЕ ВЕРНЕЙШИЕ ЕГО ДРУЗЬЯ СТАЛИ СОМНЕВАТЬСЯ В РАЗУМЕ ЦАРЯ. МЕСТА ЭТИ БЫЛИ МАЛОПРИГОДНЫ ДЛЯ ПОСТОЯННОГО ОБИТАНИЯ ЛЮДЕЙ. БЕРЕГА БЫЛИ ТАК НИЗКИ, А НЕВА ТАК МНОГОВОДНА, ЧТО ПОЧТИ КАЖДУЮ ОСЕНЬ, СТОИЛО УКРЕПИТЬСЯ ЗАПАДНОМУ ВЕТРУ, БЕРЕГА ЭТИ НАЧИНАЛИ УХОДИТЬ ПОД ВОДУ.

«**Т**

РЕТЬЯГО ДНИ ветром вест-зюйд-вест такую воду нагнало, какой, сказывают, не бывало, – писал Петр I Меншикову из новой столицы. – У меня в хоромах было сверху пола 21 дюйм; а по огороду и на другой стороне улицы свободно ездили в лодках... по кровлям и по деревам, будто во время потопа, сидели не точию мужики, но и бабы...». Сырая, промозглая погода держалась над Невой месяцами. Даже молодые и здоровые люди недолго выдерживали такой климат.

Деловой жизни на этих путях вот уже сто лет не было, край при шведах пребывал в упадке, и ничего, что хоть как-то могло быть употреблено в новое и мощное предприятие на невских берегах, России от шведов не досталось. Крепость Ниеншанц, взятая 1 мая 1703 года, не осуществляла контроля над невским устьем. Древний Орешек с запустением Волховско-Ладожского пути прежнее значение утратил, и владение им означало не более чем укрепленный восточный тыл. Шведский флот крейсировал в Финском заливе, русских кора-

блей на Неве не было, а те, что начинали строиться на Свири, еще не были опробованы в деле. Казалось, должно пройти еще немало времени, прежде чем Россия может стать достойным соперником на море. Но шведы недооценили Петра.

7 мая 1703 года в темноте Петр и Меншиков на 30 лодках с семеновцами и преображенцами подошли на веслах к двум шведским кораблям, бросившим якоря в невском устье. Схватка была жестокой, нападавшие стреляли из мушкетов и кидали гранаты. Попытка шведов прорваться к своей эскадре, стоявшей в заливе, не удалась. После кровавого абордажного боя оба судна – галион «Гедан» и 8-пушечная шнява «Астрильд» – были захвачены. 58 шведов погибло, 19 – взято в плен.

Захват шведских судов был лишь эпизодом начавшей меняться картины. Наголову разбитая в 1700 году под Нарвой Русская армия за два года изменилась необыкновенно. Но если весть об этом поражении русских быстро разнеслась по Европе, то когда

через год Шереметев разбил шведов под Эрестфером, а еще через полгода – под Гуммельсдорфом, сообщения об этих победах звучали гораздо тише. Запад пока не смотрел серьезно ни на Россию, ни на ее странного, как казалось европейцам, царя. Европа не разглядела молодого Петра, ей было не до него – от Пиренеев до Карпат все готовились к Войне за испанское наследство.

Недоценил Петра I и Карл XII. Разбив Петра под Нарвой, он счел излишним вторгаться в Россию, посчитав, что русские, потерявшие чуть не все свои военные силы вместе с генералитетом, не скоро оправятся от поражения. Карл двинул свои войска на второго противника – Польшу, а когда спохватился, было уже поздно: Ингрия – будущая Петербургская губерния – оказалась под властью России.

Петр I мечтал о мирных отношениях с соседями, и Петербург, если говорить о перспективах, был задуман им как столица, крупный морской порт, главный пункт обширных торговых связей. Однако мирные цели диктовали ряд неотложных военных мер. Только что родившаяся столица была еще под постоянной угрозой: вражеская эскадра карулила ничем не защищенное невское устье, а крупные шведские силы стояли на берегах реки Сестры. Для защиты от шведских кораблей на стрелке Васильевского острова была установлена артиллерийская батарея – вместе с Петропавловской крепостью батарея эта прикрывала Большую и Малую Неву.

Русский флот в тот момент только строился: указ о постройке шести 18-пушечных кораблей Петр подписал в феврале 1701 года. А уже в августе 1703 года был спущен на воду фрегат «Штандарт». Через месяц он был уже оснащен, и Петр не может нарадоваться своему первому большому балтийскому кораблю: он то спускается на нем по Неве до Петербурга, то испытывает фрегат на Ладожском озере. Пройти в Финский залив, однако, нельзя: шведская эскадра не уходит от устья Невы.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Портрет
Петра I на коне.
Гравюра
А.Ф. Зубова
и П. Пикара.
1721 год

Наконец от Меншикова, которому приказано обороны Петербург, появляется в начале октября долгожданное известие: шведский адмирал Нуммерс со своей эскадрой ушел на зимовку в Выборг. Петр немедленно прибывает в Петербург. Уже ударили морозы, на Неве показывается первый лед, но царя это не останавливает – ему не терпится самому осмотреть морские подступы к своему «параизу». На яхте, сопровождаемой галиотом на случай неожиданного нападения, Петр плывет к пустынному острову Котлин, что стоит в 25 верстах от устья Невы в Финском заливе. С лотом в руке царь собственноручно меряет глубины вокруг Котлина. К северу от острова залив для судоходства не годен – мель, камни, до самой Финляндии обширная лужа в полсажени глубины, зато глубокий естественный фарватер огибает остров у самого его южного берега. Затем, ближе к южному берегу залива, к Ингрии, опять мелководье...

Карл XII.
Гравюра
В. Грейтбаха
по портрету
работы Д. Крафта
1717 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

РУКОТВОРНЫЙ ОСТРОВ

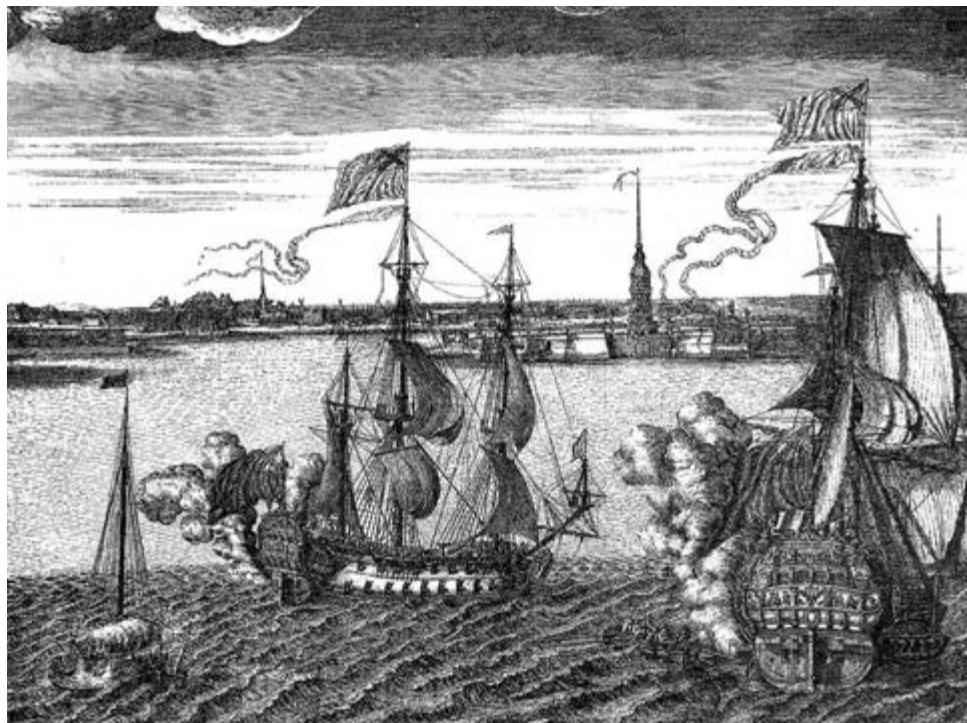
К 30 годам Петр I был специалистом во многих военных профессиях. Он был прирожденным артиллеристом. Любовь царя ко всему имеющему отношение к морю и флоту общеизвестна – оценивать все и вся с точки зрения моряка стало второй, если не было первой наатурой Петра; штурмы же крепостей, строительство новых укреплений и модернизация старых сделали его к тому времени, о котором мы говорим, опытным специалистом и по фортификации. Для того чтобы осуществить тот строительный план, который родился у него, когда он мерил глубины вокруг Котлина, артиллерист, моряк и строитель крепостей должны были объединиться в одном лице. Петр I приказал построить еще один... остров.

Место этому острову было определено по другую сторону от фарватера на расстоянии пушечного выстрела от берега Котлина. Других входов в узкую часть Финского залива не было. Крепость на Котлине и форт на искусственном островке запирали корабельный вход в Петербург на железный замок. Обширное мелководье с обеих сторон обеспечивало безопасность новой крепости с флангами и с тыла.

Модель придуманного им сооружения Петр I изготовил собственноручно и прислал ее зимой Меншикову из Воронежа: островок предполагалось построить зимой, опустив в прорубь в толстом льду огромные бревенчатые ящики, нагруженные камнями. Как только лед на заливе окреп, приказ государя начали выполнять. В мае 1704 года Петр I отправился морем к искусственному островку и поставил на нем артиллерийскую батарею из 14 пушек. Крепость была названа Кроншлотом. Напротив Кроншлота на Котлине было поставлено 60 орудий. Позже на этом месте началось строительство Кронштадта. Мечта о начале морской международной торговли из Санкт-Петербурга преследует Петра I.

Однако купцы боятся идти в новый порт – слишком хорошо им известно, что блокада устья Невы стала главной задачей шведского флота. Царь понимает, что только известиями о сильном русском флоте на Балтике можно стронуть дело с мертвой точки. «Государь в короткое время может вывести в Балтийское море флот из 20 кораблей и фрегатов, с 7 полными галерами и сотнями бригантины, – писал, видимо по указке Петра I, в мае 1704 года Федор Алексеевич Головин Андрею Артамоновичу Матвееву в Лондон. – Из них уже стоят несколько кораблей у острова Рыччера (то есть Котлина. – Прим. авт.) в 6 милях от С.-Петербурга. При том острове, на самом проезде и корабельном ходе, крепость со многими пушками, в самом море зимою, как мерзло было, из дерева и камня основана и уже и пушками вооружена...».

Головин, мягко говоря, преувеличивал: у Котлина находился в то время только фрегат «Штандарт» с двумя или тремя шнявами да с десятком мелких вспомогательных судов. Однако торговать хотел не только Петр I, торговать хотели и западные купцы. Уже через несколько дней после того, как шведская эскадра отправилась в Выборг на зимовку, в Петербург пришло первое иностранное торговое судно. Газета «Ведомости» так писала в декабре 1703 года об этом событии: «В ноябре месяце пришел к С.-Петербургу корабль голландской с товарами, с пятьюми, и с солью, на котором был шхипер и несколько матросов, и тот корабль по повелению г-на губернатора принят по обыкновению, и за приход подарено вышеупомянутому шхиперу за столом в доме его, губернаторском, пятьсот золотых, а матросам, кои с ним были, по триста ефимков кое-муждо, и при том сказано ему во обнадеживание других, естьли потом другой корабль туда придет, и тому, кто на том корабле, дано будет триста золотых, такожде естьли и третий

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Фрагмент
«Панорамы
Петербурга».
Гравюра
А.Ф. Зубова.
1716 год

корабль придет, дано будет сто пятьдесят золотых, и с тем тот вышеупомянутый корабль от С.-Петербурха отпущен в надлежащий ему путь со удовольствием, а товары все, которые на том корабле были, куплены по вольной цене».

Хотя данные, которые сообщал Головин в Лондон о русском флоте на Балтике, и были преувеличенными, но резкое наращивание русских морских сил в устье Невы было фактом. Уже летом 1704 года русский флот имел семь фрегатов и около двух десятков других судов. Стапеля на реках Свири и Сясь не простивали – как только сходил на воду один корабль, на смену ему сразу же ложился киль следующего. Галеры, скампавеи, буера, галиоты, шнявы прибывали по Неве к Петербургу. У одних была более мощная артиллерия, у других более вместительные трюмы – суда еще не различались на торговые и военные, но Петр I с самого начала понимал: чем более разнообразными будут типы судов его флота, тем сильнее будет флот, тем скорее Россия добьется побед на море. Плавание от Свири до Петербурга при сильных западных ветрах, которыми славится

невская осень, бывало обычно продолжительно. Условия же речных узостей, прибрежных мелей на Ладожском озере и неопытность русских моряков делали это плавание для крупных парусных кораблей совсем небезопасным. Ветры же на Ладоге порой бывали такими, что она в этом смысле была ничуть не менее опасна, чем открытое море. Пришлось задуматься о более удобном расположении верфей. 5 ноября 1704 года по указанию царя на левом берегу Невы против Васильевского острова закладывается Адмиралтейская верфь – та самая, которая позже стала воистину колыбелью Балтийского флота. Однако, несмотря на все меры по укреплению новой столицы, Петр I ясно понимал опасность ее положения, пока она находится на границе подвластных шведам территорий. Поблизости от Петербурга оставались еще не взятыми две сильные крепости – Нарва и Дерпт. Кроме того, надо было, пока Карл XII занятвойной с Польшей, как можно дальше отодвинуть западную границу от Петербурга. Нарва и Дерпт пали в 1704 году.

НАПРАСНЫЕ УСИЛИЯ

Но пока русские солдаты брали Дерпт и Нарву, шведы предприняли атаку на Петербург: на Кроншлот напал отряд шведских кораблей под командой адмирала де Пру. В эскадре де Пру был линейный корабль, пять фрегатов, пять бригантин и брандер. Нападение было отбито жестоким огнем с русских батарей. Отступив, де Пру пытался через некоторое время высадить десант на Котлин. Десант также был отбит.

Однако попытки шведов вернуть себе утраченные позиции на Неве и в Финском заливе на этом не прекращаются. Зимой 1705 года генерал Майдель, командовавший шведскими силами к северу от Петербурга, предпринимает вылазку по льду Финского залива, но тысяча человек, которые были посланы взять русские укрепления ночным штурмом, в темноте заблудились на льду и едва не замерзли, разыскивая Котлин. Когда же они наконец его нашли, русские встретили шведов сильным огнем.

Шведское правительство встревожилось не на шутку. Де Пру отбит с уроном, Майдель при каждой вылазке теряет все больше солдат и офицеров, а Петербург тем временем крепнет. Там, где еще два года назад были лишь болотистые берега и нескользко нищих деревушек, теперь вырастают валы и бастионы, и всюду артиллерийские батареи, батальоны солдат, и всюду у берегов мачты, мачты, мачты...

Весной 1705 года Финляндский корпус Майделя, увеличенный до 10 тысяч человек, снова подступил к Петербургу с суши, а флот адмирала Анкерштерна, в который входила и эскадра де Пру, вошел в Финский залив. В его составе было восемь линейных кораблей, на каждом из которых от 35 до 50 пушек, шесть 20-пушечных фрегатов, три бомбардирских галиота, два брандера и два плоскодонных 40-пушечных артиллерийских судна. Такой состав флота показывает, что пренебрежению шведов

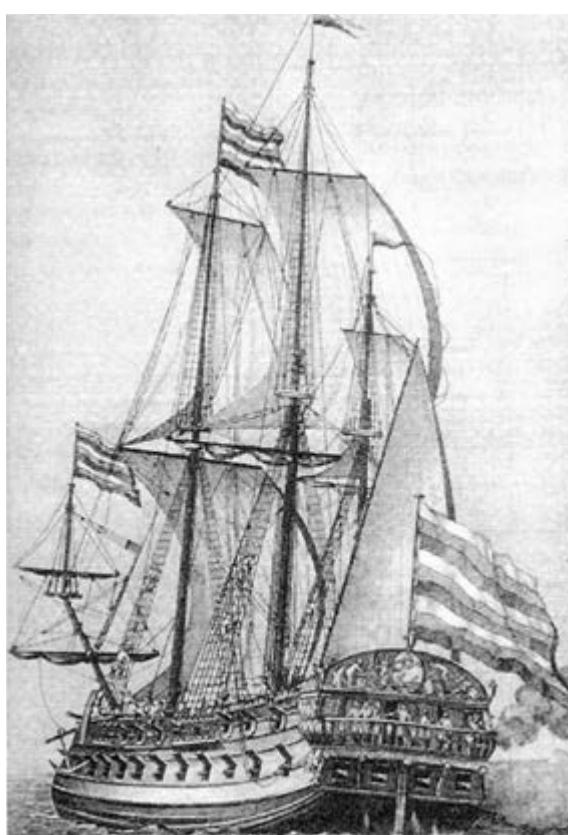
к силам русских, оборонявших Петербург, пришел конец.

Кроншлот и Котлин защищала русская эскадра под командой вице-адмирала Крюйса (восемь 24-пушечных фрегатов, два брандера и семь больших галер). Морской фарватер перед русской эскадрой был перегорожен плавучими рогатками, которые держались на якорях. Шведы пытались атаковать Кроншлот сначала одними средними кораблями – фрегаты утром 4 июня подошли к форту почти вплотную, но, встреченными сильным огнем с батарей форта и кораблей, тут же отступили. На следующий день последовала атака всех шведских сил. Большая часть кораблей подошла к Кроншлоту на расстояние пушечного выстрела и открыла огонь, в это же время на Котлинскую косу был высажен десант. Оборонял косу полк Федота Толбухина. Смыв десант, защитники продолжали бить из пушек по шлюпкам... По словам пленных, шведы потеряли в ходе штурма более 300 человек. В течение всего июня и половины июля 1705 года попыт-

ки шведов овладеть Котлином и Кроншлотом не прекращались – корабли приближались к укреплениям и линиями, и охватом, пытались заходить по фарватеру и засыпали плоскодонки с мелей, но ничего не помогало. Остров и искусственный островок, окруженные рогатками и фальшивыми вехами, продолжали с помощью русского флота с успехом оброняться. Последний жестокий штурм морских укреплений в Финском заливе шведы предприняли 14 июля. В этот день шведский десант из 1630 человек на гребных судах опять подошел к Котлину и высадился в мелкую воду на косе. Русские оборонылись ружейным огнем и картечью. И опять были разбиты в щепу ядрами полугалеры и шлюпки, и опять в панике отступавшие переворачивали собственные боты. Немало шведов было взято в плен. В тот же день к берегу острова прибило до 400 трупов. Ночью вражеский флот снял осаду острова и ушел в море.

Таким же неудачным было и нападение войск генерала Майделя с суши. Шведы были отбиты с огромным уроном, их штурмовые средства – плоты, фашины и туры – были захвачены и уничтожены. После двух стычек на Неве неприятель ушел к Выборгу и три года не беспокоил Петербург. Только флот шведов крейсировал в Финском заливе, не приближаясь, однако, к Кроншлоту.

Все эти годы русская дипломатия прилагает большие усилия к тому, чтобы показать, что Россия заинтересована в развитии мирной торговли на Балтике. И если поначалу Европа не разглядела, кто таков новый русский царь, каковы его цели и планы, то сам Петр после заграничных поездок прекрасно понял, с кем ему придется столкнуться в своей внешней политике. Еще до начала войны со шведами в Голландию был послан Андрей Артамонович Матвеев, человек образованный и наблюдательный. После

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

начала войны он доносил царю: «Нынешняя война ваша со шведами Штатам очень неприятна и всей Голландии весьма непотребна, потому что намерение ваше взять у шведов на Балтийском море пристань, Нарву или Новые Шанцы, где ни сойдутся, постоянно толкуют: если пристань там у него будет, то не меньше француза надобно нам его бояться, отворенными воротами всюду входить свободно будет... Больше всего боятся того, что у купцов их много товару в Риге, Нарве и Ревеле, и хлеб, который дал им швед вывезти из своих городов, весь лежит теперь в Ревеле, и если вас прогневить, и вы их города возьмете, то их товары безвозвратно погибнут. Купечество здешнее и английское не прочь, чтобы этим городам быть за вами, и я, сколько могу, обещаю им большую свободу в торговле, если города эти будут за вами...» Весть о нарвском поражении русских войск в 1700 году вызвала в купеческом мире Европы «неказанную радость», как пишет Матвеев. Но Петр I понимал, что радость эта объясняется довольно просто. Трезвый политик знал, что купцам, кто бы они ни были, нужны твердые доходы и уверенность в том, что доходы не превратятся в издержки. До сих пор залогом таким в торговле на Балтике была морская мощь Швеции. Петру I нужно было, чтобы теперь торгующие страны увидели надежную морскую державу и в России. Матвеев ведет переговоры с президентом Голландских Штатов Витзеном о том, чтобы голландский флот взял на службу для выручки 4 тысячи матросов из Архангельска. Сначала Витзен и слышать о том не хочет: и флот, мол, не может делать таких неприбыльных рейсов в Архангельск, и нельзя обучить ремеслу людей, если они даже не знают голландского языка, и прочее, и прочее. Вот если бы царь дал в голландскую службу пехотные русские войска, это было бы гораздо полезнее и русским, и Голландии... «Им то зело ненадобно,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Гангутское
сражение.
Гравюра
Маврикия Бакуа.
1724–1727 годы

Гангутское
сражение
25–27 июля
1714 года.
Схема движения
кораблей
русских
и шведов

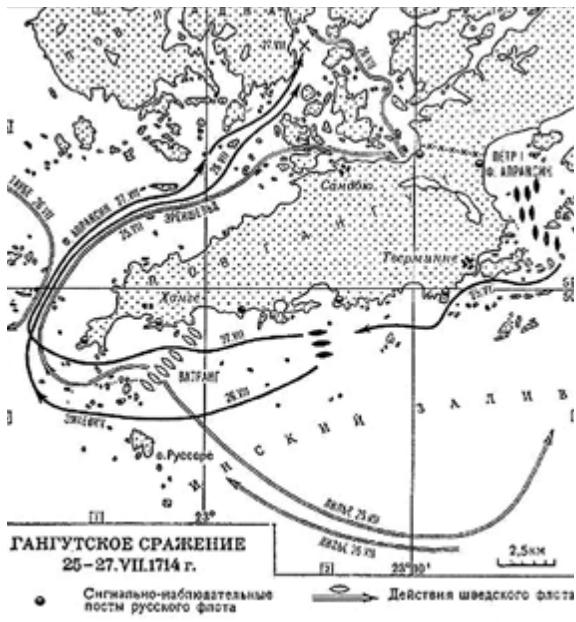
чтобы наш народ морской науке обучен был», – писал в Россию Матвеев.

Настроение голландского правительства, однако, менялось вслед за событиями на Балтике. В 1703 году Голландские Штаты дают согласие на принятие в голландскую службу тысячи русских матросов; более того, до тех пор отвергавшая всяческие предложения о возможности посредничества между Россией и Швецией Голландия теперь сама предлагает свои услуги в этом русскому царю. За спиной Голландии стоит более мощная Англия... Просыпающаяся на востоке Европы страна,

превосходящая весь цивилизованный мир своей территорией; страна, границы которой теряются где-то там, куда воистину не добраться ни на каком корабле, вызывает все большую тревогу Британии. Еще большее беспокойство вызывают в Лондоне слухи о тайных отношениях России с Францией. Однако дружба Франции и России время еще не пришло. «Дружба здешняя, – писал из Парижа Матвеев, – через сладость комплиментов своих бесполезная, в прибыльном деле малой случай нам кажется». Время решительных успехов на дипломатическом фронте для России еще не настало: Карл XII был ближе к Лондону и Парижу, чем Петр I, и никто еще в Европе не мог предвидеть, чем кончится Северная война.

ГАНГУТ И ГРЕНГАМ

В течение всех десяти лет, что последовали после первых успешных действий русских судов на Неве и в Финском заливе, крупных морских столкновений между шведским флотом и русским не происходило. Первый этап присутствия русских кораблей в этом районе едва ли даже может быть назван периодом боевых действий, скорее, это был период обороны: юный русский флот набирал опыт отражения атак вражеских кораб-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

лей и морского десанта. За котлинские рогатки флот выходил редко. Суда выполняли задачи плавучих батарей, стерегущих подходы к Петербургу.

Однако весы Северной войны все более клонились не в пользу шведов. Поражение их войск под Лесной и разгром под Полтавой, бегство в Турцию раненного и едва не угодившего в плен короля, отвоевание русскими войсками по всему побережью Финского залива крепостей и земель, противодействие Англии и Голландии шведской морской блокаде России – все это не могло не повлиять на соотношение сил и настроенность умов в Европе.

Сухопутные же силы России тем временем при поддержке галерного флота продвигались северным берегом Финского залива, захватывая эту подвластную Швеции область. Галерный флот русских становился все мощней, а действия его в условиях шхерного побережья все менее поддавались контролю более сильного в открытом море корабельного шведского флота.

Решительно переломил положение дел на море Гангутский морской бой, произошедший 27 июля 1714 года. В нем галерный русский флот, воспользовавшись безветрием, смело осуществил прорыв мимо главных сил шведской эскадры и всей мощью обрушился на корабли противника, сосредоточившиеся в фиорде за полуостровом Гангут. В жестокой абордажной схватке треть шведов погибла, треть была ранена. Все оставшиеся в живых во главе с адмиралом Эреншельдом были взяты в плен. Победа при Гангуте имела громадное значение, стала переломным моментом в войне на Балтийском море. Сам по себе урон шведов в этом сражении был не так уж велик, но упал дух шведского флота. Адмирал Ватранг, карауливший русских у южной оконечности Гангута и имевший сильный линейный флот, узнав об исходе шхерного сражения, спешно отступил, чтобы прикрыть швед-

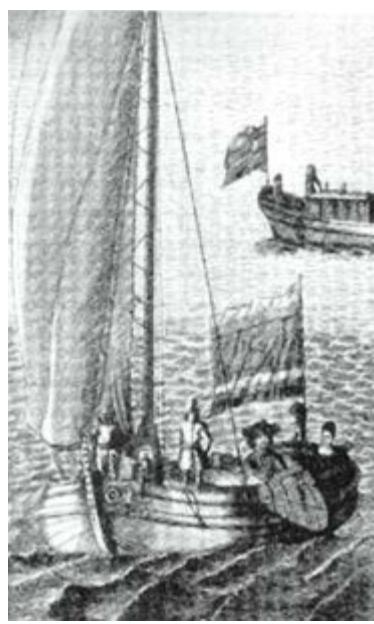
ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Ингерманланд» – флагманский корабль Петра I в 1718 году. Гравюра К. Вейермана по рисунку А.К. Беггрова. 1872 год

ские берега. Весь Абоско-Аландский шхерный район оказался в руках русских.

Помимо непосредственно военного флота шведское правительство держало на Балтике и откровенно пиратские суда, целью которых был захват и уничтожение купеческих кораблей, поддерживавших сообщение торговой Европы с новыми русскими портами. Каперы эти раздражали не только Россию – соединенный флот Англии и Голландии явился наконец в пролив Зунд, чтобы совместными усилиями защитить торговые коммуникации. Одновременно и Петр I дал приказ о выходе в море трех русских фрегатов под командованием капитана Бредаля. У берегов Курляндии были взяты и разоружены три шведских капера.

Петр I и Екатерина I, катаящиеся по Неве. Гравюра А.Ф. Зубова. 1716 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Захваченные суда отправили в Петербург. В свою очередь, Петр, желая принудить шведов к действиям уже не наступательным, а оборонительным, велел снарядить того же самого капитана Бредаля на поиск шведских торговых судов.

Международные отношения менялись. Ослабление Швеции повлекло за собой переориентировку ее бывших союзников. Летом 1716 года Петр I становился командующим объединенным флотом России, Англии, Голландии и Дании. Он имел основания для торжества: за два десятка лет не имевшая флота Россия стала в ряд с сильнейшими морскими державами.

27 июля 1720 года, в годовщину Гангутского боя, эскадра шведского вице-адмирала Шеблада потерпела поражение от галерного флота князя Голицына при Гренгаме. Гренгамский бой был во многом схож с Гангутским – это опять было сражение подвижных и слабых в артиллерийском отношении, но более многочисленных русских галер с парусными шведскими кораблями. Опять решающую роль сыграла абордажная схватка. Адмиральский корабль смог спастись только бегством.

Диктату шведов на Балтике конец пришел уже после Гангута. Теперь русский флот захватил полное господство на море. Галерные десанты русских находились уже в нескольких десятках верст от Стокгольма.

30 августа 1721 года был заключен Ништадтский мир, положивший конец войне, длившейся 21 год. Лифляндия, Эстляндия, Ингрия, часть Карелии и Финляндия с Выборгом отошли к России. Вернув свои исконные крепости и земли, отвоевав у шведов весь южный берег Финского залива и прилегающие к нему острова, Россия прочно утвердила на побережье Балтийского моря. За вновь выстроенными на Котлине укреплениями стремительно вырастал новый порт и новая столица России – Санкт-Петербург.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬНИЦЫ

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

ПРИЖИМИСТЫЕ И ОБОРОТИСТЫЕ, СКУПЫЕ И ВЛАСТНЫЕ. АРИНА ПЕТРОВНА ИЗ «ГОСПОД ГОЛОВЛЕВЫХ» ИЛИ КАБАНИХА ИЗ «ГРОЗЫ» – ЭТИ ОБРАЗЫ ЗНАКОМЫ НАМ ЕЩЕ ИЗ ШКОЛЬНОГО КУРСА РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. СУЩЕСТВОВАЛИ ЛИ ВАССЫ ЖЕЛЕЗНОВЫ В РЕАЛЬНОСТИ ИЛИ ПОДОБНЫЕ ГЕРОИНИ – ВСЕГО ЛИШЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ ГИПЕРБОЛА?

В ПОСЛЕДНИЕ ПЯТНАДЦАТЬ лет историки в разных странах обратили внимание на феномен женского предпринимательства. Оказалось, что женское затворничество, давление постулатов «Домостроя» в некоторой степени являются мифом. В XVIII–XIX веках в России существовала когорта женщин, которые, наряду с ролью жены и матери, успешно исполняли роль главы семейного хозяйства – иногда будучи замужними, а иногда и в отсутствие супруга.

Одна из красавиц пушкинской поры, Анна Петровна Керн, которой поэт посвятил строки «Я помню чудное мгновенье...», в написанных ею в старости мемуарах дала яркий портрет своей бабушки. Агафоклея Александровна Полторацкая (1737–1822), урожденная Шишкова, родила 22 ребенка. И при этом славилась как властная управительница своих имений: «...Была так умна и распорядительна, что, владея 4000 душ, многими заводами, фабриками и откупами, вела все хозяйствственные дела сама без управляющего через старост. Этих старост она назначала из одной деревни в другую, отдаленную, где у них не было родни». По воспоминаниям внучки, стиль управления делами был весьма строгим, иногда переходившим в самодурство. Помещица Полторацкая, почти постоянно проживавшая в своем имении Грузины в Тверской губернии, во дворце,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Неизвестный художник.
Портрет купчихи с муфты.
1780–1790-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Агафоклея Александровна Полторацкая, урожденная Шишкова (1737–1822)

по легенде построенным по проекту Растрелли, «всякую зиму лежала в постели и из подушек ее управляла всеми огромными делами, все же лето она была в поле и присматривала за работами». Биографы Полторацкой писали, что к концу жизни у нее было 13 тысяч душ крепостных, а хозяйство ее крепло и развивалось. Муж Полторацкой при этом служил директором придворной певческой капеллы в Петербурге и не касался хозяйственных вопросов.

Уже на заре индустриального развития, в середине XVIII века, российским женщинам принадлежал ряд крупных предприятий. Например, в Москве в 1748 году владелицей Кадашевской полотняной мануфактуры была «купецкая вдова» Наталья Бабкина, еще две суконные мануфактуры, основанные в 1763 и 1769 годах, принадлежали дворянкам – адмиральше Мятлевой и княгине Юсуповой.

В течение XIX столетия женское предпринимательство усиливалось, распространяясь на разнообразные сферы коммерческой деятельности. Более того, архивные документы свидетельствуют о том, что в XIX веке русские женщины из состоятельных семей воспитывались в атмосфере, предполагавшей, что персона женского пола должна наравне с мужчиной разбираться в вопросах финансов, заключения сделок по торговле и недвижимости. Причем это относилось к женщинам всех экономически активных сословий: дворянкам, купчихам, мещанкам и, отчасти, крестьянкам, переселившимся в город.

Историк Мишель Маррезе в своей книге «Царство женщин: дворянки и контроль над собственностью. 1700–1861», оценивая экономическую активность женщин, отметила, что «к началу XIX века дворянки были участни-

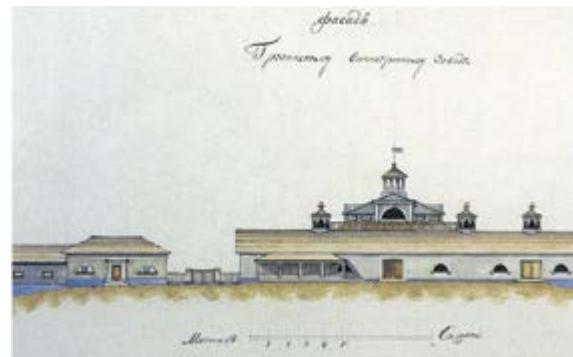
цами примерно 40 процентов имущественных сделок, в качестве продавцов и инвесторов, повсеместно в России – эта цифра, насколько нам известно, намного превосходит владение собственностью в других европейских странах». Статистический анализ, проведенный Маррезе, показал, что дворянкам принадлежало не менее одной трети всех частных землевладений в десятилетия накануне отмены крепостного права в 1861 году. Получается, что такой исторический персонаж, как Агафоклея Полторацкая, не был исключением.

Однако не следует абсолютизировать принцип имущественной независимости женщин и игнорировать парадоксальность ситуации, в которой принцип раздельности собственности в браке причудливо сосуществовал с юридически зафиксированной зависимостью жен от мужей и дочерей от отцов в личных правоотношениях.

ПРАВО НА СОБСТВЕННОСТЬ

Парадокс правового положения женщины в России в конце XVIII – XIX веке заключался в том, что, играя в социальной жизни традиционную роль жены, матери, хозяйки дома, она одновременно могла иметь самостоятельный статус собственника и руководителя в предпринимательстве.

Главным отличием между российским и западноевропей-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ским законодательством было то, что, согласно отечественным законам, женщина пользовалась такими же имущественными правами, как и мужчина. Каждый из супругов мог иметь и вновь приобретать свою отдельную собственность – через покупку, дар, наследство или иным законным способом. В 1753 году был принят закон, гласивший, что «жены могут продавать собственное их имение без согласия их мужей». Более того, супруги могли вступать друг с другом в отношения купли-продажи как совершенно посторонние лица. В 1825 году это было подтверждено специальным законоположением «Пояснение, что продажа имения от одного супруга другому не противоречит закону».

В «Своде законов Российской империи» (1832) принцип раздельной собственности в браке был окончательно закреплен в формуле: «Имущество жены не только не становится собственностью мужа, но, независимо от

Проект
винокуренного
завода
А.А. Полторацкой
в Грузии

способа и времени его приобретения (во время ли замужества или до него), муж браком не приобретает даже права пользования имуществом жены».

Право личного владения собственностью, прописанное в русском брачном законодательстве, сыграло ключевую роль в возникновении значительного слоя женщин-предпринимателей.

Согласно законодательству Российской империи, женщины имели равные с мужчинами права на занятия коммерцией. В изданном в царствование Екатерины II сенатском указе от 25 мая 1775 года «О сборе с купцов, вместо подушных [податей], по одному проценту с объявленного капитала и о разделении их на гильдии» говорилось: «Лица женского пола причисляются к гильдиям на одинаковом основании с мужским; незамужние по праву состояния, принадлежащего им по рождению, а замужние и вдовы по праву, приобретенному ими супружеством». Статья 92 «Жалованной грамоты городам» (1785) гласила, что «дозволяется вся кому, какого бы кто ни был пола <...> кто за собою объявит капитал выше 1000 рублей и до 50 000 рублей, записаться в гильдию». Право ведения коммерческой деятельности женщинами обосновывалось также в законах о лицах купеческого звания: «По смерти начальника семейства может заступить место его вдова, взяя на свое имя купеческое свидетельство, со внесением в оное сыновей, незамужних дочерей <...> и внуков». И очень часто, даже при активной коммерческой деятельности взрослых сыновей, вдовы руководили семейным бизнесом. Другим, менее распространенным вариантом была передача отцом дел фирмы (если не было наследников мужского пола) незамужним дочерям. Однако и после выхода замуж предпринимательница могла продолжать вести самостоятельное дело.

В период после Великих реформ 1860-х годов, когда Россия встала

Вид
Кадашевской
слободы
из Кремля.
Фрагмент
панорамы
Москвы
середины
XIX века

на путь буржуазного развития, наблюдается развитие и третьего варианта, когда женщина, преодолев бюрократические сложности, могла самостоятельно взять купеческое свидетельство. Таким образом, в законодательстве была отражена реально существовавшая ситуация – в области женского предпринимательства в России (как, впрочем, и в других странах) осуществляли свою деятельность три основные группы женщин: купеческие вдовы (самая многочисленная группа была в России и в европейских странах), замужние купчихи, незамужние купеческие дочери.

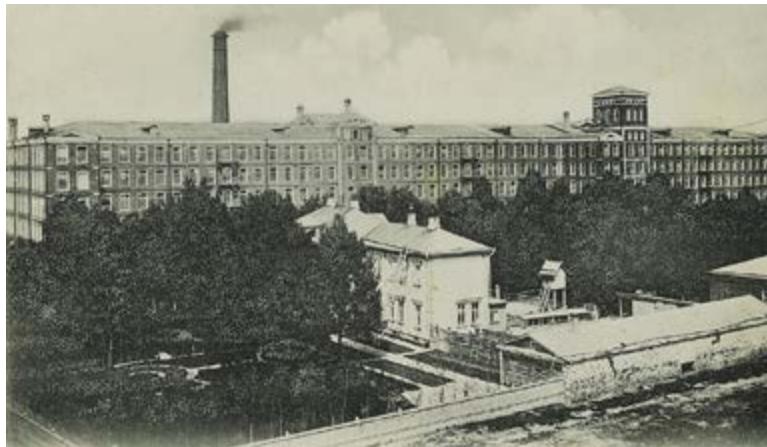
СТАТИСТИКА XIX ВЕКА О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ ЖЕНЩИН

Анализ статистических данных о промышленности с 1814 по 1897 год показал, что предприятий, принадлежащих женщинам, насчитывалось в 1814 году 165 (из общего количества 3731), в 1832-м – 484 (из 5349), в 1879-м – 1045 (из 26 067), в 1884-м – 1354 (из 27 235), в 1897 году – 1684 (из 34 723).

Согласно опубликованной Министерством финансов «Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы», деловые женщины владели 165 фабриками и заводами. При этом в ряде отраслей доля «женского» бизнеса была весьма высокой: в писчебумажной – 13 процентов (10 фабрик), в суконной – 12 процентов (29 предприятий), в металлообработке – 12 процентов (9 предприятий), в стекольной и хрустальной – 10 процентов (15 фабрик). «Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года» демонстрирует, что за девятнадцать лет (с 1813 г.) количество предприятий, принадлежащих женщинам, выросло в 2,9 раза – с 165 до 484.

Для изучения истории женского предпринимательства в эпоху 1850–1860-х годов общероссийского статистического свода, к сожалению, не имеется. Однако представление о развитии женского предпринимательства

Вид фабрик
Тверской
мануфактуры
Морозовых.
Начало XX века

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Варвара Алексеевна Морозова, урожденная Хлудова (1848–1917), предпринимательница и благотворительница, в 1882–1893 годах – председатель правления «Товарищества Тверской мануфактуры бумажных изделий»

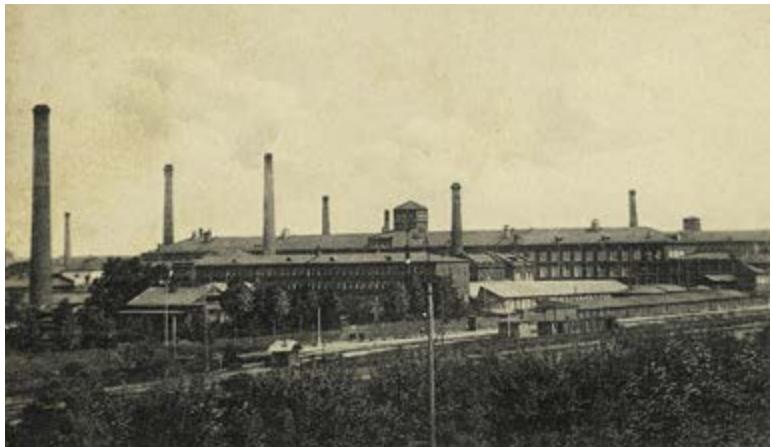
фабрики выработали за год продукции на 43,7 миллиона рублей, что составило 4 процента объема общероссийского промышленного производства.

В 1880-е годы число и влияние женщин в предпринимательстве мало изменилось в сравнении с предыдущим десятилетием. В 1884 году число женщин – собственниц промышленных предприятий увеличилось с 1045 до 1309. Им принадлежало 1354 предприятия с 58 тысячами рабочих. Среди гильдейского купечества женщины составляли 11 процентов в Москве и 14 процентов в Петербурге.

В 1890-е годы роль женщин-предпринимателей продолжала усиливаться. 28 января (по старому стилю) 1897 года в стране прошла Первая всеобщая перепись населения, определившая население империи в 125,7 миллиона человек и долю городского населения в 13,4 процента. Перепись показала, что среди лиц, имевших самостоятельные занятия торговлей, насчитывалось 35 694 женщины. Это составило 13 процентов от общего числа коммерсантов (267 989 человек). При этом 166 женщин возглавляли крупнейшие фирмы.

Официальный «Перечень фабрик и заводов», содержащий сведения о 35 тысячах предприятий, указывает, что 1711 женщин владели 1684 предприятиями. Подсчеты показывают, что на этих фабриках и заводах трудилось 106 тысяч рабочих, а стоимость годовой продукции составляла 150 миллионов руб-

дают списки предприятий ключевых промышленных центров страны – Москвы и Петербурга, – из которых следует, например, что в 1853 году московские предпринимательницы владели 99 фабриками из 839, находившихся в столице. В 1863 году в стране имелось 15 фабриканток, которым принадлежали предприятия с огромным годовым объемом производства, свыше 100 тысяч рублей. Например, в Москве суконные фабрики Котовой, Черепахиной и Тюляевой, в Серпухове – ситцевая фабрика Третьяковой, в Петербурге – химический завод Растворевой. В 1870-е годы произошло сильное расширение спектра активности женщин в промышленности. Подсчеты по «Указателю фабрик и заводов» за 1879 год показали, что 991 женщина владели в общей сложности 1045 предприятиями из общего количества 26 067. Много это или мало? Много, если знать, что эти

Ткацкие
фабрики
Никольской
мануфактуры
в Орехово-
Зуеве. Начало
XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария Федоровна Морозова,
урожденная Симонова (1830–1911),
предпринимательница и благо-
творительница, в 1889–1911 годах –
председатель правления «Товари-
щества Никольской мануфактуры».
Фото начала 1880-х годов

лей. В текстильной промышленности на принадлежащем женщинам 201 предприятии вырабатывалось 11 процентов тканей, производимых в стране. Типичным явлением в 1890-е годы стало участие женщин в руководстве предприятиями в роли директоров правлений и их значительное влияние на принятие решений. По «Перечню фабрик и заводов» (1897) в текстильной отрасли было выявлено 25 товариществ, в состав директората которых входили женщины. Крупнейшими из них были предприятия династии Морозовых – Никольская мануфактура в Зуеве, где руководила Мария Федоровна Морозова, и Тверская мануфактура, которую возглавляла Варвара Алексеевна Морозова.

ВДОВЫ, УКРЕПИВШИЕ СЕМЕЙНЫЙ БИЗНЕС

Большую роль в русской культуре сыграли два москвича – реформатор театра Константин Сергеевич Алексеев, более известный нам под псевдонимом Станиславский, и основатель Театрального музея Алексей Александрович Бахрушин. Но мало кто знает, что их биографии сближала не только любовь к театру. В семьях Алексеевых и Бахрушиных были яркие примеры женского руководства семейным бизнесом.

Станиславский по своей на-
стоящей фамилии принадле-

Вера Михайлов-
на Алексеева,
урожденная
Вишнякова
(1774–1849),
после смерти
мужа, Семена
Алексеевича
Алексеева, бес-
сменно правила
золотокантель-
ной фабрикой
в течение 26 лет

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

жал к богатейшей московской купеческой семье Алексеевых. Фабрика Алексеевых по выработке золотых и серебряных «позументных, плющильных и канительных изделий» была основана в 1785 году. Весь XIX век она была крупнейшей в своей отрасли в России. Более пятидесяти лет руководство фабрикой находилось в руках прадеда и прабабки К.С. Станиславского – Семена и Веры Алексеевых. После смерти в 1823 году основателя дела Семена Алексеева бразды правления перешли к его вдове Вере Михайловне, дочери купца Вишнякова. Вера Алексеева официально была владелицей фабрики в течение 26 лет. И управляла ею вместе с сыновьями Владимиром и Петром. Об успешности бизнеса свидетельствует увеличение числа рабочих – с 56 человек в 1834 году до 140 человек в 1843-м. В 1835 году Вера, Владимир и Петр Алексеевы были возведены в звание потомственных почетных граждан. Владимир и Петр Алексеевы встали у руля фирмы только после смерти матери в 1849 году.

Знаменитый кожевенный завод Бахрушиных, основанный в 1833 году, почти пятнадцать лет – с 1848 по 1862 год – управлялся Натальей Бахрушиной в партнерстве с взрослыми сыновьями.

Основатель предприятия Алексей Бахрушин внезапно скончался от холеры в 1848 году. По семейной легенде, после траурной церемонии Наталья (дочь купца Потоловского из Зарайска Московской губернии, откуда был родом и ее муж) и ее трое взрослых сыновей собрались вместе, чтобы ревизовать дела фирмы. Оказалось, что касса пуста, за предприятием числится большой долг, поскольку хозяин за четыре года до кончины вложил огромные деньги (100 тысяч рублей) в новое механическое оборудование, купленное в Англии.

Трое сыновей – 29-летний Петр, 25-летний Александр и 16-летний Василий – стали вести дело

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Алексей Федорович и Наталья Ивановна Бахрушины. Портрет работы неизвестного художника. Первая половина XIX века

вместе с матерью, которая не только формально, но и фактически стала руководителем завода. Правнук, Юрий Бахрушин, писал, что Наталья Ивановна «двигала механизм в качестве скрытой пружины», имела репутацию волевой женщины, была грамотной и разбиралась в финансовых документах. Ей удалось расплатиться с долгами и привести фирму в стабильное состояние. Свидетельством этого стало получение в 1851 году семьей Бахрушиных потомственного почетного гражданства.

За годы, когда Наталья Ивановна руководила предприятием,

число рабочих возросло с 160 до 290 человек, а стоимость произведенной продукции выросла в два раза, достигнув 367 тысяч рублей в год, был построен новый, каменный корпус фабрики. Продукция – сафьяновые и подошвенные кожи – неизменно получала призы на промышленных выставках, например в каталоге выставки 1861 года было отмечено: «Весь товар, представленный на выставку этой экспонентшей, отличного качества».

Товарный ярлык
«Суконная
фабрика
Товарищества
Алексея
Бахрушина
Сыновей»

Аграфена
Васильевна
Растеряева
(1811–1874),
жена санкт-
петербургского
купца Сергея
Нефедьевича
Растеряева
(1806–1860),
после смерти
мужа удачно
продолжавшая
его торговое
дело. Портрет
работы
художника
Е.Е. Белякова.
1854 год

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ФАБРИКАНТКА

Купчиха 1-й гильдии Аграфена Васильевна Растеряева была одной из самых ярких петербургских фабриканток. Ее муж, купец 1-й гильдии Сергей Растеряев, скончался в 1860 году в возрасте 55 лет. С 1861 года Аграфена Васильевна возглавила семейную фирму «Сергей Растеряев». 50-летней матери помогали числившиеся с ней «в одном капитале» трое сыновей: 27-летний Иван, 22-летний Григорий и 21-летний Николай.

Растеряевой принадлежали два дома, в том числе каменный на престижном Троицком проспекте в центре столицы. От мужа Растеряева унаследовала пять предприятий, в том числе три в Петербурге. На кожевенном заводе в 1862 году было 36 работников, стоимость продукции составила 155 тысяч рублей. Химический завод, основанный в 1847 году (в 1862-м – 40 рабочих), производил серную, азотную и соляную кислоты, а также нашатырный спирт. Существовал с 1853 года и третий завод – дроболитный (или дробяной), там было всего 6 рабочих. В 1862 году в общей сложности на трех предприятиях вдовы работали 82 рабочих, а стоимость продукции составила 280 тысяч рублей. Растеряевой принадлежали также два кирпичных завода, основанных в 1855 и 1858 годах вблизи Петербурга. По данным 1865 года, на них было произведено 7 миллионов штук «красного и алого» кирпича на сумму 80 тысяч рублей, трудилось 200 рабочих, действовала паровая машина.

Аграфена с сыновьями унаследовала в составе имущества семейной фирмы торговлю химикалиями, металлами, «инструментом», скобяным товаром, осуществлявшуюся в трех лавках в Петербурге (одна в Гостином дворе и две на Апраксином дворе) и в Москве (в Китай-городе, в Гостином дворе). Торговля кирпичом шла на специальном «дворе» в центре Петербурга. Продукция коже-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Апраксин двор
на Садовой
улице в Санкт-
Петербурге.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

венного и химического заводов имела спрос в Москве, Петербурге, Риге и других городах империи. После смерти Раsterяевой семейный бизнес был разделен между тремя сыновьями, двое из которых вели дела петербургских предприятий (Ивану достался дробяной завод, а Григорию – все остальное), а третий, Николай, переехал в Москву, где стал вести дела семейной торговли металлами.

Пример Раsterяевой демонстрирует, что своеобразие семейной стратегии бизнеса заключалось в создании и развитии промышленных предприятий в разных отраслях. Умение организовать производство и сбыт разных типов продукции свидетельствовало о предпринимательском таланте хозяйки.

После смерти Аграфены Раsterяевой ее сын Григорий, по

воле матери унаследовавший большую часть семейного бизнеса, успешно продолжал дело под маркой «Григорий Раsterяев», войдя в число крупнейших торговцев инструментами и металлами. Позиция его в предпринимательской элите укрепилась после женитьбы на дочери крупнейшего торговца винами и колониальными товарами в Петербурге, банковского деятеля, председателя Петербургского биржевого комитета, коммерции советника Григория Елисеева – Татьяне. Рост Григория Раsterяева в бизнесе сопровождался повышением общественного статуса – он был выборным Санкт-Петербургского биржевого комитета, затем получил звание коммерции советника. Основа его богатства была заложена предпринимательской сметкой матери.

С. Петербург – St.-Petersbourg

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДВОРЯНКИ И ИХ БИЗНЕС

В первой половине XIX века почти 50 процентов российских предпринимательниц составляли дворянки, имевшие заводы и фабрики в своих имениях и чаще всего использовавшие труд крепостных крестьян, а не вольнонаемных рабочих.

«Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года» сообщает, что дворянкам принадлежало 241 предприятие, в том числе 64 суконные фабрики, 64 предприятия по производству поташа и селигры, 34 завода по производству металлов и металлоизделий, 22 стеклянных и хрустальных завода, 16 писчебумажных фабрик. Среди владелиц были 26 персон, которые по мужу или по родителям относились к высшей аристократии – княжеским родам Апраксинах, Барятинских, Волконских, Вяземских, Гагаринах, Голицыных, Долгоруковых, Мещерских, Радзивиллов, Репниных, Толстых, Хованских; графским – Браницких, Закревских, Зубовых, Лаваль, Орловых, Потоцких, Разумовских, Салтыковых, Уваровых, Чернышевых, Шереметевых.

Каким образом собственность в виде промышленных предприятий оказывалась в руках женщин? Подсчеты показали, что в половине случаев дочь получала имущество от родителей в виде подарка, приданого или по завещанию. Еще 30 процентов женщин получили собственность от мужей – как подарок или наследство. Были и случаи приобретения собственности путем покупки.

Рассмотрим два ярких случая дворянского бизнеса на примере княгини Натальи Петровны Голицыной и принцессы Евгении Ольденбургской.

Большой Гостинный двор на Невском проспекте в Санкт-Петербурге.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«УСАТАЯ» ГРАФИНИЯ НАТАЛЬЯ ГОЛИЦЫНА

От родителей получила собственность князя Наталья Петровна Голицына (1741–1837), урожденная графиня Чернышева. Эта удивительная женщина прожила почти сто лет, была фрейлиной при пяти императорах и статс-дамой при Александре I и Николае I. По легенде, именно она послужила Александру Сергеевичу Пушкину прототипом графини в «Пиковой даме». В свете Голицыну, у которой в пожилом возрасте появились усы, за глаза называли Princesse moustache – усатая графиня.

Голицына была очень богата. Она унаследовала значительную собственность, принадлежавшую отцу – графу Петру Чернышеву, сенатору, видному дипломату, сыну денщика императора Петра I. Чернышев прожил более двадцати лет в Европе, был послом в Пруссии, Англии, Франции. За службу он в 1740-х годах получил большие земельные владения с крепостными крестьянами в Орловской губернии. Ими после смерти графа владела его жена, от которой поместья перешли к дочери Наталье.

В «Списке фабрикантам и заводчикам 1832 года» Голицына названа владелицей трех предприятий в Орловской губернии – кожевенного и стеклянного заводов «при селе Кокоревке» и фабрики льняного

полотна в селе Радогощь. С 1765 года Наталья была замужем за князем Владимиром Голицыным, чьи земли в Орловской губернии соседствовали с владениями Чернышевых. Есть свидетельства, что Наталья Голицына принимала решения по руководству хозяйством – при ней в селе Радогощь были построены здание вотчинной конторы, винокуренный и конный заводы, каменная церковь. Однако эксплуатация крепостных, работавших на полях и

Неизвестный художник.
Гостиная в доме княгини Натальи Петровны Голицыной.
Начало 1810-х годов

на предприятиях, была безжалостной. В 1797 году в имениях Голицыной произошло крестьянское восстание, во время которого были разгромлены контора кожевенного завода и здания винокуренного завода. О размерах латифундии Голицыной в 1830–1840-е годы сведений не найдено. Мы имеем более позднюю информацию: в 1860 году в селе Радогощь с 18 селениями, унаследованными от Натальи Голицыной ее сыном Владимиром, было 3768 крепостных и 134 дворовых мужского пола (значит, обоего пола примерно в два раза больше), а также 666 дворов. Земельная площадь поместья составляла 21 637 десятин, что в переводе на современные меры составляет 23 627 гектаров, из которых в пользовании крестьян было 28 процентов, а в пользовании помещика – 72 процента. Таковы были огромные богатства, принадлежавшие помещице-фабриканке.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬНИЦА ИЗ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

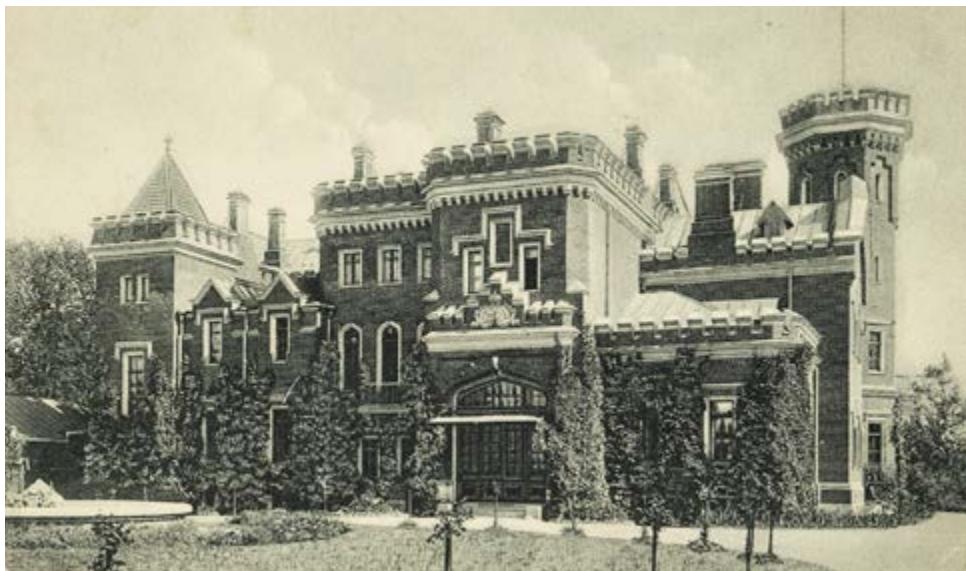
Ее Высочество Евгения принцессы Ольденбургская (1845–1925), урожденная герцогиня Лейхтенбергская, по матери являлась внучкой императора Николая I. В 1878 году, когда ей было 33 года, она купила в Воронежской губернии за 500 тысяч рублей имение Рамонь площадью 4 тысячи десятин (около 4378 гектаров) со свеклосахарным и винокуренным заводами.

При вступлении в брак десятью годами ранее Евгения получила в качестве свадебного подарка от дяди, императора Александра II, 100 тысяч рублей серебром, она могла использовать проценты с этого капитала. Ее личный капитал, без стоимости ювелирных украшений и мебели, составлял 726 214 рублей серебром.

В 1879 году годовая продукция Рамонского свеклосахарного завода, на котором работало 319 человек, составила 72 тысячи рублей. Принцесса Евгения лично занималась делами имения:

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

провела реконструкцию сахарного завода, позже выстроила ковровую и конфетную фабрики (последняя получила награду на Парижской выставке 1889 года), открыла школу, а в 1901 году на свои средства провела до Рамони 20-километровую железнодорожную ветку, действующую до сих пор. Следует добавить, что столь же активна была принцесса Евгения в общественной жизни Петербурга, являясь председателем Общества поощрения художников и патронессой ряда благотворительных заведений.

Со временем разросшееся хозяйство потребовало более эффективного управления, и принцесса Евгения наняла в 1897 году управляющего Коха. Как впоследствии оказалось, это был опрометчивый поступок. Кох докупил еще 4 тысячи десятин земли, переоборудовал сахарный и винокуренный заводы. Несмотря на то, что свободных капиталов у владелицы не было, Кох пошел на рискованные меры – взял кредит в Дворянском банке, а потом занялся спекуляцией сахаром. Хозяйство терпело огромные убытки, в 1905 году дефицит достиг 4,2 миллиона рублей.

Как члену императорского дома принцессе Евгении было оказано «пособие» из казны в 2,5 миллиона рублей и выдан кредит из Государственного банка в 2 миллиона рублей. Тем не менее

хозяйство Рамонь оказалось на грани банкротства, и владелица лишилась всех своих активов после перевода имения в 1906 году в удельные земли. Этот пример показывает, что в условиях усложнения экономических и социальных обстоятельств владельца не смогла осуществлять полный контроль над делами своего поместья. Принцессе Евгении пришлось рас прощаться со своим доходным имением, в которое она вложила столько энергии.

Воронежская губерния. Рамонский дворец в стиле неоготики

Евгения Максимилиановна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская, в замужестве принцесса Ольденбургская (1845–1925)

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Интенсивное развитие российского предпринимательства в XIX столетии вывело на экономическую арену фигуру женщины-предпринимателя. Рассмотрение сотен случаев приобщения женщин к предпринимательской деятельности показывает, что ситуации, когда женщина была вынуждена фактически вставать во главе семейного бизнеса, вначале возникали в порядке исключения, например после смерти мужа. Начиная с середины XIX века возрастает число женщин, которые вели бизнес, не будучи вдовами, вставшими у руля семейного предприятия, а являясь замужними или незамужними персонами, начавшими свое дело с нуля.

К концу XIX века женское предпринимательство стало играть важную роль в экономике. Результатом было появление слоя женщин, обладающих значительным личным богатством. Владение огромными капиталами влияло на статус женщины в обществе. Участие женщин-предпринимателей в экономической сфере достигло к рубежу XIX–XX веков уровня от 10 до 20 процентов и играло важную роль в модернизации России.

Промышленная революция в России запаздывала на 50–60 лет по сравнению с Великобританией и на 25–30 лет по сравнению с Германией. Однако Россия сумела использовать преимущество «отсталости», заключавшееся в восприятии новейших технологий, что обеспечило высокие темпы индустриализации (особенно в конце 1880-х – 1890-е годы) и вывело в начале XX века Россию в число ведущих экономических держав.

В этом продвижении России по пути модернизации женщины-предприниматели сыграли заметную роль. Государство законодательно способствовало развитию предпринимательства женщин, находя в этом явлении важный ресурс укрепления экономики, поддержания социальной и демографической стабильности.

* Автор – доктор исторических наук.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БОЙ-БАБЫ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

АНТОН ПАЛЬШИН, МИХАИЛ ЧОБА, ИВАН ИВАНОВ, ИОСИФ ГЛУЩЕНКО, НИКОЛАЙ ПОПОВ, АНАТОЛИЙ ТЫЧИНИН, НИКОЛАЙ БОГАЧЕВ, АНАТОЛИЙ КРАСИЛЬНИКОВ, ОЛЕГ ШИДЛОВСКИЙ, ФЕДОР ФЕДОТОВ, ИВАН СОЛОВЬЕВ, ЧЕРНОУСОВ, УРЯДНИК ЛАГЕРЬ, ФЕЛЬДШЕР ЦЕТНЕРСКИЙ, НАКОНЕЦ, ПРОСТО ЯШКА. ВСЕ ЭТИ ЛЮДИ – СОЛДАТЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ПОЧТИ ВСЕ – ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ. ОТ ОСТАЛЬНОЙ МНОГОМИЛЛИОННОЙ СОЛДАТСКОЙ МАССЫ ИХ ОТЛИЧАЛО ОДНО: ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ – ЖЕНЩИНЫ, ОТПРАВИВШИЕСЯ НА ПЕРЕДОВОЮ, СПРЯТАВШИСЬ ЗА ПСЕВДОНИМЫ И КЛИЧКИ.

С ПИСОК НЕ ИСЧЕРПЫВАЮЩИЙ. Тем более что его нужно пополнить и теми фамилиями, владельцам которых повезло больше. Обстановка не потребовала от них маскировки, им Высочайшим повелением разрешено было ехать на фронт... женщины. Не смог отказать Николай Александрович в просьбе

юной Наталье Комаровой быть зачислена в штат одного из уральских казачьих полков, в котором служил ее брат Петр. Согласился государь с настойчивыми просьбами княгини Евгении Шаховской отправить ее на фронт в составе авиаотряда. Да и Яшка, откровенно говоря, ни от кого не прятался. То есть – не пряталась.

ЯШКА, ОН ЖЕ БОЧКАРЕВА

Эту кличку солдаты 24-го резервного батальона дали рядовому Марии Бочкаревой, что по личному распоряжению императора была зачислена в армию официально. Распоряжение последовало после того, как царь прочитал телеграмму, посланную на его имя Бочкаревой из далекого Томска. Что подвигло Николая II принять такое решение вопреки строжайшему запрету на прием женщин в строевую службу – неизвестно. Зато известно, что Бочкарева не подвела. За два года на передовой Мария была четыре раза ранена и награждена двумя Георгиевскими крестами. И Георгиевской медалью, и медалью «За усердие», выслужила чин старшего унтер-офицера. И вошла в историю как инициатор создания первого женского батальона на смерти в мае 1917 года. Художественный фильм «Батальон», посвященный короткой судьбе этой воинской части, уже пошел по экранам. Вопреки утверждениям авторов картины о скрупулезной документальной точности, с которой дела-

лась эта единственная пока свежая киноработа на тему Первой мировой войны, актриса Мария Аронова, исполнившая роль Бочкаревой, присутствует в кадре в погонах подпоручика Русской армии. В реальности Бочкарева возглавляла батальон, будучи лишь прaporщиком. К первому офицерскому чину ее представили непосредственно перед отправкой женского отряда на фронт. Да и образование к этому времени уже позволяло Бочкаревой выйти в офицеры армии Временного правительства. Некоторое время назад она находилась в лазарете на излечении от раны и там в общих чертах освоила грамоту: начала читать по слогам и впервые написала собственное имя. Внимание к лишней звездочке на погонах Марии Ароновой – вовсе не желание придраться к мелочи. Хотя это вовсе не мелочь. Причина в другом: Главком Брусилов и военный министр Керенский одобрили идею Бочкаревой создать женский ударный батальон из доброволиц. И согласно планам создавалась воинская часть, по штату соответствующая батальону. Первоначально набор составил 2 тысячи человек. После месяца занятий масса девиц отселялась, и на фронт выступило только 300. Это, конечно, уже не батальон, штатная численность которого в русской пехоте составляла тысячу человек с лишком. Но и не взвод в 50 человек, на командование которым мог по чину претендовать прaporщик. Под легендарную Сморгонь отправилась, говоря военным языком, усиленная рота. И это – под командой малограмотного и едва получившего офицерские погоны унтера? И это – притом, что в штате батальона не было кадровых офицеров-мужчин, как повелось позже, при формировании еще трех батальонов – в Питере, Москве и на Кубани, а адъютантом батальона была назначена неопытная дочь адмирала Николая Скрыдлова Мария неполных 19 лет? Видит Бог, есть тут какая-то загадка. Ответом на нее могут быть

Мария
Леонтьевна
Бочкарева
(1889–1920),
инициатор
создания
первого
женского
батальона
смерти

Мария, дочь адмирала Скрыдлова, адъютант батальона смерти. Июнь 1917 года

Авиаторы
Евгения
Шаховская
и Всеволод
Абрамович

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

только предположения. Первое: создание женских добровольческих частей – а их вскоре набралось полтора десятка – это сугубо пропагандистский шаг обожавшего пиар Керенского. Надо было всеми способами демонстрировать, что весь народ, независимо от пола, стоит за Временное правительство и продолжение войны. И, стало быть, об использовании женского батальона в серьезных боях никто не помышлял. Второе: батальоном все это называли ради красного словца, чтобы газетчики раздули. Неслучайно же на официальном языке подразделение именовалось «1-й женской военной командой смерти». Третье: высшая власть оказалась настолько бестолковой и некомпетентной, что даже не слишком задумывалась о деталях и нюансах. Ну, прямо как сейчас на Украине. Керенский стал военным министром за несколько дней до того, как принял решение о создании женских батальонов. Одно из его

первых назначений – шурин и одновременно подполковник Барановский стал начальником канцелярии министра. Генеральская должность, между прочим. И Керенский исправил ситуацию: в течение месяца Барановский превратился в генерал-майора. Ну так это же шурин! А кто такая, собственно, эта Бочкарева? И последнее: во всей Русской армии на тот период не было ни одной женщины-офицера чином старше прaporщика. Короче говоря, в единственный бой батальон смерти повела Мария Бочкарева. Случилось это в июле 1917 года, когда части 1-го Сибирского корпуса, куда определили доброволиц, должен был атаковать немцев в Северо-Западной Белоруссии в направлении на Вильно (ныне Вильнюс). Позиции батальона, усиленного дюжиной опытных инструкторов, оказались в 15 верстах южнее Сморгони, которую русские удерживали почти два года. Первыми в атаку пошли германцы. За три дня боев 525-й полк 132-й пехотной дивизии, при котором значилась женская команда, отразил 14 атак. Потери полка и корпуса в целом были огромны: из 28 тысяч сибирцев в строю осталось около 11. Что особенно неприятно – половина потеря пришла на дезертиров. По воспоминаниям Бочкаревой, досталось и ее подопечным. 30 женщин погибло, 70 было ранено. Среди последних – и сама Мария Леонтьевна. Но официальные

данные несколько иные: убито 2, без вести пропало – 2, ранено и контужено – 33. Опять в истории батальона нестыковка. Что-то уж больно скромные потери он понес в ходе трехдневных ожесточенных боев...

Бочкареву отправили лечиться в тыл, и на фронт, совершивший бросивший воевать, она вернулась через полтора месяца. Теперь уже – подпоручиком. А остатки батальона после ее убытия еще некоторое время оставались на передовой, но вскоре удалились в тыл. Позже прославленный генерал Первой мировой войны Антон Деникин вспоминал: «Женский батальон, приданный одному из корпусов, доблестно пошел в атаку, не поддержаный «русскими богатырями». И когда разразился кромешный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв про технику рассыпного строя, скились в кучку – беспомощные, одинокие на своем участке поля, взрыхленного немецкими бомбами. Понесли потери»...

На фронте побывал еще один женский батальон – 1-й Московский. Но в боях участия не принимал. 1-й Петроградский и Кубанский до передовой не добрались. Равно как и многочисленные территориальные добровольческие формирования, возникшие было в губернских городах, но статус воинских частей так и не получившие. Тема себя исчерпала быстро.

КАЗАЧЬЕГО РОДУ-ПЛЕМЕНИ

Так что же, верно, выходит, говорят: у войны не женское лицо? Если обобщать, то у войны лица вовсе нет. Морда со звериным оскалом... Если же продолжить о женщинах в Перову мировую, то не слишком удачный опыт с коллективным изображением не вычеркивает из истории отдельные женские лики, обретшие на полях войны удачу и славу.

Понятно, что наиболее подготовленные к военной службе женщины были из казачьего сословия. Что и доказали уже помянутая Наталья Комарова, а также

Елена Чоба,
кубанская
казачка
из станицы
Роговской

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Елена Чоба и Александра Лагерева. Были на фронте и другие казачки, но боевые судьбы этих героинь особо интересны.

О фантастически удачливом уряднике Лагере слухи по Северо-Западному фронту поползли уже в конце 1914 года. О том, что под этим именем скрывается 18-летняя донская казачка Александра, еще не прошли. Она служила в сотне, которая занималась преимущественно разведкой. Весной 1915 года газета «Биржевые ведомости» сообщила, что в этой сотне с начала войны числилось 17 женщин, из которых к моменту выхода номера в свет 8 уже погибли. Верить этому утверждению трудно, так как при таком числе подруг скрывать свой пол Лагеревой не имело никакого смысла.

Один из самых ярких подвигов Лагеревой случился в затяжных осенних боях 1-й армии Ренненкампфа на Северо-Западном

Русские
женщины-
инструкторы
в центре
подготовки
новобранцев.
1917 год

фронте, а именно – под городком Сувалки. Будучи в разведке с четырьмя казаками, Лагерева напоролась на германский разъезд из 18 улан. Ситуация – точь-в-точь как в истории с первым георгиевским кавалером Великой войны, урядником Кузьмой Крючковым. Только финал иной. Двух казаков немцы положили, а Александру с оставшимися товарищами взяли в плен. В первую же ночь они выбрались из импровизированной темницы, отыскали своих, к счастью, так и не расседланных лошадей и скрылись. По дороге встретили еще трех казаков, а чуть позже – очередной германский разъезд. На сей раз Лагерева приняла решение атаковать. Обалдевшие от неожиданности немцы во главе с обер-лейтенантом, думая, что попали в серьезную засаду, тут же сдались. По возвращении в полк Лагерева была представлена к чину подхорунжего, пехотному – прапорщика.

Позже Александра Ефимовна не раз отличилась, была ранена, получила два Георгиевских креста – 4-й и 3-й степени.

Казачка Елена Чоба – с Кубани. В отличие от совсем юной и миниатюрной Лагеревой Елена была взрослой 30-летней замужней женщиной, из тех, о которых говорят «кровь с молоком». В станице Роговской любой казак знал, что с Еленой не всякий сладит в джигитовке и рубке. Да и в рукопашном бою – тоже. Муж с началом войны призвался в один из кубанских пластунских батальонов и вскоре погиб, а жена обратилась к казачьему сходу с просьбой отправить ее на войну. Старики дали добро, и на свет явился казак Михаил Чоба. Опаявшись, что ей, как женщине, откажут в приеме в полк, Елена взяла себе мужское имя и оделась соответственно. Прием у воинского начальства прошел без всяческих осложнений, и Чоба отправилась на Юго-Западный фронт, в Карпаты. В одном из первых же боев Елена-Михаил отличилась. «Во время нашего отхода, когда враг тесным кольцом старался сковать одну нашу часть и бата-

реи, Чобе удалось прорваться через кольцо неприятеля и спасти от гибели две наши батареи, совершившие не предполагавшие о близости немцев, и вывести батареи из смыкавшегося немецкого кольца без всякого урона с нашей стороны. За этот геройский подвиг Чоба получил Георгиевский крест 4 ст.», — сообщал журнал «Кубанский казачий вестник».

В общей сложности казачка прорвала на фронте год. Получила две Георгиевские медали, 4-й и 3-й степени, и пулю в ключицу. Посему отбыла с фронта в станицу на излечение. Дальше ее следы на некоторое время теряются. В 1920 году Елена последний раз появилась в Роговской. В 1926 году в одной из американских газет опубликовали фотографию цирковой группы «Кубанские джигиты» во время ее выступления в Сент-Луисе. Среди прочих на фото и Елена Чоба. О Наталье Комаровой известно совсем мало. Уроженка уральской станицы Назаровка, дочь воинского старшины (подполковника) Уральского казачьего войска. Отец и брат Петр в чине сотника ушли на войну в августе 1914-го. Следом за ними двинула в Восточную Пруссию и сестра. Благо с детства владела оружием и уверенно сидела в седле. Представившись командиру полка, Комарова всем видом дала понять, что от задуманного не отступит.

Своего Георгия Наталья получила за то, что отбила у вражеского кавалериста знамя русского пехотного полка, державшего вместе с казаками оборону. Комарова выстрелом сбила немца с седла. Подхватила знамя. А пехотинцы, увидев впереди полковую святыню, ринулись в контратаку.

Следующий подвиг Комаровой — особенный. Во время рукопашной был сбит прикладом с ног ее брат. Наталья отбила потерявшего сознание Петра, не позволила утащить его в плен. И заплатила за это сполна: пуля прострелила ей грудь. По другим данным, рана была нанесена штыком. Казачка выкарабкалась, а на гимнастерке появился еще один крест — 3-й степени.

Различные источники ссылаются на цитаты из писем самой Комаровой домой. Но вот в чем странность: нигде не удалось обнаружить, в каком именно полку служили сама Наталья, ее брат и отец. На Северо-Западном фронте отмечались в 1914 году только 1-й и 3-й Уральские казачьи. Остальные сражались южнее. Однако фамилии Комаровых в публикациях о боевой работе полков в этот период не встречаются. В то же время сохранились довольно подробное описание внешнего вида Натальи, деталей боев, в которых она участвовала, и цитаты из ее писем. Есть что копать исследователям истории Уральского казачьего войска.

На Кубани ситуация еще интереснее. Местная казачка Матвеева была, предположительно, первой женщиной Великой войны, награжденной солдатским Георгиевским крестом. Однако ничего более о ней неизвестно. Ни имени, ни названия ее родной станицы...

ФРЕЙЛИНЫ «ЦАРИЦЫ ПОЛЕЙ»

Иван Иванов — это медсестра 83-го пехотного Самурского и 105-го пехотного Оренбургского полков Римма Иванова. Фельдшер Цетнерский — это Елена Цебржинская из 186-го пехотного Асландузского полка. Анатолий Красильников — охотник 205-го пехотного Шемахинского полка Анна Красильникова. Николай Богачев — доброволец 3-го гренадерского Перновского полка Клавдия Богачева. Николай Попов — разведчик 88-го пехотного Петровского полка, а позже — 30-го Сибирского стрелкового Кирилла Башкирова. Эх, пехота.. С Колей-Кирой смешных эпизодов случилось изрядно. Может, потому сохранилось в памяти и, что не менее важно, в опубликованных воспоминаниях, что Кирилла Александровна не погибла в бою, не ушла молодой от ран, не эмигрировала, а прожила в России длинную жизнь и в 1985 году дала пространное интервью журналу «Нева».

По части всех этих хитростей с псевдонимами, поддельными или взятыми взаймы документами Башкировой было хуже всех. И не в возрасте дело. Хотя ее 16 лет бросались в глаза. Родом Кирилла из Вильно, там ученицу Мариинского училища многие знали в лицо. А фронт-то совсем рядом! Она сбежала на передовую в августе 1915-го, когда эйфория первых месяцев войны давно закончилась и на окопы передка опустилась мрачная боевая рутина. В декабре — первая награда: Георгий 4-й степени! Взяла языка. В одиночку. И первое разоблачение. Следом — возвращение в Вильно, где тайна Коли-Кириллы уже не являлась секретом ни для кого. В разговорах с военным начальством помогал белый эмалевый крестик, и Башкирова сумела вернуться на фронт. Правда, уже в другой полк. Кирилла служила и воевала до октября 1917 года, пока армия совсем не развалилась. У дворянки Елены Цебржинской (урожденной Хечиновой) была иная мотивация, далекая от романтического патриотизма.

ма. Ее муж, военный врач, ушел на войну, едва она началась. Попал в плен во время неудачной для Русской армии Восточно-Прусской операции. Тут, в Петрограде, — два сына: 6 и 3 лет. И диплом медицинских курсов. Там, неизвестно где, — муж. И — раненые солдаты в полевых лазаретах. Под видом некоего Евдокима Цетнерского Елене удается в составе маршевой роты попасть на фронт. Ее боевая судьба оказалась короткой: всего месяца три. В ноябре 1914-го под обстрелом она перевязывала раненого офицера. Очередной разрыв — и осколок попадает в фельдшера. С собой Елена занялась только после того, как закончила перевязку и вытащила ротного командира в безопасное место. В госпитале секрет, само собой, раскрылся, но по повелению государя Цебржинская была награждена Георгиевским крестом, правда, с передовой линии ей пришлось уйти.

Послушница монастыря Анна Красильникова пошла на фронт следом за братьями. На Кавказском фронте с дисциплиной было полегче, и никто особо не придирился к добровольцу, который, будучи раненным, при соответствующих процедурах предстал девицей. Красильников вновь стал Красильниковой, которая получила заветный крест Святого Георгия и вернулась на фронт. Войну Анна Александровна закончила прапорщиком. Нечто похожее случилось с крестьянской Клавдией Богачевой. Только вместо погона прапорщика — Георгиевская медаль к Георгиевскому кресту. А вместо боевой работы — должность сестры милосердия. Один вопрос: ну ладно обычные пехотные части или казачьи сотни, но перновские гренадеры — это такой кадровый отбор, такой офицерский контроль! Они же не где-нибудь перед войной стояли, а в Первопрестольной. Видать, уж очень нужно было крестьянской дочери Клавдии с германцем посчитаться.

О Римме Ивановой у нас знают куда больше, чем о всех перечисленных дамах, вместе взятых. Исключая, разумеет-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Римма
Михайловна
Иванова
(1894–1915)
среди
однополчан
незадолго
до гибели

ся, Бочкиреву. «Ставропольская дева» — так зовут ее на юге России. А солдаты полков, в которых она воевала, меж собой говорили о ней — «святая Римма». Иванова родилась в Ставрополе в 1894 году. Готовила себя к жизни скромной и полезной. Хотела учительствовать. На войну пошла в самом начале 1915 года, едва окончила медицинские курсы. В одной из первых весточек с фронта Римма писала: «К солдатскому костюму и коротким волосам уже привыкла. Теперь меня зовут немного иначе. Адрес мой... для Ивана Михайловича Иванова. Устроилась очень хорошо. Уже имею лошадь. Имею походную кровать. Только у меня есть один недостаток в необходимом. И вот в чем: нет у меня белья. Вышлите мне, пожалуйста, сменных четырех пар мужского белья, дамское неудобно стирать...» Обыкновенно срок в девять месяцев женщинам нужен для дру-

гого великого дела. А Римма... С января по сентябрь она вытащила с поля боя свыше 600 солдат и офицеров. Спасла от гибели полкового командира.

Она погибла под Пинском, в Западной Белоруссии, у деревни Мокрая Дуброва. В бою. В роте выбило всех офицеров, и поднять залегшие цепи, казалось, уже некому. Ах нет, нашлось кому! Прежде чем разрывная пуля настигла Римму, она успела выкрикнуть солдатам самое важное и рвануться из окопа.

Сестра милосердия Римма Михайловна Иванова — единственная женщина, награжденная в Перову мировую войну офицерским орденом Святого Георгия. Вопреки всем статутам и правилам. Но, к сожалению, не единственная погибшая. 17-летняя доброволица 3-го Сибирского стрелкового полка Евгения Воронцова убита в бою у озера Нарочь в Белоруссии в марте 1916 года. В женском батальоне смерти в том самом единственном бою отличилась Феодора Федотова, которая получила солдатский крест и тяжелое ранение, от которого вскорости и скончалась. Еще в самом начале войны под Сольдау, в Восточной Пруссии, погиб артиллерийский капитан Долгов. Мстить за мужа отправилась его вдова. Она так и записалась в полк: «вольноопределенная Долгов». В одной из первых же стычек с германцами «Долгов» был зарублен.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Боец женского
батальона
смерти на посту.
Петроград.
1917 год

КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЫ

В гусарах, как это веком ранее делала знаменитая Надежда Дурова, воевали две женщины. Как минимум. Ольга Шидловская и Мария Михно, которую обыкновенно называют Захарченко. Особой ошибки нет. Мария ушла из жизни в 1927 году будучи как раз Захарченко, по второму мужу. Но в Первой мировой она отметилась под фамилией мужа первого — Михно. Лейб-гвардии Семеновского полка капитан Иван Михно отбыл на фронт в августе 1914-го, вскоре был смертельно ранен и умер

в Петрограде на руках у жены. Невероятное стеченье обстоятельств, но через несколько дней Мария родила дочь. Даже это не остановило ее: через считанные месяцы вдова обратилась к великой княжне Ольге Николаевне, являвшейся шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка, с просьбой предоставить ей возможность поступить в полк. Почему были выбраны именно «Ольгины гусары»? Вероятно, княжна и Мария были хорошо знакомы, учитывая, что Михно, урожденная Лысова, была из генеральской семьи и окончила Смольный институт. Великая княжна, в свою очередь, обратилась к августейшим родителям, и Николай II уступил. В полк поступило распоряжение зачислить молодую женщину – Марии исполнился 21 год – в 5-й эскадрон. Никто не настаивал, чтобы соблюдалась тайна пола. Не только офицеры, но и рядовые гусары знали, кто скакет рядом с ними в походном строю. Управлять лошадью, к слову, Мария могла изрядно, а вот стреляла и рубила, мягко говоря, невнятно. Но прошло время, и пришел навык. А вкупе с бесстрашием и хладнокровием он дал отменный результат. Специалист по разведкам гусар Мария Михно через год имела чин унтер-офицера, два Георгиевских креста и две Георгиевские медали. Ее судьба не менее интересна и в послевоенное время: Гражданская, третье замужество, работа в военных организациях белой эмиграции, разведочная миссия в красной России, гибель в 1927 году во время выполнения задания РОВС на советской территории. Ольга Шидловская, воевавшая под псевдонимом Олег Шидловский, – тоже не из простых. Почти сразу после начала войны ее отец принял пост могилевского губернатора. И тогда же в семью пришла печальная весть: в бою под Сольдау погиб старший брат Ольги, офицер 102-го пехотного Вятского полка Павел. Несмотря на страх потерять еще и дочь, родители дали согласие на то, чтобы окончившая 8-й класс

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

гимназии девушка обратилась «наверх» с просьбой записать ее в солдаты. Ставка Главковерха была недалеко, в Барановичах, и Ольга направила письмо на имя великого князя Николая Николаевича – младшего. Присягнула в 4-й гусарский Мариупольский полк. Нашлась и мотивация: именно в этом полку служила прославленная кавалерист-девица Надежда Дурова, она же – корнет Александров. Шидловская отвоевала до последнего, пока в конце 1917 года полк не был расформирован. Мариупольский гусар «Олег» закончил службу в чине старшего унтер-офицера с Георгиевскими крестом и медалью. Было гусару тогда 19 лет.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СОЛДАТ

Антонина Пальшина, более известная в частях, где проходила ее боевая служба, как «рядовой Антошка», – единственная женщина Первой мировой войны,

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария Лысова
(Захарченко)

которой удалось зацепить все основные рода войск. 17-летняя уроженка села Шевырялово Сарапульского уезда Вятской губернии трудилась в Баку, когда мир кончился. Не раздумывая, Тоня навела справки, выяснила, что самый слабый контроль – при наборе добровольцев в казачьих частях, купила лошадку, обмундирование и отправилась на «прием» во 2-й Кавказский артиллерийский полк Кубанского казачьего войска. Успешно прошла экзамен и начала свою войну. В одном из первых же боев «Антон» проявил завидные командирские качества. После гибели эскадронного начальника взял управление на себя и решил боевую задачу. Но Пальшину при этом ранило, и в лазарете ее скрет открылся. Пришлось вернуться домой, окончить сестринские курсы, служить в львовском госпитале и... мечтать о фронте. Случай представился, когда удалось добыть одежду и документы умершего от ран солдата.

Прибившись к 75-му пехотному Севастопольскому полку, Антонина сменила кавалерию, артиллерию и военную медицину на «царицу полей». И, похоже, прижилась. Полтора года боев, четыре георгиевские награды – два креста и две медали! Последний крест, 3-й степени, « рядовому Антошке» вручал лично генерал Алексей Брусилов. А потом – все как у многих. Ранение. Лазарет. Тыл. Революция...

Первые специально подготовленные женщины-офицеры появились в России только осенью 1917 года. 25 (по другим данным – 18) девушек окончили курс в московском Александровском военном училище и вышли прапорщиками военного времени. Правда, военное время Первой мировой уже закончилось. Начиналось военное время Гражданской смуты. Из выпуска в рядах белых армий оказались почти все прапорщицы. Это была уже другая война, когда спрашивать разрешения и прятаться под псевдонимами стало ни к чему. ●

ПОЛУ-ГОСУДАРЬ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«А ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО – ДВЕ ВЕЩИ НЕСОВМЕСТНЫЕ. НЕ ПРАВДА ЛЬ?». ЗА ДВЕСТИ БЕЗ МАЛОГО ЛЕТ МЫ ПРИВЫКЛИ ВОСПРИНИМАТЬ ПУШКИНСКУЮ ФРАЗУ ИЗ «МАЛЕНЬКИХ ТРАГЕДИЙ» КАК АКСИОМУ. ЕСЛИ НЕ СКАЗАТЬ БОЛЬШЕ – ДОГМУ. ОТРЕЗАЯ ЭТО САМОЕ «НЕ ПРАВДА ЛЬ?». НО ВЕДЬ ПОСЛЕ ЗАДАННОГО ВОПРОСА НИ МОЦАРТ, НИ САЛЬЕРИ К ТЕМЕ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ. НЕ СОМНЕВАЛСЯ ЛИ САМ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ В АБСОЛЮТНОСТИ МЫСЛИ, ВЛОЖЕННОЙ В УСТА ВОЛЬФГАНГА АМАДЕЯ?

РИА НОВОСТИ

ВИЮЛЕ 1824 ГОДА Пушкин написал Александру Тургеневу: «Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое». 25-летнему поэту

скромничать ни к чему. Он уже в полной мере осознавал масштаб собственного дарования. За несколько месяцев до признания другу Пушкин разродился знаменитой эпиграммой:

*Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.*

Четверостишие разошлось по России в списках. Но Александр Сергеевич не успокоился и уже из ссылки, из Михайловского, отправил князю Петру Вяземскому новый вариант:

*Полугерой, полуневежда,
К тому же еще полуподлец!..
Но тут, однако же, есть надежда,
Что полный будет наконец.*

Это не единственная эпиграмма, «посвященная» новороссийскому генерал-губернатору и наместнику Бессарабской области графу Михаилу Воронцову, под чьим началом Пушкин служил в тамошней канцелярии в 1823–1824 годах. Сохранились еще три, объемнее и скучнее. Видать, Михаил Семенович заслужил столь пристальное внимание гения к своей персоне. А раз «гений и злодейство несовместны», значит, был Воронцов исключительно отвратительным существом. Попробуем разобраться по порядку. Хотя порядок пушкинских строк придется нарушить по той простой причине, что препарировать судьбу графа, а позже – светлейшего князя удобнее в хронологической последовательности.

ПОЛУ-МИЛОРД

Граф Михаил, родившийся в мае 1782 года в Петербурге, совершенно не виноват в том, что его отца Семена Романовича на десятки лет спровадили служить послом России в Британию. Таким образом маленький Миша вместе с сестрой-погодком Катей попали в Туманный Альбион. Без матери, умершей от скоротечной чахотки через 10 месяцев после рождения дочери.

Род Воронцовых – знатный, старый. Первый предок из зафиксированных историей – Симеон, прибывший служить великому киевскому князю Ярославу Владимировичу из немецких земель в 1287 году. Его потомок в пятом колене Федор при великом князе Дмит-

рии Донском получил прозвище Воронец. Так и пошло. В роду – воеводы, думные бояре, наместники. Канцлер империи Михаил Илларионович Воронцов, приходившийся Михаилу Семеновичу дедом, женился на двоюродной сестре императрицы Елизаветы Петровны – Анне Скавронской. Это, к слову, тот самый человек, что построил в Петербурге на Садовой улице Воронцовский дворец – «альма-матер» Пажеского корпуса и Суворовского военного училища. В 1760 году канцлера Воронцова возвели в графское достоинство. А его внука крестила сама императрица Екатерина II.

Так что в знатности рода сомневаться не приходится. И, похоже, зря Пушкин, утопая в противопоставлениях, апеллировал к 600-летней истории собственного рода.

Михаил прожил в Англии до 21 года, получил великолепное образование и воспитание, в совершенстве владел основными европейскими языками, свободно читал на латыни и древнегреческом. Интересовался не только искусством и гуманистическими науками, но и экономикой, наукой управления, военным делом. При этом граф Семен разговаривал и воспитывал сына только на русском

Портрет князя
Михаила
Семеновича
Воронцова
(1782–1856).
Литография
А. Мюнстера
с рисунка
Генсена.
1850-е годы

языке, мечтая, что тот будет служить России в России.

Титулы, богатство, знатность, подготовка – все говорило о том, что молодой граф, вернувшись на родину, останется в Петербурге и быстро оформит придворную карьеру. Однако поручик-преображенец, записанный в первый полк русской гвардии еще в 4-летнем возрасте, в 1803 году попросил определить его туда, где дело делается. А дело тогда делалось на Кавказе.

И еще о милордстве. Сестра Михаила Семеновича Екатерина вышла замуж за лорда Джорджа Пембрука, чей графский род отсчитывает эпоху с 1138 года.

ПОЛУ-ГЕРОЙ

В Закавказье в самом начале XIX века приходилось тяжеленько. В Тифлисе бузили многочисленные грузинские царевичи вкупе с мелкими владетельными князьями. Южнее тренякал кривой саблей персидский шах, которому вторили различные прикаспийские ханы. Все это военно-политическое буйство обязали привести к порядку генерала князя Павла Цицианова (Цицишвили). Ученик фельдмаршалов Румянцева и Суворова, опытный офицер и дипломат с восточным уклоном, Павел Дмитриевич достиг многого. Когда уговорами и подарками, когда оружием и кровью. В течение двух лет рядом с ним находился Михаил Воронцов. Участвовал в сражениях и дипломатических играх, учился уму-разуму на практике.

В Петербург граф вернулся, когда началась очередная война с Наполеоном – в 1805 году. Уже гвардейским капитаном, уже георгиевским кавалером. А запросто мог и не вернуться. В январе 1804 года в Закатальском ущелье был неожиданно атакован лезгинами и сорвался с кручи. Чуть ранее отличился при штурме ключ-крепости Гянджа в Западном Азербайджане, считавшейся персами неприступной: вынес из боя офицера Петра Котляревского, впоследствии

легендарного генерала и героя кавказских войн. Генерал Цицианов дал молодому капитану такую аттестацию: «Не могу особенно не рекомендовать при мне находящегося за бригад-майора, не сменяющегося, поручика гр. В., который деятельностью и попечительностью своею, заменяя мою дряхлость, большою мне служил помощью, и достоин быть сравнен с его сверстниками».

Зимой 1805 года граф сражался в Осетии, а осенью бился в шведской Померании. Вообще, послужной список Воронцова – что-то из ряда вон выходящее. 1806 год – после победного сражения при Пултуске произведен в полковники за отличие. 1807-й – командир батальона Его Величества в Преображенском полку, драки с французом под Гутштадтом, Фридландом и Гейльсбергом в Восточной Пруссии. 1809-й – командир Нарвского пехотного полка, штурмы крепостей Базарджик и Шумла на Дунае. В том же году генерал-майор Воронцов с бригадой атакует турецкие крепости Плевна, Ловча и Сельви в Болгарии. 1811-й – бои за Рущук и крепость Виддин на Дунае, Золотая шпага «За храбрость» и Георгий 3-й степени. Наконец, 1812-й... Эту войну граф встретил начальником Сводно-grenадерской дивизии во 2-й армии князя Петра Багратиона. Лермонтовская строка «Лихая им досталась доля...» предельно точно описывает короткий боевой путь дивизии Воронцова. Первый бой с французами у деревни Дашково, потом – оборона Смоленска и Шевардинского редута. И – Бородино, Семеновские флеши! Кто знал, что Наполеон направил главный удар сюда? Ранним утром на флеши обрушили огонь 200 орудий, в атаку двинулись пять-шесть дивизий маршалов Даву, Жюно и Нея. Им противостояли только две дивизии русских: воронцовская и блистательная 27-я пехотная генерала Дмитрия Неверовского. О страшных минутах первого натиска лучше и бесхитростнее

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

самого Михаила Семеновича не скажешь: «В день главного сражения на меня была возложена оборона редутов первой линии на левом фланге, и мы должны были выдержать первую и жестокую атаку 5–6 французских дивизий, которые одновременно были брошены против этого пункта; более 200 орудий действовали против нас. Сопротивление не могло быть продолжительным, но оно кончилось, так сказать, с окончанием существования моей дивизии. Находясь лично в центре и видя, что один из редутов на моем левом фланге потерян, я взял батальон 2-й гренадерской дивизии и повел его в штыки, чтобы вернуть редут обратно... Там я был ранен, а этот батальон почти уничтожен. Было почти 8 часов утра, и мне выпала судьба быть первым в длинном списке генералов, выбывших из строя в этот ужасный день... Из 4 тысяч человек приблизительно на черней перекличке оказалось менее 300, из 18 штаб-офицеров оставалось только 3, из которых, кажется, только один не был хотя бы легко ранен...» В строй генерал вернулся в середине осени 1812 года, воевал в

Вид
на Воронцовский
дворец
в крымской
Алупке
со стороны моря

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРДЫ

3-й армии адмирала Чичагова, в 1813-м освобождал от французов польские города, в частности Познань, за что был произведен в генерал-лейтенанты, а осенью дрался в Битве народов при Лейпциге. Пиком военной карьеры стало сражение около французского местечка Краон недалеко от Реймса. Корпусной генерал Воронцов с 16 тысячами человек столкнулся лицом к лицу с самим Наполеоном, под рукой которого были в два раза превосходящие силы. И русский генерал, и французский император лично командовали боем, в результате которого воронцовские батальоны отошли, получив приказ от прусского маршала Блюхера. Отошли так медленно и в таком порядке, что непосвященный подумал бы: в них стреляют холостыми. В этом сражении французские потери были в полтора раза больше русских. Краон принес Воронцову орден Святого Георгия 2-й степени.

А дальше был Париж. И командование русским Обсервационным корпусом во Франции в течение трех лет. Вернувшись в Россию, Воронцов командовал 3-м пехотным корпусом, а в

1823 году получил назначение в Новороссию и Бессарабию. Казалось бы, с сугубо военной карьерой покончено. Но в 1828 году началась очередная война с басурманами, и граф отправился штурмовать крепость Варну на Черном море. Крепость сдалась, а Воронцов получил в награду Золотую шпагу, увенчанную алмазами и соответствующей надписью. И опять – не все! В 1845 году и так уже обремененный управлением огромных территорий юга России 63-летний Михаил Семенович получает еще одно назначение – наместником Кавказа с неограниченными полномочиями. Николай I задачу поставил ясную: вернуть авторитет русскому оружию среди горцев и привести их к покорности. Но прежде всего – покончить с новым лидером Северного Кавказа – имамом Шамилем.

Пожалуй, это тот редкий случай, когда Воронцов полностью с задачей не справился. Уж слишком запуталось все в горах, пока Кавказ оставался на периферии внимания властей. После наместничества генерала Ермолова прошло добрых два десятка лет довольно вялой политики

Входные ворота на территорию дворца, созданные придворным архитектором королевы Виктории Эдвардом Блором в стиле династии Тюдоров

в тех местах. Успехи у Воронцова были, но масштаб не тот: за несколько лет уничтожили несколько баз Шамиля в высокогорных аулах. В том числе знаменитый аул Дарго, где располагалась резиденция имама. Другое дело, что во время даргинской, или «Сухарной», экспедиции русский отряд, возглавляемый самим Воронцовым, понес очень большие потери. Не столько в сражениях, сколько из-за отсутствия нормальных коммуникаций.

Надо отдать должное императору. На сей раз он оценил не столько оперативный результат, сколько желание и попытки графа развязать кавказский узел, его твердое намерение обновить политику империи на Кавказе. И граф Воронцов превратился в князя Воронцова.

ПОЛУ-МУДРЕЦ

Михаил Семенович отлично понимал, что одной силой с проблемой Кавказа не справиться. Нужна была новая система отношений в крае, экономические и гуманитарные преобразования. Об этом он много раз писал своему старому другу генералу Алексею Ермолову.

За недолгие годы кавказского наместничества Воронцову удалось создать там новую административную организацию территорий. В Закавказье появились губернии. Постоянно улучшалась транспортная инфраструктура, в основном руками русских солдат. Появилась сеть образовательных учреждений, наладили выпуск общекавказской газеты, заработали первые библиотеки и даже театр в Тифлисе. Главным девизом опытного администратора стал такой: «Наступать медленно, но неотвратимо».

Опыт на самом деле был колоссальный. По соседству – в Новороссии, Бессарабии и особенно в Крыму. А помимо этого в послевоенной Франции, где боевому генералу пришлось решать совершенно мирные задачи. Пожалуй, главными были две: не дать разболтаться тыся-

чам солдат и офицеров, находящихся в победной эйфории и бездействии; наладить нормальные отношения между русскими военными и местными гражданскими. Граф справился с обеими.

Воронцов категорически запретил в войсках телесные наказания и любое физическое воздействие на солдат. А какое тонкое понимание солдата проявил командающий, разрабатывая «Правила обхождения с нижними чинами», вступившие в силу в 1815 году: «Так как пьяных не должно наказывать в пьяном еще виде, то в сем только случае подождать, чтоб дать пропретвиться под строгим караулом и наказать, когда он уже опомнится! При этом разработал учебные программы для офицеров, которым предстояло обучать солдат чтению и письму. Граф наладил постоянное почтовое сообщение между Россией и местами дислокации войск во Франции, дабы солдаты не чувствовали себя оторванными от родной земли. Не были забыты и занятия по профессии.

Что до населения, лучшим примером того, что жизнь во французских городах протекала мирно, стали многочисленные адреса от городских и сельских общин и прочие подарки, направленные в штаб командающего, когда народ пронал, что он едет домой. Как известно, всякого начальника встречают хлебом-солью, да не всякого так провожают.

В Новороссию граф напросился сам. Ему предлагали оставаться в Петербурге. Тем более что вернулся в Россию Михаил Семенович уже обвенчанный в Париже с племянницей светлейшего князя Григория Потемкина графиней Елизаветой Ксаверьевной Браницкой, счастливый и ставший благодаря гигантскому приданому в два раза богаче. Однако ж ему по-прежнему хотелось живого дела. И за тридцать лет деятельности на юге страны Воронцов успел очень много, достойно

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

приняв бразды правления из рук герцога Ришелье и графа Ланжерона.

Коротко – о главном. При Воронцове Одесса превратилась в крупный и богатый порт, истинную столицу Новороссии. Этот статус города подчеркивал и сам граф, разместив в нем губернаторскую резиденцию. Дворец и сейчас стоит, в северном конце Приморского бульвара. Воронцов основал пассажирское пароходство на Черном море. Заложил город Бердянск. Организовал сельскохозяйственное общество, которое стало заниматься агросектором системно и масштабно.

Воронцов не только пекся об экономическом развитии полуостровов территорий, но и беспокоился об образовании, научной деятельности, медицине. Только он мог бы объяснить, как ему удалось предотвратить эпидемию чумы в 1829 году, когда через земли Новороссии возвращались с турецкой войны тысячи чумных солдат.

И... если его крестная – Екатерина Великая – Крым к России присоединила, то крестник открыл ее России.

ПОЛУ-КУПЕЦ

До Воронцова Крым представлял собой весьма дикое зрелище. Исключая Севастополь, разумеется. Но одно дело – вотчина Черноморского флота, другое – весь полуостров. Не было не то что курортов – дорог и городов почти не было.

Новый хозяин с абсолютными полномочиями довольно скоро превратил Крым в привлекательное для, как сказали бы сейчас, инвестиций место. Если на заре деятельности Воронцова десятина земли тут стоила гривенник, то спустя двадцать-тридцать лет счет пошел на рубли. С прозорливостью крупного политика и стратега Михаил Семенович постоянно старался заманить на полуостров своих сюзеренов и их семейства. В 1824 году прибыл Александр I – и затеплилась жизнь в Симферополе и Бахчисарае. В 1837-м Южный берег посетил Николай I – и не без стараний Воронцова родилась Ялта, а вместе с ней зашевелились окружающие ее многочисленные поселки. С нуля граф создал в Крыму тонкорунное овцеводство и виноделие. Это нам сейчас кажется, что вина Массандры и Нового

Парадный вестибюль. Один из покоев первого этажа в Алупкинском дворце в строгом британском стиле, украшенный портретами семьи Воронцовых

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

РУССКИЙ МИР.RU / МАРТ / 2015

Знаменитая Голубая гостиная, стены которой украшены белыми цветками изящной лепной работы

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Терраса зимнего сада с видом на море и Воронцовский парк

Света существовали тут со времен древних греков. Стал Михаил Семенович и отцом дворцового строительства на Южном берегу Крыма. Главный его шедевр – Алупкинский дворец, до сего дня сохранившийся почти в первозданном виде. Всегда с убежденностью и искренностью повторявший, что он – русский и живет для России, Воронцов в Алупке слегка расслабился и позволил себе легкую ностальгию по отечеству, когда жил в Англии в подобных замках и особняках. Да и сестра Екатерина, леди Пембрук, хозяйка старинного имения Уилтон-хаус в Уилтшире, всегда была на памяти графа. Он бывал у нее в гостях до и после своей свадьбы в 1819 году. Да, пользуясь эксклюзивными возможностями, Воронцов приумножал в Крыму и собственные капиталы. Скупал земли, разводил сады, виноградники, табачные плантации, строил хозяйства, создавал нужные здоровой торговле условия. В то же время все свое громадное наместническое жалованье распределял между сотрудниками губернаторской канцелярии. В качестве постоянной премии.

ПОЛУ-НЕВЕЖДА

Об образовании Воронцова уже сказано. О профессиональных навыках на самых разных поприщах – тоже. О воспитании и морали? Михаил Семенович был принципиальным противником крепостного права и, вернувшись в Россию, в собственных вотчинах отменил барщину, земли передавались крестьянам в аренду.

Чтобы развеялись последние сомнения по поводу интеллектуальных способностей этого человека, а также его поразительного чувства вкуса, чувства эстетики, довольно посмотреть на те архитектурные проекты, которые он выбирал при строительстве своих домов и дворцов или при покупке у прежних владельцев. Алупка, Симферополь, Одесса, Мошенско-Городищенское имение в 150 верстах южнее Киева со стоявшей там удивительной башней Святослава... Ну и внутрь неплохо бы заглянуть там, где это возможно. При виде сохранившихся интерьеров и произведений искусства исчезнут последние сомнения в том, что Михаил Семенович был человеком с высоким айкью.

О том же свидетельствуют его воспоминания о войне 1812 года, его официальная переписка с Петербургом. А книги? После смерти светлайшего князя (1852 год), генерала-фельдмаршала (1856) осталась библиотека в 30 тысяч томов – это только в Алупкинском дворце. Она включала книги, собранные и самим Михаилом Семеновичем, и его отцом и дядей. 40-томный архив Воронцова издавался его сыном Семеном Михайловичем на протяжении 27 лет в последней трети XIX века.

ПОЛУ-ПОДЛЕЦ

С Бородинского поля генерала увозили на крестьянской телеге о трех колесах. Четвертое было разбито ядром, но телега каким-то чудом проскрипела несколько верст. А дальше «полу-подлец» сделал то, чего не сделал после Бородина никто. Он, сам проходя лечение огнестрель-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ной раны бедра в своем имении во Владимирской губернии, собрал там раненых – более 300 солдат и 50 офицеров – и всех кормил и лечил за свой счет. Воронцов привез всех на собственных подводах из московских лазаретов, где судьба раненых при оставлении столицы могла ока-

Воронцовский парк с видом на гору Ай-Петри

Портрет
А.С. Пушкина.
Рисунок
Ж. Вивьена.
1826 год

заться трагической. Прежде чем на подводы загрузили раненых, транспорт освободили от личных вещей графа: библиотеки в тысячи томов, картин, дорогой мебели и посуды. Все это было брошено на произвол судьбы. Люди Воронцову были дороже. Он всегда отличался вниманием к людям и щедростью. Довольно вспомнить историю 1818 года, когда генерал перед возвращением Обсервационного корпуса в Россию собрал данные обо всех долгах, понаделанных его офицерами и солдатами в любвеобильной, до краев наполненной вином и азартом Франции. Итог вышел впечатляющий – полтора миллиона рублей ассигнациями. Тогда Михаил Семенович продал имение Круглое, наследованное от великой тетушки, Екатерины Воронцовой-Дашковой. И – расплатился.

У Михаила Семеновича и Елизаветы Ксаверьевны родилось шестеро детей. Четверо умерли в детском возрасте. Но Воронцов до конца дней оставался человеком выдержаным, спокойным, внимательным и отзывчивым.

ФОТОХРОНИКА ТАСС

Пушкина в Одессе, куда тот по ходатайству столичных друзей вырвался в 1823 году из пыльного и скучного Кишинева, Воронцов встретил по обыкновению дружелюбно. Предложил заходить в гости попросту и пользоваться роскошной библиотекой. В друзья, правда, не стремился, сохраняя дистанцию и ранжир. Оно и понятно: генерал-губернатору – 41, коллежскому секретарю – 24. У первого на плечах только что принятное огромное хозяйство с миллионами судеб, у второго – еще довольно беззаботная молодость, омраченная только непреходящими долгами и отсутствием столичных друзей. У первого – боевой опыт долгих кампаний. У второго – победы на амурном фронте. Что? Талант? Большой поэт? Воронцов понимал, с кем имеет дело, иначе бы не беспокоились так в далекой Северной Пальмире. Писали, предупреждали. Да, талант! Но почему этот талант столько месяцев валяет дурака, то в Кишиневе, теперь в Одессе? Отсюда – и некоторая холодность Воронцова.

А «бес арабский» все гнет свою линию. Служебными поручениями недоволен, строптив, да ко всему прочему, едва познакомился с Элизой, то есть с графиней Воронцовой, так сразу и бросился ухаживать. А влюбленный Пушкин, что не тайна, удержу не знал. Нет ничего удивительного, что даже у воспитанного в традициях британской сдержанности Воронцова, наблюдавшего ситуацию несколько месяцев, терпение лопнуло. А тут еще – эпиграмма! Письмо, написанное генерал-губернатором на имя управляющего МИДом графа Нессельроде, по каким-то причинам считается кляузой, послужившей поводом для двухлетней ссылки Пушкина в Михайловское. Не самое бесполезное время в творческой жизни великого поэта: «Борис Годунов», «Цыганы», «Я помню чудное мгновенье...», главы «Онегина». Поводом – может быть, но

РИА НОВОСТИ

Граф Семен
Романович
Воронцов

ков своей поэзии, которые, полагая, что выражают ему дружбу лестью, служат этим ему злую службу, кружат ему голову и поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель, между тем он только слабый подражатель малопочтенного образца (lord Байрон); да, кроме того, только работой и усидчивым изучением истинно великих классических поэтов он мог бы оправдать те счастливые задатки, в которых ему нельзя отказывать. Удалить его отсюда – значит оказать ему истинную услугу. Возвращение к генералу Инзову не поможет, все равно он будет тогда в Одессе, но без надзора. Кишинев так близко отсюда, что ничто не помешает этим же почитателям поехать туда; да и, наконец, в самом Кишиневе он найдет в боярах и в молодых греках достаточно скверное общество. По всем этим причинам я прошу ваше сиятельство испросить распоряжений государя по делу Пушкина. Если бы он был перемещен в какую-нибудь другую губернию, он нашел бы для себя среду менее опасную и больше досуга для занятий. Я повторяю, граф, исключительно в его интересах я обращаюсь с этой просьбой. Я надеюсь, что моя просьба не будет истолкована ему во вред, и убежден, что, только согласившись со мною, ему можно будет дать более средств обработать его рождающийся талант, удалив в то же время от того, что может ему сделать столько зла. Я говорю о лести и о столкновении с сумасбродными и опасными идеями».

...Стоит в Детинце Новгорода Великого памятник – «1000-летие России». На фризе – скульптурные изображения 109 человек – русских гениев в самых разных сферах жизни. Там и поэт Александр Пушкин, там и государственный деятель, полководец Михаил Воронцов. Не то чтоб плечом к плечу. Но – по соседству. Эх, Моцарт, Моцарт!

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЧЕЛОВЕК С ФОНАРЕМ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ЛЕСКОВ КАК-ТО ПРОХОДИТ МИМО РУССКОГО ЧИТАТЕЛЯ, И НЕТ ТУТ ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ. ДЛЯ ОДНИХ ОН СТОИТ В ОДНОМ РЯДУ С ШЕРГИНЫМ, ПИСАХОВЫМ И БАЖОВЫМ, А ПАМЯТЕН СО ШКОЛЬНЫХ ЛЕТ РАЗВЕЧТО «МЕЛКОСКОПОМ» И «ВЕРОЯЦИЯМИ», «АБОЛОНОМ ПОЛВЕДЕРСКИМ» И «НИМФОЗОРИЕЙ». ДЛЯ ДРУГИХ ОН – ОПЛОТ ПРАВОСЛАВИЯ-САМОДЕРЖАВИЯ-НАРОДНОСТИ, ВОПЛОЩЕНИЕ «РОССИИ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ» – ИЛИ, ВЕРНЕЕ, КОТОРОЙ НИКОГДА НЕ БЫЛО, В ТОМ ЧИСЛЕ И У САМОГО ЛЕСКОВА. ДА И САМ ОН БЫЛ ОТ ВСЯКОЙ ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ ДАЛЕК – НЕИСТОВЫЙ, УВЛЕКАЮЩИЙСЯ, НЕ ЗНАЮЩИЙ УДЕРЖУ.

ПРЕДКИ ЕГО ПО ОТЦОВСКОЙ ЛИНИИ БЫЛИ СВЯЩЕННИКИ. ЖИЛИ В СЕЛЕ ЛЕСКИ ГДЕ-ТО НЕДАЛЕКО ОТ БРЯНСКА, ПО НАЗВАНИЮ СЕЛА И ПОЛУЧИЛИ ФАМИЛИЮ; ГДЕ ЭТИ ЛЕСКИ – ПРИ ЖИЗНИ ЛЕСКОВА НИКТО УЖЕ НЕ ПОМНИЛ. СЕГОДНЯШНИЙ ЧИТАТЕЛЬ ЛЕГКО НАЙДЕТ ЛЕСКИ НА КАРТЕ, ОБНАРУЖИТ В ИНТЕРНЕТЕ И ФОТОГРАФИИ: ТИШЬ, ГЛУШЬ, КУВШИНКИ И РЫБОЛОВЫ, ДА ЕЩЕ ВЫСОКАЯ КИРПИЧНАЯ СТЕНА С ДЫРАМИ ОКОН, ОСТАВШАЯСЯ ОТ СТАРОГО ХРАМА, УВЕНЧАННАЯ АИСТОВЫМ ГНЕЗДОМ.

ОТЕЦ ЛЕСКОВА, СЕМЕН ДМИТРИЕВИЧ, ТОЖЕ ГОТОВИЛСЯ В СВЯЩЕННИКИ, ОКОНЧИЛ СЕМИНАРИЮ, Но, как это часто бывало в те времена с семинаристами, наотрез отказался принимать сан, за что отец выгнал его из дома, а мать на дорогу успела дать через задние ворота 40 копеек. Семен Дмитриевич сначала давал в Орле уроки грамоты дворянским детям Алферьевым (одна из его учениц через много лет стала его женой), потом был делопроизводителем в дворянском присутствии, затем служил в винной конторе на Кавказе и, наконец, в уголовной палате в Орле. Честный, умный, справедливый Лесков стал прекрасным следователем, который распутывал самые сложные дела. Богатства он никакого не нажил, но дослужился до чина, дающего право на потомственное дворянство.

Мать, Мария Петровна, была из семьи бедных дворян, которые жили у богатого дворянина Страхова, считавшегося их благодетелем. Одна из сестер Марии Петровны вышла за Страхова за-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария Петровна Лескова, мать писателя. 1873 год

муж; он был гораздо старше ее и ревнив до умопомешательства. Вторая сестра была за англичанином Скоттом, которого тогда писали Шкоттом. Обе эти семьи сыграли свою роль в жизни юного Лескова. Он и родился в принадлежащем Страховым селе Горохове: там жила его бабушка по матери; по Горохову он взял себе и один из первых псевдонимов. У Страховых он воспитывался вместе с их детьми, поскольку Лесковы по бедности своей не могли нанять старшему сыну хороших учителей. Положение умного и одаренного мальчика в чужом доме было незавидное: он учился лучше хозяйственных детей, им это было неприятно. Позже он с горькой обидой вспоминал случай, как учитель предложил тетушке поощрить племянника грамотой за хорошие успехи; опекун страховой семьи Афросимов объявил во всеуслышание, что грамота вручается, но когда мальчик развернул

Орел. Мужская гимназия. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лист, это оказалось объявление об оподельдоке – мази от ревматизма. И взрослые, и дети хохотали, 8-летний Лесков повторял: «за что, за что меня обидели?» – и упросил родных забрать его от Страховых.

Отец его к этому времени вышел в отставку, купил небольшое имение Панино в Кромском уезде Орловской губернии; часть имения пришлось продать, остался маленький хутор. «В деревне я жил на полной свободе, которой пользовался как хотел, – вспоминал Лесков. – Сверстниками моими были крестьянские дети, с которыми я и жил и сживался душа в душу. Простонародный был я знал до мельчайших подробностей...» Посмеиваясь над требованиями современных ему публицистов, чтобы писатели изучали народ, он писал: «Народ просто надо знать как самую свою жизнь, не штудируя ее, а живущую ею. Я, слава богу, так и знал его, то есть народ, – знал с детства и без всяких натуг и стараний...»

БЕЗ ОБРАЗОВАНИЯ

Как бы ни было в деревне привольно, мальчику надлежало учиться. Его отдали в Орловскую гимназию, поселив на квартире у местной повивальной бабки. Учился он плохо, гимназические порядки описывал потом с отвращением. Зубрежка, наказания, скуча и полная безнадзорность привели к тому, что в гимназии нетерпеливый, живой, страстный подросток не удержался. В 15-летнем возрасте он забросил учение, получив документ об окончании двух классов. Мать долго не могла простить ему отказа от образования. Лесков пошел работать в ту самую уголовную палату, где раньше служил отец, и жил в Орле один. Насмотрелся в уголовной палате разного; считается, что впечатления этого времени легли в основу «Леди Макбет Мценского уезда», «Погасшего дела» и других произведений.

Отец его скоро умер, мать и младшие сестры и братья остались в бедственном положении. Нико-

ПРЕДОСТАВЛЕНО МОЛОТАРЕВЫМ

Киев.
Присутственные
места, где
в первой
половине 1850-х
годов в казенной
палате служил
Н.С. Лесков

лая, желая помочь его матери, вызвал к себе ее брат, доктор медицины Сергей Петрович Алферьев, у которого юноша и поселился. Приняли его довольно сухо, но сырт и одет он был всегда. Из уголовной палаты в Орле он перевелся в киевскую казенную палату, где стал заниматься рекрутским набором. Сын Николая Семеновича, Андрей Лесков, справедливо замечает в своей биографии отца: «На протяжении всего литературного своего пути он неизменно черпает материалы для безотрадно-жутких картин – из своих орловских, пензенских, поволжских, вообще великорусских впечатлений и памятей <...> а для «пэзажей» и «жанров», полных юмора или хотя бы и злой, но веселой, искрящейся сатиры, – из украинских».

Лесков в Киеве посещал вольнослушателем университетские лекции, свел в доме дяди знакомство с университетскими профессорами – это хотя и не могло заменить полноценного образования, но на формирование личности повлияло.

СКОРОПОСТИЖНАЯ ДАМА

В Киеве он женился. Женой его стала Ольга Васильевна Смирнова, дочь богатого киевского коммерсанта. Что привлекло его в этой женщине – догадаться невозможно: неумная и некрасивая Ольга Васильевна отличалась еще и дурным характером. По разным лесковским произведениям рассеяны автобиографические подробности, изображающие этот несчастный брак: жена беспрестанно бранится, попрекает мужа недостаточной заботой, убогостью жизни и об-

становки... Через два года совместной жизни он отвез жену и маленького сына Дмитрия знакомиться со своей матерью. Поездка эта кончилась драматически: ребенок на обратном пути умер, перед смертью все просил у отца яблочка – при полном равнодушии матери, которую больше волновало, что ее завезли куда-то в глуши. В злобном и мстительном романе «Некуда» жена автобиографического персонажа Розанова, тоже Ольга, названа «скоропостижной дамой» и изображена сущей гарпиеей.

У Лескова и Ольги Васильевны родился еще один ребенок, дочь Вера. Отношения в семье портились, и расставание, кажется, было неизбежно, но его отдалили новые жизненные обстоятельства: переезд под Пензу. За следующие три года он так много ездил и так мало бывал дома, что расставание свершилось само собой, но разрыв оказался отложен.

У ШКОТТА

Новый этап жизни Лескова связан с переходом на работу в компанию «Шкотт и Вилькенс», которую возглавлял англичанин Шкотт, муж тетки Лескова, Александры Петровны. Компания занималась самыми разными проектами, сам Лесков в «Железной воле» характеризовал их так: «Операции у нас были большие и очень сложные: мы и землю пахали, и свекловицу сеяли, и устраивались варить сахар и гнать спирт, пилить доски, ковать клепку, делать селитру и вырезать паркеты – словом, хотели эксплуатировать все, к чему край представлял какие-либо удобства. <...> Из русских высшего по экономическому значению ранга только и был один я – и то потому, что в числе моих обязанностей было хождение по делам, в чем я, разумеется, был сведущее иностранцев». За три года работы на «Шкотт и Вилькенс» Лесков объездил чуть не всю страну – «от Черного моря до Белого и от Брод до Красного Яру», как сам он писал. За

Статья
Н.С. Лескова
«Очерки
винокуренной
промышленно-
сти» на стра-
ницах журнала
«Отечественные
записки».
1861 год

1861 год

ПРЕДОСТАВЛЕННОМ ЗАПОЛАРЕВЫМ

MOCKBA

эти три года он столько увидел, столько людей встретил, столько испытал, сколько другому и за всю жизнь не выпадет; отсюда, пожалуй, его глубинное, нутряное знание России, которым он так гордился.

А вот англичане, хозяева фирмы, по мнению Лескова, России не поняли – и потому разорились. Лескову пришлось вернуться в Киев и снова решать, чем заниматься. Время для государственной службы было упущено, карьеру сделать не удалось; он снова стоит на распутье. В конце концов ему удалось найти свой путь едва ли не чудом: по окрестностям Пензы прокатилась волна винных бунтов, и Лесков, как человек, сведущий в винокурении, откликнулся статьей «Очерки винокуренной промышленности», опубликованной в «Отечественных записках» в 1861 году. Первый опыт оказался удачным, за ним последовали другие статьи – о полицейских врачах в «Современной медицине», о коммерческом деле и т.д. Статьи о коррупции среди полицейских врачей привели к тому, что разъяренные врачи спровоцировали ситуацию, вследствие которой Лесков, расследовавший дело о коррупции, был обвинен во взяточничестве и должен был уйти со службы.

ся у Вернадского и стал печататься в «Северной пчеле», где увидели свет его первые рассказы. Когда столичная жизнь замерла на лето – поехал в Москву, где вошел в кружок графини Салиас и поначалу находил в нем дружеское понимание. Все испортила жена его Ольга Васильевна, которая приехала из Киева, устроила грандиозный скандал. В его орбиту оказались втянуты и графиня Салиас, и другие московские знакомцы Лескова. В результате сотрудничество с «Русской рестью» закончилось, Лесков уехал в Петербург. Московские события нашли потом отражение в его романе «Некуда», который не блещет большими литературными достоинствами и рассматривается литературоведами в основном как образец «антинигилистического романа» – но о нем, пожалуй, позже.

ПЕТЕРБУРГ: СКАНДАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В Петербурге Лесков стал работать в проправительственной «Северной пчеле». Темпераментный провинциал, не слишком хорошо разбирающийся в столичной жизни, склонный к поспешным суждениям и импульсивным поступкам, он бросился в самую гущу событий – и печальным следствием этой поспешности стала знаменитая статья о петербургских пожарах.

Суть истории в том, что в Петербурге стоял крупный рынок, Апраксин двор, и в народе стали бродить слухи о поджоге. Виновниками поджога называли нигилистов и студентов. Лесков в своей статье в «Северной пчеле» осудил полицию за бездействие и потребовал от нее или опровергнуть, или подтвердить слухи о студентах, проведя тщательное расследование. Статья вызвала общее возмущение. «Лескова обвинили в том, что он натравливает чернь на студентов и информирует полицию», – пишет Святополк-Мирский. Царь тоже остался недоволен статьей, счтя, что обвинение пожарных и полиции в бездействии – это ложь и статью печатать не следовало.

Елизавета
Васильевна
Салиас-де-
Турнемир,
урожденная
Сухово-
Кобылина
(1815-1892).
1880-е годы

«Северная пчела» пыталась объясняться с читающей публикой и властями, а Лесков, чья статья спровоцировала бурю возмущения у демократической общественности, стал нерукопожатным. В конце концов ему даже пришлось уехать из столицы: «Северная пчела», замучившись оправдываться после скандальной статьи, отправила своего корреспондента в долгую заграничную командировку – через западные губернии Российской империи, через Польшу и Чехию во Францию. Он вернулся в 1863 году, опубликовал серию дорожных очерков и писем.

За границей он начал писать роман (опубликованный под псевдонимом М. Стебницкий), в котором отразился и его недавний опыт, и свежие обиды, и разочарования, и желчные наблюдения над московскими знакомыми. Намеки оказались так прозрачны, а взволнительно изображенных персонажах так быстро угадывались всем известные прототипы, что возмущение было всеобщим. Кстати, Лесков был убежден, что писатель имеет право придавать своим персонажам, хотя и обобщенным, и типичным, конкретные черты своих знакомых, – и это еще не раз приводило к обидам «выведенных» в его прозе людей. Кроме того, роман был с отчетливо выраженной «тенденцией» – и тенденцией антинигилистической. В 60-е годы страна выбирала свой путь, литература в меру сил обсуждала и историческую развилку, и нового героя, так что самым популярным литературным жанром стал роман «с тенденцией»: с одной стороны, радикальный роман (вот хоть «Что делать?» Чернышевского), с другой – антинигилистический (и здесь лучший образец – «Бесы» Достоевского). И хотя Лесков признавал за героями Чернышевского определенную правоту, хотя и пытался отделить этих, положительных и делающих дело героев от дрянных циников-нигилистов, у которых нет ничего святого, о чем писал в рецензии на «Что делать?» все в той же «Северной пчеле», репутацию он за-

Н. С. Лесков
(1831–1895).
1864 год

вернулся к этой полемике в рассказе «Павлин»: тоже жена полюбила другого, как у Чернышевского, тоже муж отпустил ее, сымитировав свою смерть, но это не новый герой, а обычный швейцар из бывших крестьян, искренне, по-христиански любящий свою грешную жену. Собственно, не в революции, не в сконструированных «новых героях», не в их упрощенных теориях Лесков видит надежду, а в старых христианских ценностях. Новые люди, считает он, не понимают России, не чувствуют ее нутром, как чувствует ее сам Лесков; их теоретические построения не оправдываются, их жизнь заходит в тупик.

Роман «На ножах» демократическая публика восприняла как поклеп на «новых героев»: нигилистов Лесков изобразил мерзавцами, ворами, мошенниками. Сам автор объяснял Суворину свой замысел так: «Я не думаю, что мошенничество «непосредственно вытекло из нигилизма», и этого нет и не будет в моем романе. Я думаю и убежден, что мошенничество примкнуло к нигилизму, и именно в той самой мере, как оно примыкало и примыкает к идеализму, к богословию» и к патриотизму <...> Я имею в виду одно: преследование поганой страсти приставать к направлениям, не имея их в душе своей, и паскудить все, к чему начнется это приставание. Нигилизм оказался в этом случае удобным в той же мере, как и «идеализм», как и «богословие»...» Однако для читающей критики и публики Лесков оказался реакционером и ретроградом, и никакие достоинства его прозы не искупали его взглядов. Да, собственно, его романы и не блистали особыми достоинствами; он и сам не слишком высоко их оценивал; и «Некуда», и «На ножах» называл своими ошибками, да еще такими, за которые пришлось расплачиваться всю жизнь. Удивительно, что ко времени завершения несчастного романа «На ножах» он уже был автором мощной прозы: и «Леди Макбет Мценского уезда», и «Воительницы» с их незаурядными жен-

работал в демократических кругах скверную. Левая критика стала распускать слухи, что роман написан по заказу Третьего отделения, слухи пошли и дальше: мол, в Третьем отделении даже и служит.

Писарев писал: «Найдется ли теперь в России, кроме «Русского вестника», хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера Стебницкого и подписанное его фамилией? И найдется ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами Стебницкого?»

НОВЫХ ЛЮДЕЙ НЕ НАДО

Роман «Некуда» Лесков считал своей ошибкой. Тем не менее следующие произведения, повесть «Обойденные» и второй роман, «На ножах», были созданы в том же русле – тоже тенденциозные. Лесков полемизирует с Чернышевским: Лескова интересуют не «новые люди», а «лица со слабостями, люди дурного воспитания»; не надо никаких новых героев, в обычных людях есть и милосердие, и терпение, и готовность помочь другим... Он потом еще раз

скими характерами, с их новой, особой, лесковской повествовательной манерой. Одновременно с романом он заканчивал «Соборян», которые с самого своего выхода и до сих пор пользуются горячей читательской любовью. Хотя, казалось бы, нет в них ничего особенного: неторопливая хроника жизни провинциального духовенства. Но такая она теплая, такой любовью, таким мягким юмором пропитана, таким внутренним огнем озарена, что невозможно не возвращаться к этому тексту раз за разом.

ДРУГОЙ ПУТЬ

С «Соборян» начинается новый Лесков – уже не желчный, кипящий, «отомщевательный» – хотя кипеть он никогда не переставал, и часто ссорился с людьми, и писал невыносимо задиристые письма, и бывал чудовищно несправедлив с близкими. Он и на старости лет писал: «А я был, есть и, кажется, буду всегда нетерпячий» – и «нетерпячесть» его много крови попортила и ему самому, и тем, кто его любил. И все-таки новый Лесков нашел свой уникальный литературный путь не здесь, хотя, казалось бы, при такой гневливости, таком грозовом темпераменте, такой уверенности в собственной правоте ему прямая дорожка была в обличители. А он, как новый Диоген, ходил с фонарем и искал человека. И цель себе поставил – рассказывать не о безобразном, гадком, чудовищном, не осмеивать и клеймить, а искать то радостное, божественное, прекрасное, из которого только и может вырасти завтрашний день.

Школьники и студенты спрашивают иногда: а вся ли она, русская литература, такая – разоблачительная, унылая, устремленная к смерти? Есть ли в ней люди, любящие жизнь, свое дело, других людей, радующиеся жизни? Вот, пожалуйста: Лесков и его герои. Нет, на их долю тоже немало горя и терзаний выпадает, но это герои искренние, любящие, человечные; читаешь и не так тошно жить, и кажется – ино еще побредем.

Андрей
Николаевич
Лесков
(1866–1953),
сын писателя,
автор книги
«Жизнь Николая
Лескова».
1919 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лесков – правдоискатель. Он взыскивает истины страстно, он готов ей служить, невзирая на лица, чины, общественное положение. Ради истины он готов отказываться от компромиссов – и этот поиск истины в конце концов приводит его к расхождению с официальным православием. Автор чуть не единственного сочувственного и доброго изображения священнослужителей в русской литературе расходится с церковью – отчасти под влиянием Толстого, отчасти потому, что государственное православие оказалось несовместимо с лесковским трепетным отношением к истине. «Клятвы разрешать; ножи благословлять; отъем через силу освящать; браки разводить; детей закрепощать; выдавать тайны; держать языческий обычай пожирания тела и крови; прощать обиды, сделанные другому; оказывать протекции у Создателя или проклинать и делать еще тысячи пошлостей и подлостей, фальсифицируя все заповеди и просьбы «повешенного на кресте праведника» – вот что я хотел бы показать людям... – писал он в одном из писем. – Но это небось называется «толстовство», а то, нимало не сходное с учением Христа, называется «православие»... Я не спорю, когда его называют этим именем, но оно не христианство». Лесков действительно близко сошелся с Толстым. Он разделял многие взгляды Толстого, а к концу жизни даже стал вегетарианствовать (но больше, пожалуй, из-за астмы, которая его очень мучила, нежели из нежелания есть убоину). Причина этой близости – общее для Толстого и Лескова внимание к духовной жизни и стремление к истине. Характерное свидетельство лесковского перелома в отношении к церкви – печальный рассказ «На краю света», основанный на реальном рассказе архиепископа Иркутского (затем Ярославского) Нила: язычник в рассказе оказывается и выше, и чище душой, чем христиане, которые призваны проповедовать ему истину и любовь Христову. Но крещение народа в православие оказывается приобщением к государству, к развра-

щенной цивилизации, приводит к двоемыслию, фарисейству, утрате чистоты – и от этого больно и старому архиепископу, и Лескову. Лесков в литературе совершенно одинок: ни кружка, ни единомышленников, ни последователей. Многие исследователи замечали, что критика практически им не интересовалась: его громкое литературное имя – следствие читательской любви и читательского интереса, а не вдумчивого критического анализа. Его полное собрание сочинений вышло в свет, когда даже и менее даровитые его собратья по перу выпустили полные собрания; да и это издание тормозилось, цензура за-прещала целые тома. Он злился, нервничал – и плохо себя чувствовал, и отлеживался после тяжелых приступов астмы. Его поздние произведения, как он сам говорит, «весьма жестоки». «Загон», «Зимний день», «Дама и фефела»... Эти вещи не нравятся публике за цинизм и простоту. Да я и не хочу нравиться публике. Пусть она хоть давится моими рассказами, да читает. Я знаю, чем понравиться ей, но я больше не хочу нравиться. Я хочу бичевать ее и мучить. Роман становится обвинительным актом над жизнью», – обмолвился он однажды. Последние его произведения при жизни не были опубликованы. Он умер от астмы, после тяжелого недельного приступа, когда задыхался и дышал кислородом из подушки. Умер тихо, во сне. Похорон в завещании просил самых простых и недорогих

Н. С. Лесков

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

гих, да еще специально требовал: «На похоронах моих прошу никаких речей обо мне не говорить. Я знаю, что во мне было очень много дурного и что я никаких похвал и сожалений не заслуживаю. Кто захочет порицать меня, тот должен знать, что я и сам себя порицал». Похоронили его на Литераторских мостках, в недорогой части кладбища, при полном молчании собравшихся. Лесков, не получивший образования, не прислонившийся ни к какой литературной традиции, пошел в литературе своей дорогой – вдали от исхожденных путей. Он стал писателем, когда ему было уже за 30, и не сразу нашупал свою литературную манеру, но, когда нашел ее, спутать его уже ни с кем было невозможно. Может быть, даже то, что с первых шагов в литературе он испортил свою репутацию, послужило тому, что он так никуда и ни к кому не примкнул: ни к либералам, ни к консерваторам, ни к западникам, ни к славянофилам. С некоторого времени – может быть, со времени «Соборян» – его уже не интересовали актуальные вопросы, по которым ломались публицистические копья. Его занимало другое: по каким законам течет, как устроена русская жизнь в глубинке? Он пытается рассказать, вербализировать эти законы – непонятные, нелогичные и хаотичные. От непонимания этих законов гибнут «новые люди» в его первых романах; русская жизнь нелинейна, нерациональна, неразумна; не, не, не – сплошное отрицание, на каких же положительных основаниях она построена?

Она – как творение живой природы, несимметричное и сложное, против простой структуры, созданной человеком; для тех, кто понимает Лескова, он и есть воплощение органической русской жизни. Русские могут подковать блоху, но она уже не будет плясать, и это тоже закон жизни. Законы эти не поддаются разумному пониманию, но их можно постичь опытом, шишками и нутром. Лесков – мастер динамической, виртуозной прозы; в нем, нетерпеливом и горячем, импульсивном и эмоциональном, почти нет ужасных, невыносимых длиннот XIX века; есть стремительность, есть восхитительное мастерство рассказчика, есть узорчатая речь персонажей. И есть бесконечная вера в русский характер. Русский характер у Лескова – всегда сильный, но сила эта почти всегда сочетается с беспомощностью. Лесковский праведник чист сердцем и прост; он ищет истину так же страстно, как искал ее Лесков – и поэтому он очень часто странник, он бродит в ее поисках. Он способен создавать прекрасные вещи, но не для заработка, а потому, что душа поет, он не предприниматель и не прагматик. Он – пьющая, странствующая, вольно дышащая народная душа. А пока она поет и вольно дышит, пока дух веет где хочет – есть надежда и есть просвет во всякой наползающей тьме, какой бы беспросветной она ни казалась.

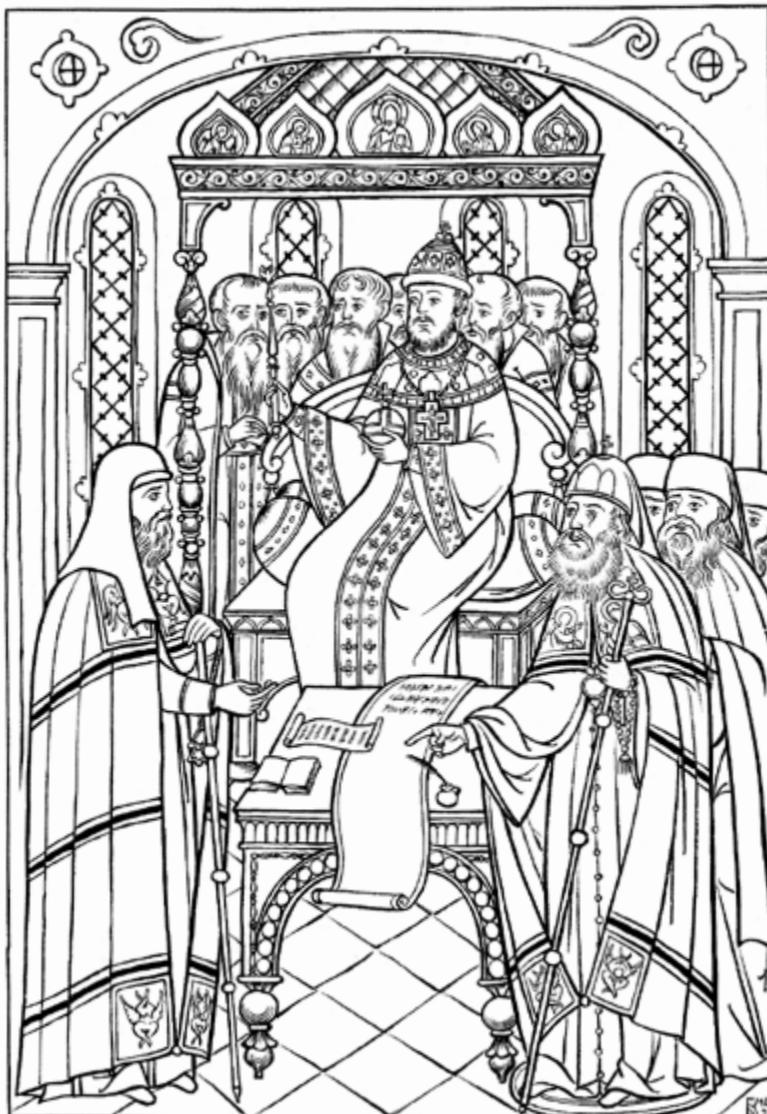
Рабочий кабинет
Н. С. Лескова

СТАРОВЕРЫ НА ПАРНАСЕ

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

СО ШКОЛЬНОЙ СКАМЬИ ПОМНИМ МЫ СЛОВА ЛИТЕРАТОРА АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА: «ПУШКИН – НАШЕ ВСЕ». КАК И СЛОВА МАКСИМА ГОРЬКОГО: «ПУШКИН У НАС – НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ». ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, В РОССИИ ПРИНЯТО ПОВЕРЯТЬ АЛЕКСАНДРОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ ЕДВА ЛИ НЕ ВСЕ, ЧТО КАСАЕТСЯ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК, ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. ЧТО ПУШКИН ПИСАЛ ОБ ИСТОРИИ? О РЕЛИГИИ? О ЛИТЕРАТУРЕ?

Собор 1654 года – начало церковных реформ Алексея Михайловича и Никона.
Рисунок Бориса Кисельникова

... В

1934 ГОДУ ИСТОРИК ЕВГЕНИЙ ТАРЛЕ ЗАМЕТИЛ В ОДНОМ ИЗ ПИСЕМ: «ПОЛУЧИЛ НОВОЕ ИЗДАНИЕ (Academia) протопопа Аввакума и снова хочу его перечитать. Какой дивный язык у этого яркого психопата и какой героизм! Пушкин бы его оценил».

А действительно, оценил бы Александр Сергеевич протопопа Аввакума? И что вообще думал наш классик о церковном расколе и старой вере?

И вот исследователь тянеться к собранию сочинений Пушкина, бормоча под нос: «Поверила алгеброй гармонию». Неудача! В стихах и прозе Александра Сергеевича ничего нет о староверии. Но так кажется только на первый взгляд. Ведь при внимательном чтении оказывается, что и эту тему Пушкин не обошел стороной, хотя затронул ее не напрямую, а косвенно.

Впрочем, перед тем как отыскивать старообрядческий след в сочинениях классика, отыщем его в родословной Александра Сергеевича.

КРОВНЫЕ УЗЫ

В XVII веке один из Пушкиных, стольник Федор Матвеевич, женился на Пелагее – дочери окольничего Алексея Прокопьевича Соковнина, племяннице Феодосии Прокопьевны Соковниной, в замужестве Морозовой. Той самой боярыни Морозовой – мученице за старую веру, имя которой известно каждому образованному человеку.

У Федора Матвеевича и Пелагеи Алексеевны Пушкиных родилось несколько дочерей. Одна из них, Прасковья Федоровна, вышла замуж за Александра Петровича Дорошенко и стала пропрабабушкой Натальи Николаевны Гончаровой. Другая, Евдокия Федоровна, обвенчалась с Иваном Герасимовичем Боборыкиным и стала пропрабабушкой Михаила Юрьевича Лермонтова. Таким образом, в жилах Лермонтова и детей Пушкина текла мятежная кровь Соковниных.

Александр Сергеевич жил в то время, когда было принято пренебрежительно смотреть на староверов. В официальных документах их называли «раскольниками», а старообрядчество – «расколом», «ханжеством» и «суеверием». Хотя старообрядцы составляли значительную часть населения России, правительство притесняло их. Для образованного на западный манер дворянства староверы были «невежами» и «пустосвятами», возомнившими о себе невесть что. В ту пору никто не задумывался о том, какие удивительные сокровища древнерусской культуры сохраняются в старообрядческих общинах. Памятники староверческой письменности не были известны широкой публике. Еще не было издано Житие Аввакума, богатым языком которого восхищались и Тургенев, и Достоевский, и Толстой. Первое издание Жития увидело свет только в 1861 году. До этого оно бытовало в народной рукописной традиции, с которой Александр Сергеевич не был знаком. Поэтому затруднительно предположить, оценил бы Пушкин Аввакума, если бы прочел. Скорее всего, не оценил бы. Можно предположить, что классик разделил бы мнение некоего прошвещенного читателя, оставившего в 1835 году такую запись на одной старообрядческой рукописи: «Автобиография Аввакума – сочинение по слогу самоеплощадное, даже циническое по местам».

Со времен Екатерины II в России запрещалось называть приверженцев старой веры «раскольниками». Вместо этого «хульного имени» вводилось название «старообрядцы». Но «Словарь языка Пушкина» показывает, что классик ни разу не употребил его. Хотя и писал о «раскольниках», «староверах» и «староверцах». Впрочем, слово «старовер» Александр Сергеевич часто использовал в прежнем, ныне забытом значении – консерватор, традиционалист, охранитель. Во времена Пушкина «староверами» называли приверженцев литературной старины, ориентиро-

РИА НОВОСТИ

ванных на писателей XVIII века и их устаревший язык. Именно в этом смысле поэт называет «парнасским старовером» критика Михаила Каченовского в эпиграмме «Журналами обиженный жестоко».

«Раскольников» классик упоминает преимущественно в связи с историческими темами, которыми он занимался, – Петром I и Емельяном Пугачевым.

Инициаторами богослужебных реформ, приведших в середине XVII века к церковному расколу, были царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. Что Александр Сергеевич пишет о них в связи с расколом? Увы, церковная история не занимала Пушкина. Из всего, что он написал

Репродукция хромолитографии «Боярыня Морозова у Аввакума». Из собрания Государственно-го Исторического музея

об Алексее Михайловиче, наиболее интересно упоминание царя в «Истории Петра»: «Иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах же Димитрий (впоследствии св. ростовский митрополит) занимались при дворе Алексея Михайловича астрологическими наблюдениями и предсказаниями». Иеромонах Димитрий (Туптало, 1651–1709) – с 1702 года ростовский митрополит, гонитель и очернитель старообрядчества. Его перу принадлежит сочинение «Розыск о раскольнической брынской вере». В нем староверы обвиняются во всех мыслимых и немыслимых ересях и грехах до людоедства включительно. Любопытно, что при государевом дворе Димитрий занимался астрологией – делом, не только не одобряемым церковью, но и всячески осуждаемым.

Однако это не помешало Синодальной церкви в 1757 году канонизировать Димитрия.

Имя Никона единожды упоминается у Александра Сергеевича – 17 марта 1834 года он записал в дневнике: «Устрилов сказывал мне, что издает процесс Никонов. Важная вещь!» Написано немногого, но свидетельствует о многом. Очевидно, Пушкину были любопытны документы судебного процесса над патриархом, а значит, и личность Никона.

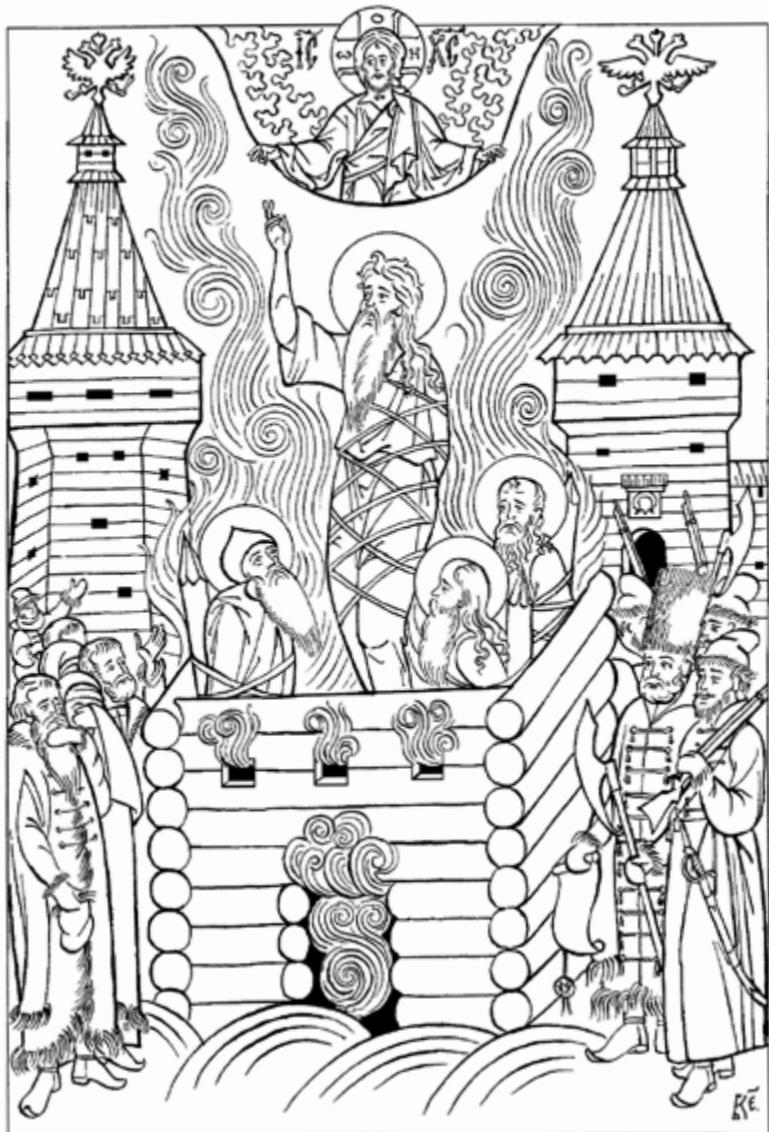
В недописанной «Истории Петра» Александр Сергеевич рассказывает о Стрелецком бунте 1682 года – знаменитой Хованщине. Старообрядцы приняли в мятеже самое деятельное участие. И Пушкин пишет: «Царевна поручила Стрелецкий приказ боярам князьям Хованским, Ивану Андреевичу и сыну его Феодору, любящим стрельцов и тайным раскольникам Аввакумовской и Никитской ереси».

«Аввакумовская ересь» – единственное упоминание классиком протопопа Аввакума. А «Никитская ересь» обязана своим наименованием священнику Никите Добрынину из Суздаля. О нем Александр Сергеевич пишет: «Стрельцы под предводительством расстрягли попа Никиты производят новый мятеж...

РИА НОВОСТИ

Репродукция картины художника Юрия Непринцева «Последняя минута». 1988 год

Казнь
в Пустозерске
протопопа
Аввакума и его
соузников.
Рисунок Бориса
Кисельникова

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Никита и главные мятежники схвачены и казнены 6 июня».

За Хованщиной в 1697 году последовал так называемый заговор Циклера. В нем участвовали воевода Иван Циклер и прежде упомянутые Федор Пушкин и Алексей Соковнин. С большой долей вероятности можно предположить, что заговорщики были староверами. Они хотели убить царя Петра, но были разоблачены. Их судили и казнили. Кстати, в стихотворении «Моя родословная» Александр Сергеевич вспоминает и о Федоре Пушкине:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой прашур не поладил
И был за то повешен им.
Правда, обращаясь к семейному преданию, поэт дважды допу-

скает неточность. Федор Пушкин был не повешен, а четвертован. И он не был «прашуром» Александра Сергеевича. Он принадлежал к иной ветви рода Пушкиных. Их общий предок – Иван Гаврилович Пушкин – жил в XV веке.

Отголоском Хованщины стал Стрелецкий бунт 1698 года. Петр жестоко покарал мятежников: многие были сосланы, многие – пытали. Было казнено около 2 тысяч стрельцов. Некоторым царь отрубил голову лично. Стрелецкие бунты, заговор Циклера и последовавшие суровые расправы – это те самые «мятежи и казни», мрачившие «начало славных дней Петра», о которых классик говорит в стансах 1826 года «В надежде славы и добра», посвященных императору Николаю I.

БУНТАРСКАЯ НАТУРА

Судя по всему, трагическая история двух стрелецких бунтов была небезразлична Пушкину – ведь он не раз обращался к ней. Например, в 1834–1835 годах Александр Сергеевич намечает план повести о молодом стрельце – до нас дошло пять отрывочных записей. В одной из них стрелец – «сын старого раскольника». В другой записи упоминаются «скоморох и старый раскольник» – намек на некую сатирическую сценку.

Продолжением стрелецких бунтов стала народная война под предводительством донского атамана Кондратия Булавина, начавшаяся в 1707 году на юге России. Сам Булавин был старообрядцем, да и многие его единоверцы приняли в войне активное участие. Имя атамана неоднократно упоминается у классика, например в поэме «Полтава»: на Дону «подосланые слуги» коварного гетмана Мазепы «мутят» с Булавиным «казачьи круги».

Сподвижником Булавина был старовер Игнат Федорович Некрасов. После поражения восстания он с единомышленниками – старообрядцами ушел на Кубань. После смерти своего предводителя казаки-некрасовцы, как их стали называть, переселились на Дунай, а оттуда – в Турцию.

Некрасовцам принадлежит важная роль в старообрядческой истории XIX века, особенно в деле учреждения в середине того столетия Белокриницкой иерархии. Об этих казаках Александр Сергеевич упоминает в статье «Об «Истории Пугачевского бунта», отвечая на критику историка Владимира Броневского.

И в самой «Истории Пугачева» классик пишет о некрасовцах: «Потомки их доныне живут в турецких областях, сохраняя на чуждой им родине веру, язык и обычай прежнего своего отечества. Во время последней турецкой войны они дрались противу нас отчаянно».

Еще одно упоминание Пушкиным некрасовцев можно найти в повести «Кирджали»: «Сра-

жение было жестоко. Резались атаганами. Со стороны турков замечены были копья, дотоле у них не бывалые. Эти копья были русские: некрасовцы сражались в их рядах».

В следующий раз староверы упоминаются Александром Сергеевичем в связи с восстанием Пугачева, начавшимся в 1773 году. В этом бунте участвовали старообрядцы – не только донские казаки, но и яицкие, и илецкие. О них классик пишет: «Илецкие, как и яицкие, казаки были все староверцы».

Интересно, что и Пугачева Пушкин считал старообрядцем: «Пугачев, будучи раскольником, в церковь никогда не ходил... Он не знал грамоты и крестился по-раскольничьи». Но тут Александр Сергеевич допускает неточность. Емельян Пугачев не был старовером. На допросе 16 сентября 1774 года он показал о себе: «До семнадцатилетнего возраста жил я все при отце своем так, как и другие казачьи малолетки, в праздности. Однако ж не раскольник, как прочие донские и яицкие казаки, а православного греческого исповедания кафолической веры. И молюсь Богу тем крестом, как и все православные христиане. И слагаю крестное знамение первыми тремя перстами».

В «Истории Пугачева» вскользь упоминаются важнейшие старообрядческие центры – «раскольничья слобода» Ветка в тогдашней Польше, «раскольничьи селения» и скиты на берегах притока Волги – реки Иргиз. Здесь пугачевцам противостояли войска, которыми командовал гвардии поручик Гавриил Романович Державин, в недалеком будущем – прославленный «певец Фелицы». Тот самый «старик Державин», которого Пушкин назовет «великим». А в 1774 году Державин, как пишет Александр Сергеевич в «Истории Пугачева», «начальствуя тремя фузелерными ротами, привел в повиновение раскольничьи селения, находящиеся на берегах Иргиза». В старообрядческой деревне Малыковке крестьяне бунтовали

РИА НОВОСТИ

Репродукция гравюры с изображением Емельяна Пугачева в кандалах. XVIII век

ли, ожидая появления Пугачева. Для усмирения восставших прибыл Гавриил Романович с солдатами и пушками. Это происшествие описано в «Истории Пугачева», и в «Записках» Державина.

В «Записках» Гавриил Романович пренебрежительно называет староверов «колеблющейся чернь». С ней поручик не стал церемониться. Он приказал повесить зачинщиков бунта, а 200 человек посечь плетьми...

Впрочем, иногда из «черни» выходили уникумы, обращавшие на себя снисходительное внимание высшего общества. Среди записей Table-talk Александра Сергеевича есть набросок портрета старовера Ивана Евстратьевича Свешникова – крестьянина-самоучки, перешедшего в Синодальную церковь и изумлявшего всех в Петербурге природной ученостью.

О Свешникове, ошибочно называя его Веточкиным, Пушкину рассказывала фрейлина Екатерины II Наталья Кирилловна Загряжская: «Однажды он являлся к митрополиту и просит его объяснить ему догматы православия. Митрополит отвечал

ему, что для того нужно быть ученым, знать по-гречески, по-еврейски и Бог ведает что еще. Веточкин уходит от него и через два года является опять. Вообразите, что в это время успел он выучиться всему этому. Он отрекся от своего раскола и принял истинную веру».

Свешников – фигура анекдотическая. Этакий экспонат кунсткамеры времен Екатерины II. Рядом с Федором Пушкиным, Алексеем Соковниным, Кондратием Булавиным и Игнатом Некрасовым он выглядит карикатурой на староверие.

Как видим, наш классик создал целую галерею старообрядческих портретов – с середины XVII до конца XVIII столетия.

Трагическая тема церковного раскола – одна из важнейших тем русской истории – не оставила Пушкина равнодушным. Она манила его, привлекая семейными преданиями, яркостью фигур «бунташного» XVII века и тревожной перекличкой с современностью.

Не пройдет и десяти лет со дня гибели Александра Сергеевича, как тема староверия внятно прозвучит в русской литературе и даже станет модной. Знакомец Пушкина писатель Михаил Загоскин издаст в 1846 году роман «Брынский лес» – «эпизод из первых годов царствования Петра Великого». За ним последуют старообрядческие романы Павла Мельникова (Андрея Печерского), рассказы Ивана Тургенева, Николая Лескова (см. с. 52) и Дмитрия Мамина-Сибиряка. Если бы Александр Сергеевич прожил дольше, наверное, он непременно обратился бы к истории старообрядчества.

Ведь поэт В.А. Жуковский, разбираяший после гибели Пушкина его рукописи, писал: «Наши врали-журналисты, ректоры общего мнения в литературе, успели утвердить в толпе своих прихожан мысль, что Пушкин упал; а Пушкин только что созрел как художник и все шел в гору как человек, и поэзия мужала с ним вместе».

«НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ВЫБИРАТЬ ИЗ ЛОЖНЫХ ДИЛЕММ...»

СМЕРТИН ПАВЕЛ / ТАСС

БЕСЕДОВАЛ

КОНСТАНТИН КРАВЦОВ

О ТОМ, КАК СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ИСПОЛНЯЕТ СВОЮ РОЛЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ СЕГОДНЯ С КУЛЬТУРОЙ И КАК УДЕРЖАТЬСЯ ОТ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ, В ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.РУ» РАССКАЗЫВАЕТ ПИСАТЕЛЬ ЗАХАР ПРИЛЕПИН.

— 3

АХАР, КАК ДЛЯ ВАС СООТНОСЯТСЯ ЛИТЕРАТУРА И ВАША ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ?

Кем вы себя считаете в первую очередь – писателем или политиком? Или для вас то и другое нераздельно и вопрос о приоритете в данном случае не стоит?

– Я мало думаю об этом. Конечно, я не политик. Политиками у нас считают тех, кто заплатил миллион долларов и имеет кресло в Госдуме. Ну, пустяк. А я просто составляю слова.

– В интервью порталу «Православие.ру» вы говорите, что православие – суть России, с чем, я думаю, соглашатся и ваши единомышленники, и ваши оппоненты, по-разному оценивая этот факт. Каковы ваши отношения с церковью? Как это соотносится с вашим творчеством и общественно-политической деятельностью?

– Не думаю, что это напрямую соотносится с моей деятельностью и тем более с творчеством. Думаю, когда соотнесется в полной мере, я уже не буду ничего писать. Пишу, возможно, только затем, чтобы соотнеслось окончательно и приросло навек.

– В вашем последнем романе, «Обитатель», верующие представлены митрополитом-обновленцем, батюшкой-попрошайкой и сотрудником белогвардейской контрразведки, пытавшим людей, – почему именно такими персонажами? Есть ли у них реальные прототипы?

– Мне казалось, что верующие у меня в романе если не все, то большинство. Имели эти люди прототипов или нет, не имеет никакого значения. Допустим, я отвечу: имели. А вы тогда спросите: а почему вы описали именно таких верующих, а не других? Почему-то. Я очень мало думаю, когда пишу.

– История Русской церкви в XX веке – это, с одной стороны, история мученичества и исповедничества, с другой – так называемого «серагинства», компромисса с властью, о котором нет единого мнения до сих пор. Можно ли считать рассуждения «владычки Иоанна» о том, как должно относиться к советской власти, заявленной позиции, которую вы разделяете? И как, на ваш взгляд, должны строиться отношения церкви и государства?

– Вы сами понимаете, что задаете вопрос огромной величины и сложности. На него нет никаких простых ответов, а есть тысячи малых, в том числе и те, что предложил «владычка Иоанн». Государство должно понимать, что у него нет и не будет другой церкви и веры, а церковь должна понимать, что у него нет и не будет другой России. Даже если эта Россия ходит с красным знаменем.

– В «Обители» портрет Эйхманиса получился настолько выразительным, что он порой начинает казаться едва ли не главным героем, хотя и появляется лишь эпизодически. Собственно, Артем, Галина, Эйхманис составляют нечто вроде пресловутого «любовного треугольника», вершина которого – Эйхманис, чей исторический прототип – фигура и в самом деле яркая и выдающаяся. Как, скажем, и Яков Блюмкин, о котором пока не написано ни одного романа, но который конспиративно присутствует в массовой культуре благодаря агентурной кличке Исаев. Чем для вас являются эти «пламенные революционеры», называемые «инородцами», обращение к образам которых сегодня подразумевает то, что они не перестали быть для вас актуальными и для сегодняшней истории?

– В целом это не может не завораживать, когда люди других национальностей и культур бросают себя в русскую историю, как в костер. Вы здесь скажете: они и других бросали в костер! Да. Об этом я и писал. Николай Гумилев, когда с особым чувством называл Блюмкина (не называя его по имени) в стихотворении «Мои читатели», чувствовал, думаю, примерно то же самое. Чтобы говорить об Эйхманисе – я должен повторить о нем дословно все то, что написано и сказано в романе. Реальный или условный Эйхманис убил представителя рода Прилепиных. Реальный или условный Эйхманис создал советскую контрразведку и спас других представителей рода Прилепиных. Потом Эйхманиса отвезли на Бутовский полигон и застрелили. Я хожу мимо Бутовского полигона и думаю об Эйхманисе как еще об одном члене своей огромной семьи.

– После вашего «Письма товарищу Сталину» вас обвинили в антисемитизме и, соответственно, фашизме. Как мне кажется, вы прекрасно отдавали себе отчет, что «Письмо» именно такую реакцию и спровоцирует. Улеглись ли сегодня

страдали по этому поводу? И не могли бы вы сформулировать ваше отношение к таким явлениям, как антисемитизм и фашизм?

– Антисемитизм и фашизм – это однозначное зло. Равно как и русофobia, и ксенофobia вообще. Что вовсе не отменяет права – в том числе права русского писателя – размышлять. Размышлять и издеваться над, к примеру, двойными стандартами, лукавством и фарисейством некоторых профессиональных борцов с фашизмом и антисемитизмом.

– Относительно Сталина представляется бесспорным, что он создал сверхдержаву, как и то, что при нем осуществлялась политика геноцида, начатая большевиками. Помнится, когда я в первый раз попал на Бутовский полигон и рассматривал снимки расстрелянных там людей всех словес царской России, возникла мысль, что вот здесь, в этих извилистых рвах, та Россия и легла. А на смену ей пришел СССР – другое и новое государство. Теперь мы живем в Российской Федерации, отчасти восстановившей российскую символику, но не являющейся в духовном плане преемницей ни исторической России, ни Советского Союза. Сталин же, с одной стороны, является фетишем тоскующих по «советскому прошлому», с другой – пугалом, о чем вы и говорите в своем «Письме». Не свидетельствует ли уже одно это о разрыве с духовными ценностями той России, которая канула в историческое небытие в 1917 году?

– Ничто никуда не кануло. Нельзя разорвать человека с его кровотоком. А Русь Рюриковичей – она где? Тоже исчезла? Я чувствую Русь до-петровскую, петровскую, предреволюционную, советскую, нынешнюю спокойно и полно – как свою плоть. Герб, флаг – все это прекрасно, но вообще надо успокоить дыхание и прислушаться. Все стоит там, где должно стоять. Все на месте... Или доехать до Новороссии и убедиться: вот все те же русские люди, которые были здесь сто, триста и тысячу лет назад. Они не задумываются о том, преемники они или нет. Они просто являются преемниками.

– Такое ощущение, что сейчас для одних история страны начинается со Сталина, для других – с 1991 года, а духовная связь с православной, царской Россией утеряна навсегда, что она, пожалуй, уже и невозможна, и нам предлагаю ложную дилемму – или ты «совок» или «либерал». Возможно ли проплыть между этой Сциллой и Харидой и как бы вы определили свое место и – шире – место русского писателя в этой ситуации?

– Не пытайтесь выбирать из ложных дилемм, и не будет таких вопросов. Сталинист, не сталинист – какое это имеет значение? Почему тогда не выбирать между Алексеем Тишайшим и Петром Великим? Между Ярославом Мудрым и Александром Освободителем? Зачем вообще выбирать,

СНЕГИН ПАВЕЛ / ТАСС

здесь все наше. Либерала тоже можем положить в карман, пусть погреется там. Он всегда дрожит на местных сквозняках.

– Чем, на ваш взгляд, должна быть сегодня русская литература, в чем вам видится ее главная задача не вообще, а конкретно – здесь и сейчас? Какие писатели в этом отношении вам кажутся наиболее соответствующими «вызовам современности»? И каких писателей и поэтов прошлого вы наилучше цените? И почему?

– Литература исполняет свою роль: находит лучшие слова для описания самого главного. Вызовам отвечает Михаил Тарковский, оставивший столицу, уехавший на Енисей и описывающий русского мужика, который в последнее время стал диковинкой в русской литературе. Вызовам отвечает Александр Терехов, который остался в городе и нашел гениальные комбинации слов для того, чтобы говорить о самых пошлых и скучных моментах современности, вроде закулисной сути столичной мэрии. Русская литература тра-

диционно делает литературой то, что вроде бы ею и не может являться.

Из писателей прошлого я более всего люблю весь свод русской классики, потому что это – сама природа и само творение. Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Чехов – какое счастье принадлежать к тому же народу, что дал миру этих людей. Что до других моих предпочтений – я ужасно люблю две книги: «Дорогу на океан» Леонида Леонова и «Вечер у Клэр» Гайто Газданова, потому что всякий раз, когда я их перечитываю, я испытываю человеческое счастье – чистейшее и удивительное.

– *Русские поэты и философы в эмиграции рассуждали о «смерти искусства» и «невозможности поэзии». Одним из лейтмотивов творчества Мандельштама была тема разрыва с культурой прошлого. Сегодня мы говорим об общекультурной катастрофе, когда культура вытесняется массовой культурой. Происходит, грубо говоря, культурное одичание, более того – человек перестает быть человеком в том смысле, каким он понимался во всех культурах на протяжении тысячелетий, что особенно наглядно в попытке упразднения такой фундаментальной составляющей, как пол. Каким образом можно этому противостоять?*

– Писатель тоже не должен сохранять свой пол, чем он от других отличается. Пол, национальность, вероисповедание. И сообщить, что ему это стоило. Одичание – ну да. Вообще массовая антикультура во все времена была сильнее элитарной, это, скорее, закон.

Пока сохранялся сельхозоборот и деревня – хранились и какие-то традиции, но с исчезновением деревни эти традиции переместились в филологию. Но это, увы, процесс отчасти объективный, хоть и чудовищный: деревни исчезают по всему миру. В Европе тоже нет прежних деревень. Надо создавать новую городскую традицию, новую сельскую традицию, поддерживать филологию. Рассеивать города: слишком кучно стали люди жить, слишком унифицированно. Здесь задача государства – не дать опустить планку ниже того уровня, где уже начинается скотство. У нас была опущена – но нация сама, кажется, этим не очень довольна. Будем поднимать. А те, кто привык в хлеву жить, – пусть ищут свое пойло в другом месте. Люди, которые хотят слушать какого-нибудь «киркора» или любого другого мухомора, должны собираться в тайные общества и устраивать свои камлания в подполе, подальше от солнца и детей.... Мне кажется, надо однажды сжечь то место, где происходят их «новогодние огоньки». Всех представителей этих «огоньков» собрать и эвакуировать, чтоб не погорели. Но из эвакуации не отпускать впередь.

– *Вы активно помогаете Донбассу, собирая и доставляя туда гуманитарную помощь. Много ли*

у вас в этом отношении единомышленников в писательской среде? И что вы можете сказать в целом о ее отношении к происходящему?

– Многие литераторы за последние двадцать лет впали в ересь оголтелого западничества. Для них это – естественная среда, они иначе не могут. Я бы не сказал, что русские писатели дружно подняли свой голос в защиту традиционных ценностей. Кто-то поднял свой голос в защиту совсем других ценностей. Кто-то на всякий случай смолчал. Но кто-то ведет себя как положено: например, мой товарищ Сергей Шаргунов. Безупречно держат фронт наши с ним учителя и старшие товарищи: Эдуард Лимонов, Станислав Куняев, Александр Проханов. Есть замечательный поэт Игорь Карапулов, есть публицист Дмитрий Ольшанский, есть писатели Михаил Елизаров, Вадим Левенталь, Герман Садулаев – их голоса слышны. Мы вместе. И музыканты, конечно: Саша Скляр, Константин Кинчев, Иван Демьян, Бранимир, Вис Виталис, Гарик Сукачев... Это славно.

Но, скажу я вам, в сложные минуты и смутные дни писателей, настроенных, как это называется, патриотически, – не так много. Когда Пушкин, напомню, написал «Клеветникам России», от него в высшем свете многие элементарно отвернулись, о нем писали, что наш Александр «огадился», за него стыдились. Позже, во время крымских событий, Тютчев приходил в ужас от того, что в высшем свете многие и многие болели за Европу куда более, чем за Россию. Так что, если вы думаете, что припадочные западники у нас появились только после 1917 года, вы ошибаетесь. Такого добра у нас всегда было полно.

– *Пушкин в начале царствования Николая Павловича писал: «в надежде славы и добра гляжу вперед я без боязни» – как смотрите вперед вы? Как вам представляется ближайшее и обозримое будущее и каким бы вы хотели его видеть?*

– Россия огромна, непостижима, удивительна. Я верю в свой народ. За нами есть кому присмотреть. Надеюсь, мы еще не надоели тому, кто за нами присматривает.

– *Что ждать читателю вслед за «Обителью»? Какие темы, какие вопросы занимают вас сегодня и вообще что вы считаете наиболее важным сейчас?*

– Меня мало что интересует, кроме происходящего в Новороссии. Самое главное – там. Там, более того, судьбы мира. Но чтобы иной раз успокоить сердце, я немного пишу и немного размышляю о русской поэзии. Наверное, скоро допишется книжка моя о русских поэтах советской эпохи. Когда бродишь по русской истории – сразу и очень остро становится ясно, что ничего никуда не делось. Все рядом: князья, летописцы, Пушкин, съезд советских писателей, Донбасс. Все вокруг нас. Протяни руку и дотронься. ●

ТЕАТР ГЛУБОКИХ ИДЕЙ И ЭМОЦИЙ

БЕСЕДОВАЛА

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

«РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕАТР БАЛЕТА» – ИМЕННО ТАК САМ БОРИС ЭЙФМАН ОПИСЫВАЕТ ТО НАПРАВЛЕНИЕ В БАЛЕТНОМ ИСКУССТВЕ, КОТОРОЕ СОЗДАЕТ УЖЕ ПОЧТИ СОРОК ЛЕТ. РОМАН ФИЦДЖЕРАЛЬДА «НОЧЬ НЕЖНА» ОН ПРЕВРАТИЛ В ЗАВОРАЖИВАЮЩЕЕ, ИНТРИГУЮЩЕЕ ДЕЙСТВО В СВОЕМ ОСОБОМ, ЭЙФМАНОВСКОМ СТИЛЕ. И ЕСЛИ БАЛЕТ ПО МОТИВАМ ЭТОГО РОМАНА НАЗВАН UP & DOWN, ТО У ТЕАТРА, ВОЗГЛАВЛЯЕМОГО ИМ, ЛИНИЯ РАЗВИТИЯ ОДНА: UP, ВСЕГДА ТОЛЬКО ВВЕРХ. ЭТО ЕЩЕ РАЗ ПОДТВЕРДИЛИ ПАРИЖСКИЕ ГАСТРОЛИ, ПРОШЕДШИЕ С ОГРОМНЫМ УСПЕХОМ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕССУСЛУЖБОЙ ТЕАТРА

— **К**огда-то вы говорили, что руководитель труппы должен быть деспотом. Я специально пришла до спектакля, чтобы посидеть на репетиции в Театре Елисейских Полей. И оказалось, что вы ни разу не повысили голос на артистов, наоборот, старались шутить и поднимать им настроение. Так все-таки, вы деспот или нет?

— Мне кажется, сила руководителя в том, чтобы чувствовать момент, когда нужно применить «кнут» или «пряник». Это очень важно, поскольку только одной лаской и поглаживаниями по самолюбию ни в спорте, ни в балете невозможно достигнуть никакого результата. А с другой стороны, однообразие методов воздействия тоже приедается. Причем как в личных, так и в профессиональных отношениях. Нужно чувствовать, когда артиста надо поддержать добрым словом, а когда – подстегнуть.

Вы присутствовали на репетиции перед самым началом спектакля, поэтому я должен был вдохновить артистов на творчество. И, кроме того, прессинг необходим тогда, когда существуют

какие-то расхождения, непонимание или отторжение. А в этом спектакле все работают с огромной отдачей, поэтому совершенно не нужно было никакого давления. Мы все заинтересованы в успехе.

— Выступления в Париже были первым зарубежным показом *Up & Down* почти сразу после феерической премьеры в Санкт-Петербурге. А если бы там премьера не имела успеха, можно ли было отменить французские гастроли? Или все равно пришлось бы рисковать?

— Назад повернуть было бы невозможно, ведь все планируется заранее. В этом, наверное, и состоит сложность нашего искусства: новый спектакль — это всегда риск. Приходится рисковать своей репутацией и репутацией театра, но другого выхода просто нет. Ты должен стремиться к успеху и к победам. Честно сказать, так сразу взять и показать в Париже совершенно новый спектакль — это у нас получилось впервые. Здесь есть и свои плюсы, и свои минусы. Конечно, хотелось бы привезти в Париж более обкатанный спектакль, но так уж иногда складываются гастрольные планы и расписание в очень загруженном Театре Елисейских Полей. Зато эта постановка — абсолютно новая, незатасканная. Мы приехали в Париж после Санкт-Петербурга, еще одной мировой балетной столицы. Так что двигаемся по проложенной еще Дягилевым балетной дороге Петербург — Париж. Поэтому хоть мы и рисковали, зато успешные гастроли во французской столице, надеемся, означают, что у этого спектакля будет счастливая судьба.

— Скажите, а вы изменили название для того, чтобы в каждой стране, прошу прощения, не делать разные афиши с разным переводом «Ночь нежна», или же хотели несколько дистанцироваться от романа Фицджеральда? Как вы сами считаете, обязательно ли его читать, чтобы понять ваш спектакль?

— Когда я обращаюсь к какому-то литературному произведению, то никогда не стремлюсь его иллюстрировать. Спектакли — это мое эмоциональное впечатление, эмоциональное послесловие после прочтения романа. Поэтому ни в коем случае не нужно буквально излагать сюжет книги. Одно дело рассказать историю словами, и совсем другое — выразить телом. Это совершенно другое искусство, другой уровень отношений и эмоций. В этом балете очень многое от романа Фицджеральда, но и очень много придумано и мною, для того чтобы придать ему балетную форму. Точнее всего можно сказать так: балет *Up & Down* вдохновлен романом «Ночь нежна». Поэтому чтобы воспринимать спектакль, саму книгу можно читать, а можно и не читать. У меня никогда даже мысли не возникало ставить так, чтобы зритель ничего не понял, если он не прочитал роман. Наоборот, задача в том, чтобы мой зритель, даже

приходя на спектакль совсем неподготовленным, полностью погружался бы в эмоции, которые несет в себе этот балет. И, может быть, потом у него возникнет желание и книгу прочитать, если он пока этого не сделал.

Кстати, так зачастую и случается. Подобное бывало и с американской классикой, и с русской. Многие, особенно молодые люди, приходя к нам на балеты по мотивам произведений Чехова, Достоевского, Толстого и Пушкина, потом с интересом перечитывают этих великих писателей. А иногда и открывают их для себя. Свою цель в том числе я вижу в том, чтобы приобщать людей к новому виду балетного искусства, в котором превалируют не внешние факторы, не «экстерьерные» вещи, а познание и выражение внутреннего мира человека через язык тела. Наша публика не приходит к нам за развлечением. К нам приходят для того, чтобы получить какие-то особые эмоции, особую энергию, которую не могут найти в других местах: ни в кино, ни в Интернете, ни в телевизоре. Это — совершенно необыкновенные эмоции, выраженные через энергетику человеческого тела. И мы уверены, что в нашем театре зрители всегда получают психологическую подпитку. Ведь не секрет, что сегодня многие балетные труппы увлекаются только техничностью движений под музыку, и наблюдается очень мало балетных спектаклей, которые могут открыть новый мир, выразить эмоциональные тайны человеческой природы. У нас именно такой театр, поэтому и публика особая. Но мы не создаем специально какую-то касту. К нам очень часто приходят те, кто до этого вообще не ходил на балет. Но, попав к нам на спектакль один раз, они потом становятся нашими постоянными зрителями.

— Это случайность или специально вами так задумывалось, что парижские гастроли проходили в Театре Елисейских Полей, где когда-то шли дягилевские Русские сезоны? Вы уже привозили сюда в 2013 году «Родена», а теперь — *Up & Down*.

— Нас на гастроли приглашает известнейшая европейская продюсерская компания Альбера Сарфати. Мы работаем с ней на протяжении 25 лет, они и предложили этот театр. Мы действительно в нем часто выступаем, но я не могу сказать, будет ли так всегда, поскольку это не от меня зависит. Мне бы, конечно, хотелось приезжать сюда чаще, поскольку мы чувствуем себя здесь очень комфортно. В этом театре — замечательная атмосфера и великие традиции. И здесь отличная публика. Меня пугали, что парижская публика очень снобистская и претенциозная, что якобы сейчас у нее в моде псевдоискусство под видом авангарда. Может быть, так оно и есть, я не могу обобщать, но на наших спектаклях совершенно потрясающая атмосфера. Так было, к счастью, и в этот приезд. Все три вечера нам сопутствовало признание и овации публики. И это не только оценка нашего спектакля, но и показатель того,

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ ТЕАТРА

что зрители тянутся к искусству, которое для них открывает новые миры и новые грани в познании души человека.

После нашего балета публика уносит частицу наших эмоций, нашей энергии. Именно поэтому очень многие возвращаются, приходят вновь и вновь, поскольку то, что они получили от соприкосновения с нашим искусством, отвечает потребностям их души. Они чувствуют, что хотят испытать эти глубокие эмоции снова.

– *Публика, к счастью, видит только результат, а не сам процесс работы. Иногда за спиной хореографов говорят, что они выжимают все соки из артистов, чтобы выдавать блестящие результаты.*

– Про меня тоже так говорят.

– *Про вас не слышала. Мне показалось, вы очень щадяще относитесь к своим исполнителям.*

– Не обольщайтесь, это вы меня при подготовке спектаклей не видели. Моему театру уже 38 лет. В течение этого времени я занимался созданием балетов. Я специально никого не давил, никого не травил, а старался создать современный репертуар вначале Советского Союза, а потом России. У меня нет какой-то особой идеи фикс непременно быть жестким и держать всех в ежовых руках. Но с другой стороны, я человек принципиальный, поэтому у меня и театр все эти 38 лет существует успешно. Мой принцип: высокое искусство, высокое мастерство и полная самоотдача на каждом спектакле и каждой репетиции. Я сам все эти десятилетия работаю с полной концентрацией, поэтому и спектакли получаются успешными, и международная востребо-

ванность нашего театра очень высока. Почему? Потому что наш театр не похож ни на один другой в мире. У нас свой индивидуальный стиль и индивидуальный репертуар, который больше нельзя увидеть нигде. У нас замечательные артисты – очень красивая молодая труппа. Поэтому мы конкурентоспособны в мире. Но для нас очень важно и то, что сегодня мы представляем современное российское балетное искусство, репертуар новой России. В мире прекрасно знают и любят русский классический балет, а мы показываем, что в России не только хранят классику, но и создают новое искусство. И очень успешно. А как это достигается? У нас труппа очень молодая, и на молодых людей, наверное, действует в том числе и тот факт, что, хотя мне немало лет, я сам всегда стараюсь работать с полной отдачей.

– *Да, даже перед третьим спектаклем в Париже, когда первые два уже прошли с овациями, вы все равно лично делали прогон.*

– Собственное отношение к делу действительно заражает молодых и по-особому их настраивает. У нас так заведено: если ты не вписываешься в общую картину театра, в его творческую идеологию, то ты должен либо уйти, либо попытаться вписаться. Поэтому и остаются единомышленники, те, кто хочет прожить яркую жизнь в искусстве, кто хочет реализовать себя, а не просто проболтаться двадцать лет, как у нас говорят, «у воды», где-то в последних линиях кордебалета. К сожалению, такое очень часто случается в крупных театрах с большими труппами.

Конечно, административная работа тоже занимает очень много времени, тем более что сейчас мы

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСССЛУЖБОЙ ТЕАТРА

открыли в Санкт-Петербурге Академию танца. Помимо всего прочего в ней мы реализуем и свои социальные программы, поскольку приглашаем детей со всей России, прежде всего из бедных семей и сирот. Они живут у нас на полном пансионе, мы их одеваем, кормим, лечим, учим. Мои ассистенты специально ездят, отбирают детей, и я тоже часто присутствую при этом. Цель данной программы – вырастить новое поколение артистов балета и помочь профессионально состояться тем, кто никогда бы не смог этого сделать без поддержки.

– То есть фактически вы продолжаете традиции советской балетной школы, которая по всему Союзу искала талантливых детей?

– Частично вы правы, поскольку социальные программы в советское время были очень серьезно нацелены на воспитание и образование детей. Но я бы сказал, что мы продолжаем не только советские, но и вообще российские балетные традиции, ведь многие из них закладывались еще до революции. Не забывайте, Анна Павлова и Вацлав Нижинский – это дети-сироты. Вернее, полусироты, причем их матери были очень бедны. Павлова и Нижинский смогли стать всемирно знаменитыми артистами только потому, что Российское государство создало на нашей Театральной улице, ныне – улица Росси, балетное училище, где дети из бедных

семей могли заниматься бесплатно. Там тоже был полный пансион, ведь эту школу патронировала царская семья. В том числе и поэтому русский балет был на самом высоком мировом уровне.

Советский Союз перенял позитивные моменты, которые уже были заложены в балетном воспитании, и очень успешно их развивал. Потом, в перестройку, случился спад, но сейчас опять пришло время «собирать камни». И мы являемся одними из участников этого процесса, который, слава богу, поддерживается и государством, и спонсорами. Конечно, в нынешней экономической ситуации непросто удержать эту программу на должном уровне, но мы уверены, что она будет и дальше успешно существовать. Результаты нашей работы уже видны. Я наблюдаю, как маленькие дети из провинции просто преображаются, на глазах становясь более раскованными и творческими. Надеюсь, наша Академия танца внесет свой вклад в воспитание нового поколения россиян.

Помимо этого сейчас у нас идет подготовка к строительству Дворца танца, новой площадки для нашего театра. Но, конечно, при всех этих административных делах очень хочется уделять больше времени и непосредственно балетным постановкам, поскольку, так уж получилось, я один из немногих хореографов в мире, которые создают совершенно новый репертуар балетного театра.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕССЛУЖБОЙ ТЕАТРА

— Ваш излюбленный стиль часто называют «психодрамой». Не знаю, кто придумал это определение, но оно хорошо проясняет, почему вы создали Академию танца. Наверное, в высокопрофессиональных выпускниках классических балетных школ вам не хватало навыков драматического искусства?

— Действительно, есть прекрасная Академия имени Вагановой, но она нацелена на классический репертуар. Мы же хотим создать альтернативное направление, естественно, не конкурируя с нашей альма-матер. Нам бы хотелось попытаться воспитать новую, более универсальную генерацию артистов балета. Они должны танцевать и классику, и модерн. При этом быть и драматическими артистами, то есть людьми, которые на сцене могут выразить не только красоту движения, но и заложенный в него глубинный смысл. Мы пытаемся сформировать новую образовательную систему для подготовки артистов балета, которые языком тела смогут рассказать то, что скрыто за словами. В мире очень известно выражение «русский психологический драматический театр». Мы стремимся к тому, чтобы создать русский психологический театр балета. Театр глубоких идей, глубоких эмоций. Это очень присуще нашему искусству и нашей русской культуре. Сегодня на Западе очень увлекаются абстрактными балетами и небольшими сборными програм-

мами абстрактного содержания. Но это направление не имеет никакого особого развития, оно само себя загоняет в тупик. На мой взгляд, именно то, что делаем мы, и представляет собой будущее балета. И чем быстрее молодые хореографы поймут, что в балете заложен мощнейший психологический потенциал, тем быстрее мировое балетное сообщество выйдет из кризиса, в которое вгоняют балет отсутствие содержательности и ориентация на технику. Сегодня явственно чувствуется нехватка людей, способных не просто поставить танец, а мыслить хореографически. Балетный театр — это прежде всего театр глобальных идей и масштабных постановок, отражающих современность.

Мы бы хотели, чтобы и в наш театр пришло новое поколение хореографов, которые будут работать в разных направлениях. Но они должны при этом получить тех артистов, которые будут в состоянии выразить их идеи и фантазии.

— А вы даете дорогу в своем театре молодым хореографам?

— Пока не даю, но и не перекрываю. Сейчас у нас нет условий для творчества молодых хореографов. Думаю, скоро они появятся. Когда будет построен Дворец танца, там разместятся три компании: одна представит классический балет, вторая — это непосредственно мой театр,

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСССЛУЖБОЙ ТЕАТРА

а третья – некая авангардная лаборатория для любых балетных экспериментов. Там смогут работать молодые хореографы, которые и сами будут развиваться в профессии, и балетное искусство развивать. Туда же мы планируем приглашать на мастер-классы ведущих хореографов мира. Сейчас такое сотрудничество мастеров, молодых хореографов и начинающих артистов случается довольно хаотично. Мы хотим превратить это в постоянный творческий процесс, чтобы помочь появлению нового поколения хореографов.

– *Надеюсь, этому новому поколению будет легче, чем вам, поскольку довольно трудно представить, как вы смогли в 1977 году организовать в Советском Союзе первый авторский театр.*

– Наш театр возник как авторский, поскольку нужна была некая альтернатива канонизированному классическому балету. Конечно, было очень сложно. Первая же программа у меня создавалась на музыку «Пинк Флайд», а эта группа была почти запрещена в Советском Союзе. Но что удивительно, в результате Ленинград был тогда обвешан нашими афишами. Потом мы танцевали под музыку «Пинк Флайд» и на Красной площади, и в Кремлевском дворце съездов. Я даже сейчас этому поражаюсь.

Сам не могу понять, как могло произойти, что такое абсолютно альтернативное искусство нашло

свою нишу в СССР. Когда-то газета «Нью-Йорк таймс» назвала статью про меня так: «Человек, который осмелился», причислив меня к диссидентскому движению. Но диссиденты не имели возможности публичного самовыражения, а мы с нашим театром объездили всю страну. За границу, правда, десять лет не выпускали. Видимо, балет – такое искусство, от которого не ждали особого подвоха. А может быть, люди интуитивно чувствовали, что я никогда не хотел никакой конфронтации или скандалов. Мне всегда хотелось только заниматься искусством. Я понимал, что создаю новое направление, и надеялся, что оно когда-нибудь будет признано.

Если еще в 1986 году за балет «Подпоручик Ромашов» меня гнобили, говоря, что он разлагает армию, то уже через год, в 1987-м, когда я поставил «Мастера и Маргариту», те же самые люди сказали: «Вот, смотрите, это – новое искусство новой России!» Хотя в том спектакле была показана психиатрическая больница, где лечат инакомыслящих. Десять лет я боролся за то, чтобы быть свободным художником в советской системе, а в результате оказался олицетворением «нового искусства новой России». Искусство победило, и я вместе с ним. Было очень сложно, но и очень интересно, поскольку, победив, мы сохранили новаторский дух, который нас сопровождает уже 38 лет. ●

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРККА

ОНА ВЫШЛА НА СЦЕНУ И ЗА ЧАС РАССКАЗАЛА ЗРИТЕЛЯМ О ТОМ, КАК РАЗВИВАЛИСЬ ОТНОШЕНИЯ С ЛЮБИМЫМ МУЖЧИНОЙ И ПОЧЕМУ ОНИ ПРЕКРАТИЛИСЬ. РАССКАЗ СОПРОВОЖДАЛСЯ ТО КРИКОМ, ТО СЛЕЗАМИ. РАССКАЗЧИЦА БЫЛА АКТРИСОЙ, ОНА ЧИТАЛА ЧУЖОЙ ТЕКСТ, НО ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ СПЕКТАКЛЯ ЕЙ УЧАСТЛИВО ПРОТЯГИВАЛИ НОСОВЫЕ ПЛАТКИ И ПРЕДЛАГАЛИ ПРОВОДИТЬ ДО ГРИМЕРКИ.

«ГЛЯДЯ НА ВАШУ
игру, мне было стыдно за то, что будто бы подглядываю за чем-то интимным и сокровенным в жизни другого человека», – написала одна из зрительниц в книге отзывов... Жанр моноспектакля набирает популярность и уже обрел множество поклонников. Корреспондент журнала «Русский мир.ru» побывал в Череповце на фестивале литературного театра «Кот-баюн», который уже четвертый год собирает на провинциальных подмостках актеров из России и Европы, и попытался выяснить, как жанр живет сегодня и как будет развиваться завтра.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ИСПОВЕДЬ

Моноспектакли все чаще идут в больших залах, и нередко на действие, в котором один-единственный актер, к примеру, ме-

чется между цветочной кадкой и вешалкой, приходит больше зрителей, чем на помпезные постановки, в которых задействованы десятки актеров.

Актеров, в особенности молодых, привлекают в моноспектаклях возможность самореализации, творческая свобода и дешевизна постановки. А публика приходит на моноспектакль в поисках честного искусства и подлинных эмоций – исповедь, звучащая со сцены, многим зрителям помогает исцелиться от собственных душевных ран.

«Нужно признать, что камерный театр сегодня занял абсолютно равное положение со спектаклями большой формы, – говорит театральный критик из Санкт-Петербурга и член жюри фестиваля «Кот-баюн» Виктория Аминова. – И даже в чем-то их опережает. Крупные спектакли могут быть исключительно коммерческими и сделанными

на потребу, а камерная форма априори предполагает наличие эксперимента. И сегодня мы видим, что именно «камерники» делают что-то новое, прогрессивное и интересное».

Первое, что делает артист моноспектакля, выйдя на сцену, – ломает четвертую стену Станиславского. Ту самую, которая отгораживает актеров от зрителей. Рассказ исполнителя – мемуары ли это или повесть Тургенева «Муму» – обращен непосредственно к слушателю и вынесен на его суд. При этом актер, на свой выбор, волен остаться сторонним наблюдателем, перевоплотиться в одного или нескольких персонажей или явить образ самого автора. Один из артистов моноспектакля рассказал, что играть в одиночестве на сцене – все равно что мчаться с крутого горнолыжного спуска без палок: маневры возможны любые, но выверен-

ные, чтобы не упасть. Страшно, аж дух захватывает.

Моноспектакли ставятся по тем же законам, что и большие драматические постановки, – репетиции мизансцен, поиск нужных интонаций, привлечение художника, композитора, а зачастую и костюмера с гримером. Моноспектакли редко продолжаются дольше часа. Посмотрев два-три моноспектакля, понимаешь, что быстротечностью постановок жалеют не столько артистов, сколько зрителей. Долго слушать надрывный рассказ тяжело, причем чем интереснее, тем тяжелее.

В ШИНЕЛИ ГОГОЛЯ, В МУНДИРЕ ЛЕРМОНТОВА

Костюмы и декорации спектакля «Никошенька. Петербургский дебют» петербургского театра «Цех свободных художников», рассказывающего о литературном дебюте Николая Гоголя в Санкт-Петербурге, помещаются в два чемодана. А фанерный верстовой столб – важный символ постановки – исполнитель носит под мышкой. Должно быть, у Гоголя, приехавшего покорять столицу, вещей было больше. Актер Виктор Бугаков рассказал о том, что идея спектакля о Гоголе появилась у него давно, поскольку любит этого автора с ранней юности. Потому и выбрал камерный жанр, что хотел поделиться сокровенным. «Мне кажется, любой актер ищет на сцене какой-то исповедальности и радуется, когда у него есть возможность поговорить со зрителем о важном с глазу на глаз, – говорит Виктор Бугаков. – Жанр монотеатра дает возможность превратить театральное действие в личностное высказывание, эмоционально насыщенное и рассчитанное на немедленный отклик публики. Здесь ты вынужден раскрываться, тебе не за кого прятаться. Это громадная ответственность и тяжесть, но и великая радость быть откровенным и поделиться пережитым. Но ты и публику должен побудить раскрыться. Если ты принял на себя роль исповедующегося, то тогда зрители – это

Актер

Виктор Бугаков признался, что изучает жизнь и творчество Гоголя много лет. И внешнее сходство здесь ни при чем

твои духовники. Без их участия спектакль не состоится. И неудачи бывают. Например, «на Гоголя» приводят школьников, которые не готовы к восприятию такого материала. И тогда я в их глазах предстаю лишь странным человеком в странной одежде». Спектакль составлен из цитат, преимущественно взятых из переписки Гоголя с матерью. В них писатель предельно откровенен, описывая тернии, через которые он прошел. Виктор Бугаков прочитал сотни писем писателя и его матери, прежде чем составился монолог длиною в час. Выступает актер в зеленой «гоголевской» шинели. «Мне часто говорят, что я похож на Николая Васильевича, но, поверьте, не внешнее сходство явилось толчком для моего увлечения творчеством Гоголя, – говорит он. – Однако если кому-то это помогает воспринимать спектакль и верить в происходящее на сцене, то я рад сходству».

Спектакль «Никошенька. Петербургский дебют» заканчивается на самом интересном месте – к Гоголю приходит первый шумный успех. «А продолжение будет?» – интересуюсь у автора. «Не знаю, возможно», – щедрит Виктор, в голосе звучат нотки сомнения. Видимо, успешный Гоголь хорошо смотрится в документальных фильмах на больших телеканалах, но монотеатру неинтересен.

Актриса московского театра «Арт-Гнездо» Ирина Евдокимова привезла на фестиваль не биографический моноспектакль, но вышла в образе автора. Неоконченную

повесть Михаила Лермонтова «Штосс» она читает и играет в ките и фуражке лермонтовских времен. «Моноспектакли сейчас очень популярны, – говорит актриса. – Они не так затратны, можно ездить на гастроли и фестивали, молодые актеры этим очень увлеклись. И зрителям подчас проще и удобнее именно так постигать литературную классику, нежели взять с полочки книгу. Это быстрее и более доходчиво. Мне кажется, литературные моноспектакли в какой-то степени родственники аудиокниг, которые лет десять-пятнадцать назад стали суперпопулярны, потому что в городах появились автомобильные пробки и люди захотели проводить это вынужденное заточение с пользой.

Спектакль начался с постановки для «Радио России», в работе над которой у режиссера и актрисы придумался сценический вариант. Первым делом решили (согласившись в этом с рядом литературоведов), что «Штосс» – законченное произведение, а то, что повесть обрывается на самом интересном месте, лишь литературный ход. Евдокимова так свой «Штосс» и играет – как шутку и игру остроумного автора. «Мне кажется, отличие чтецов от актеров моноспектаклей в том, что чтецы исполняют произведение более сдержанно, – говорит Ирина. – Кстати, многим зрителям по душе именно такой вариант, и они не приемлют чересчур театральной подачи текста, особенно классики».

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Первый вопрос, который задали зрители актрисе Национального драмтеатра из Элисты Марине Кикеевой во время обсуждения ее моноспектакля «Судите меня сами», звучал просто: сколько вам лет? За сценический час героиня Кикеевой (спектакль поставлен по повести калмыцкого писателя Алексея Балакаева) рассказала свою жизнь от раннего детства до зрелости и материнства. И публика не поняла подлинного возраста актрисы – ей 20 или 40? Вперив в зрительный

зал горящие глаза, она признавалась и каялась, тараторила и брала длинные паузы, плакала и доверительно шептала.

По словам Марины, на сцене она переживает то же, что и настрадавшаяся героиня. «Мы с режиссером не расставляли ремарки – здесь я заплачу, а здесь не смогу закончить фразу из-за кома в горле, – говорит она. – Это происходит само собой, причем иногда в разных местах. Слезы вдруг поплыются, дыхание начнет прерываться, или голос вдруг на несколько секунд пропадет».

«Устаю ли я за час на сцене? Нет, спектакль для меня очень быстро проходит, – признается Марина. – Вообще-то мы с режиссером ставили его так, чтобы и зрители не замечали времени. А вы заметили, да? На часы смотрели? Тогда это моя недоработка. Играть такой спектакль – актерское счастье, но нельзя сказать, что я в нем купаюсь, все-таки это сложно психологически, и после спектакля я обычно чувствую себя очень измотанной».

По мнению Марины Кикеевой, моноспектакль как марафон для бегуна: чтобы бежать его на должном уровне, нужно делать перерывы между забегами. «Сегодня о новых моноспектаклях я не задумываюсь, но если и решусь вернуться к этому жанру, то возьму комедийное произведение, – рассказывает актриса. – Мне говорят, что я нашла свой жанр и могу выпускать один за одним моноспектакли, например о трудных судьбах великих женщин. Но мне это уже неинтересно».

Актриса Рыбинского драматического театра Наталья Левина ни с журналистами, ни со зрителями о своей роли в моноспектакле «Человеческий голос» (по произведению Жана Кокто) не разговаривает. Достаточно ей сценического «душевного стриптиза». Более часа актриса рассказывает о любви к человеку, который ее бросил, доходя при этом до такой степени надрыва, что кажется, актриса вот-вот рухнет в обморок. То, что Наталья читала чужой текст, не верилось. На сцене помимо нее разбитый ро-

Большинство моноспектаклей представляет собой исповедь – чужой текст актеры произносят как свой

яль – ее своеобразный двойник – и не один десяток телефонных трубок, развешанных под потолком. Художники нарочно подбирали старые и потрепанные. Во времена поклонов актриса щурила глаза от яркого света и плакала, ее тряслось, на обсуждение и на бис выйти отказалась. На награждение лауреатов фестиваля тоже не осталась, хотя была удостоена нескольких премий.

РЕЖИССЕРСКИЙ ВЗГЛЯД

Когда актрисы не выходят на награждения и обсуждения с критиками и зрителями, их место занимают режиссеры. Чрезвычайно редко артист монотеатра сам ставит спектакли с собой в главной роли. Исполнители объясняют это так: нужен взгляд со стороны, иначе есть опасность утонуть в собственном подсознании и быть непонятым зрителями. В этом дуэте режиссеры более расчетливы и дальновидны. Артист часто идет в монотеатр из-за неопределенного томления в душе, у режиссера мотивы, как правило, более определенные. В одних случаях ему хочется показать неожиданные грани талантливого актера, засидевшегося в эпизодических ролях. В других – волнует мате-

риал, а большого спектакля поставить не дали. Ну, и, наконец, привлекают творческая свобода и дешевизна постановки.

«Для меня это относительно новый жанр, свой первый моноспектакль я поставил десять лет назад, выпустил уже четыре постановки в этом жанре, – рассказал режиссер калмыцкого драмтеатра Сергей Бурлаченко. – Конечно, более всего в нем меня привлекают исповедальность и широкие возможности, для того чтобы по-настоящему тронуть зрителя. Причем благодаря минимализму используемых средств можно практически на любом литературном материале сделать вселенеловеческую историю. Например, когда-то я поставил моноспектакль по рассказам Горького, причем перенес действие в неопределенное время – получилась история на все времена о женщинах на обочине».

Репетиции моноспектакля «Судите меня сами» вылились для режиссера Бурлаченко и актрисы Кикеевой вместо ожидаемого творческого союза в споры и скандалы. Поводом стали не разногласия в построении мизансцен и различные взгляды на характер героини, а суть спектакля. Актриса хотела бытовой прав-

ды – населить сцену мебелью и посудой, «материализовать» мужа и мать, о которых рассказывает с подмостков. Режиссер настаивал на философском обобщении и минимализме. «Мне показалось, что если бы на сцене появились отец, мачеха, муж и возлюбленный геройни, то спектакль мог скатиться в бытовую мелодраму. Не получилось бы исповеди, человеческого обобщения, – говорит Сергей Бурлаченко, которому удалось убедить актрису в том, что невидимая кастрюля на сцене лучше реальной. – Рассказывая нам свою жизнь, геройня будто проходит через чистилище. Бывали репетиции, когда мы с первых минут включались в действие – сделай так... попробуй так... теперь под эту музыку. А было, приходили на репетицию и начинали беседовать ни о чем, даже не по поводу постановки. Могли просидеть часа полтора и разойтись. Но я всегда был уверен, что такие «посиделки» идут на пользу – все равно вокруг текста топчемся, все равно что-то нащупываем».

Режиссера драматического театра из Рыбинска Антона Неробова в жанре моноспектакля привлекло то, что он не требует ничего, а дает все. Широчайшие возможности при минимуме затрат. Большой спектакль, как правило, приходится долго «пробивать» у руководства театра: нужно обосновать, доказать, рассчитать бюджет и получить рассчитанное, втиснуться в график, предусмотреть свободное время множества актеров. Репетиции еще не начались, а у режиссера уже «язык на плече». Моноспектакли, во всяком случае в понимании Антона Неробова, готовятся иначе – в свободное время, иногда дома, во время чаепитий и неформальных встреч, часто втайне от коллег. Готовое действие показывается «наверху»: одобрили – хорошо, не одобрили – ничего, зато время хорошо провели. «Мне очень интересно работать на камерной сцене, – говорит режиссер, поставивший исповедь брошенной женщины «Человеческий голос». – И для

актрисы это интересный эксперимент, когда зритель находится на расстоянии вытянутой руки от исполнителя. Обмануть невозможно, закрыться режиссерами «прибамбасами» тоже нельзя. Получается стриптиз души, диалог один на один с публикой». Режиссер согласен, что жанр моноспектакля зачастую играет на чувствах зрителей, но эта игра искренняя, и право на неедается не всем. «Сыграть такое, не пережив нечто близкое в собственной жизни, невозможно, – уверен Антон Неробов. – Наталия вложила в спектакль чувства, связанные с потерей мужа. Наверное, потому постановка и получилась такой пронзительной».

ГРУСТНЫЙ КЛОУН

Клоунада – жанр специфический и монотеатру неинтересный. Красный нос, размалеванное лицо, струи слез на полметра... Моноартист на сцене предпочитает работать с реальными слезами, а грим зачастую и вовсе не использует. Впрочем, за постановку мемуаров клоунов, в которых трагическое, как правило, перевешивает комическое, литературный театр берется с удовольствием. Ведь так заманчиво раскрыть душу клоуна, спрятанную за нарисованной улыбкой, и ответить на вопрос: отчего артисты этого жанра самые грустные люди на свете? И публике, вопреки известной песне, есть дело до тех, над кем они пришли повеселиться.

Актриса петербургского «Романтического театра Юрия Томашевского» Виктория Зайцева раскрыла эту тему ярче многих коллег – ее спектакль «Король зонтов», поставленный по мемуарам известного советского клоуна Леонида Енгибарова и парадоксальным стихам Олега Григорьева, завоевал ряд премий. В постановке смешаны наивность и жесткая ирония, веселое озорство и черный юмор... За час Виктория успевает доказать, что от великого до смешного действительно один шаг. Жанр спектакля определен как

поэтическая клоунада, в скобках приписка: «спектакль для взрослых». Чтобы дети, прочитав про клоунаду, не пришли на спектакль со сладкой ватой в руках. «Жанр «поэтический театр» придуман нами и возник в результате синтеза поэтического и прозаического слова, жеста и... как бы это определить... небытового существования на сцене, – рассказывает актриса. – «Король зонтов» начинался на кухне. Идея и найденный материал появились очень вовремя, и первые же репетиции показали нам, что это не просто номер, а заявка на нечто большее».

По словам Виктории Зайцевой, в моноспектакле, как ни в каком другом сценическом жанре, режиссер и исполнитель обязаны быть единомышленниками. Споры возможны, но согласие в принципиальном необходимо. Иначе постановка не состоится. «Моноспектакль – очень индивидуальное искусство, он не предполагает слепого подчинения воле режиссера, даже, я бы сказала, невозможен в таких условиях, – говорит Виктория. – Возьмем наш спектакль. Его ставил режиссер, но многое подсказывало мое актерское чутье. А потому, хотя это нескромно, я считаю себя соавтором спектакля. На каждую репетицию я приносила впечатления от вчерашнего вечера и сегодняшнего утра – что-то на улице увидела или ночью во сне, и забрезжила новая интересная мысль о нашем спектакле. Режиссер говорил – показывай, давай попробуем».

Ощущив себя «королем зонтов» и королем сцены в моноспектакле, должно быть, сложно играть в обычных спектаклях. Все равно что возвращаться в третий ряд огромного оркестра после познания радости солирования. «Мне не кажется это сложным, и я не испытываю никакого дискомфорта, – говорит Виктория Зайцева. – Да, сегодня я играю моноспектакль, у меня их два и третий в разработке, а завтра – горничная в «Чайке». В этом есть какая-то высшая гармония и великая мудрость актерской профессии».

ИГРЫ СЛОМАННЫХ СТЕРЕОТИПОВ

АВТОР

АНДРЕЙ МОРОЗОВ

ЕСТЬ ТРАДИЦИЯ: ВЕСТИ ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ ВРЕМЕНИ ЗА ГОД ДО НАЧАЛА ОЧЕРЕДНЫХ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР. ДЛЯ ЭТОГО В ОДНОМ ИЗ ГЛАВНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ МЕСТ СТОЛИЦЫ СТРАНЫ-ХОЗЯЙКИ БУДУЩЕГО СПОРТИВНОГО ПРАЗДНИКА УСТАНАВЛИВАЮТ ГИГАНТСКИЙ ХРОНОМЕТР, ВЕДУЩИЙ ПОСЕКУНДНЫЙ ОТСЧЕТ. ЗА ГОД ДО СОЧИНСКИХ БЕЛЫХ ИГР ЧАСЫ БЫЛИ УСТАНОВЛЕНЫ В МОСКВЕ, РАЗУМЕЕТСЯ, НА МАНЕЖНОЙ ПЛОЩАДИ. ОЛИМПИАДА СОСТОЯЛАСЬ, И ЧАСЫ БЫЛИ ДЕМОНТИРОВАНЫ. ПУСКАЙ ТЕПЕРЬ КОРЕЙЦЫ, ХОЗЯЕВА ИГР-2018, ОТСЧИТЫВАЮТ ОСТАВШИЕСЯ ДО СТАРТА СЕКУНДЫ.

МНЕ ЖЕ КАЖЕТСЯ, что именно XXII зимние Олимпийские игры вполне могли нарушить эту традицию. Сочинские недели спорта 2014 года претендуют на то, чтобы мы считали время, начиная с их старта. Причиной тому – огромное количество стереотипов, разрушенных Олимпийскими играми, которые провела Россия. И, конечно же, перспективы, которые Сочи-2014 открыли.

КАКОЙ ЖЕ РУССКИЙ ПОЕДЕТ ТЕПЕРЬ В КУРШЕВЕЛЬ?

Начнем с истории, которая, на мой взгляд, настолько символична, что сама по себе, без всяких подробностей и статистических выкладок, может претендовать на главный итог Сочи-2014.

В канун новогодних каникул 2015 года, когда жизнь в столице России уже начинала замедлять, удалось в случайном разговоре узнать о планах на отды-

х одного знакомого капиталиста. Корпорация его имела непосредственное отношение к подготовке Олимпиады. Знакомый не мыслит зимы без горных лыж. Так вот, он с грустью сообщил, что и в 2015-м ему придется кататься на опустылевших трассах французского Куршевеля. Разумеется, «несчастный» нарвался на ехидный вопрос: «А как же Сочи?! Не для себя, значит, строили?» Что вызвало еще большее огорчение горнолыжника-любителя: оказалось, в Сочи на эти зимние каникулы просто не оказалось свободных мест! Причем не только для тех, кто привык отдыхать, как говорится, «первым классом». Горнолыжникам «экономкласса», не позаботившимся заранее о местах в гостиницах, сочинские склоны тоже не «светили»! И это притом, что и стоимость номеров в бывших гостиницах для спортсменов, и цены билетов на подъемники даже до декабряских пируэтов рубля были выше среднеальпийских. Конечно, можно директивно отправить спортсменов, чиновников и политиков в столицу зимней Олимпиады. Но заставить десятки тысяч людей тратить собственные деньги и отпуск на

Панорама гор в районе горнолыжного комплекса «Роза Хутор», Красная Поляна, Сочи. Февраль 2012 года

Горнолыжный комплекс «Роза Хутор». Красная Поляна. Сочи. Февраль 2012 года

поездку в Сочи, согласитесь, невозможно.

В итоге минувший год показал, что с закрытия Олимпиады жизнь в Сочи и окрестностях только началась. Пунктирно обозначим самые запомнившиеся события.

Буквально через считаные дни после закрытия Олимпийских игр в Сочи прошла Паралимпиада. В последующие месяцы на неостывших, как принято говорить, аренах проводились соревнования по всем зимним олимпийским дисциплинам. И хоккей, и фигурное катание, и кёрлинг – пусть уже не столь значимые, как олимпийские соревнования, но – тем не менее. Сочи действительно стал центром спортивной жизни страны в 2014 году. Вот, скажем, на первый взгляд теннис с зимней Олимпиадой связывала лишь пробежка Марии Шараповой с факелом по стадиону на церемонии открытия Игр. Ну, бабушка ее там живет. Да папа Евгения Кафельникова, как известно, был сочинским таксистом. Между тем один из матчей командного женского чемпионата мира – Кубка федерации – сборная России сыграла именно в Сочи. И дворец

«Ледяной куб» оказался вполне приспособлен для проведения матчей высокого уровня. И публики здесь было побольше, чем собирается на подобные соревнования в Москве.

А предновогодний хоккейный турнир «Кубок Первого канала»? Анишлаг на нем напомнил великие советские времена, когда у входа во дворцы спорта на хоккей спрашивали лишний билетик. Что, к слову, и на качестве игр сказалось: по накалу страсти турнир 2014-го вполне напоминал знаменитые в советском прошлом ледяные битвы на призы «Известий».

А проведенный в Сочи этап чемпионата мира по автогонкам в классе «Формула-1», признанный самым значимым событием в мире автоспорта в 2014 году?

Говоря о жизни Сочи и окрестностей в первый постолимпийский год, неправильно было бы замечать исключительно спортивную жизнь. Но о целом ряде политических, деловых, общественных и научных форумов, прошедших в Сочи в 2014-м, нужно говорить отдельно. Всегда физкультурная составляющая сочинского феномена очевиднее.

ШАРИФУЛИН ВАЛЕРИЙ / ТАСС

Парадоксально выглядит, что Россия победила на домашней Олимпиаде в городке, откуда родом был один-единственный участник всей команды – Алексей Воевода. Для тех, кто уже подзабыл специализацию героев Сочи-2014, напомню, что Алексей стал первым в истории российского спорта олимпийским чемпионом в элитном виде программы – бобслее.

То есть, как ни крути, домашняя Олимпиада была для наших спортсменов таковой лишь номинально. Не кривя душой, скажем, что сроки сдачи олимпийских объектов порой были так затянуты, что полноцен-

но использовать фактор «своего поля» не удалось. К примеру, член олимпийской сборной России по сноуборду Екатерина Тудегешева за год до Олимпиады сетовала на то, что проектировщики-строители не посчитали нужным выяснить, на каких трассах предпочтительнее выступать нашим, чтобы иметь шанс на победу. Победа – общекомандная, да и в сноуборде – пришла и так. Но если представить, что борьба за нее начиналась бы на этапах строительства объектов, золота в неофициальном командном зачете могло быть и больше. Впрочем, для победы и так хватило...

Волонтеры перед началом гонки на 15 км в масс-старте на соревнованиях по биатлону среди мужчин на XXII зимних Олимпийских играх. Старт гонки отложен из-за погодных условий

Максим Траньков, Татьяна Волосожар, завоевавшие золото, Федор Климов и Ксения Столбова, завоевавшие серебро на соревнованиях по фигурному катанию среди спортивных пар (слева направо), на церемонии награждения призеров XXII зимних Олимпийских игр

СМИРНОВ ВЛАДИМИР / ТАСС

Цифры и факты

В процессе подготовки к Олимпийским играм в Сочи было построено 380 объектов, в том числе 11 спортивных объектов, 42 гостиницы, 66 объектов энергетики.

Согласно отчету «Олимпстрой» за 2013 год, общие расходы на программу подготовки Сочи к Олимпиаде составили (с учетом НДС) 1,524 триллиона рублей.

Помимо 10 всемирных олимпийских партнеров, работающих с МОК, оргкомитет Игр в Сочи заключил партнерские соглашения еще с 14 компаниями.

В XXII Олимпийских играх в Сочи участвовали 2859 спортсменов из 88 стран, разыгравшие 98 комплектов наград.

На Олимпийские игры 2014 года было продано 1,1 миллиона билетов на соревнования. В Сочи приехали болельщики из 126 стран.

ФЕДОРОВА / ХННН / ТАСС

СУМАСШЕСТВИЕ «РУССКОГО ДОМА»

Двадцать один год назад в скромном норвежском бревенчатом коттедже, отдаленно напоминающем русскую избу, в такие же февральские дни русские отчаянно обмывали медали первых российских олимпийских чемпионов Лиллехаммера-1994. Эта избушка называлась «Русским домом», и сюда каждый вечер подтягивались спортсмены, официальные лица и журналисты, работавшие в студеном норвежском краю. Там было холодно – не менее 20 градусов мороза, в небе полыхало северное сияние, а выпить водки после 22.00, не противореча закону, можно было лишь в «Русском

доме». Тем более что повод спорты предоставили. Это была первая Олимпиада, на которой сборная России выступала... как сборная России. До этого, напомню, олимпийцы СССР выступали под флагом Содружества Независимых Государств.

В тот вечер, помню, счастьем светилось кукольное лицико Екатерины Гордеевой. Она в паре с Сергеем Гриньковым стала двукратной олимпийской чемпионкой. А горнолыжница Светлана Гладышева своему серебру радовалась, пожалуй, не меньше всех фигуристов, вместе взятых. Кстати, за двадцать следующих лет ни единой медали у России в горных лыжах не будет.

Ирина Роднина и Владислав Третьяк несут олимпийский огонь на церемонии открытия XXII зимних Олимпийских игр. Стадион «Фишт». Сочи. 7 февраля 2014 года

Водку в честь победы запивали томатным соком, который журналисты получали бесплатно в пресс-центре. И вот, между пятой и шестой, когда обмывали уже бронзу фристайлистки Елизаветы Кожевниковой, кто-то обратил внимание на группу людей, застенчиво жавшихся в уголке на этом импровизированном банкете. «А это, – весело сказал главный тренер сборной России по горным лыжам Леонид Тягачев, – делегация Сочи. Сочи хочет выдвинуть свою кандидатуру на проведение Олимпийских игр». – «Летних?» – «Зимних!» Кое-кто из журналистов решил, что Тягачев в день успеха Гладышевой имеет право и на такие шутки, но все же не стоит «отрываться от реальности». Тягачев же спокойно парировал нападки ехидников: главное для зимней Олимпиады – горнолыжные склоны, и Красная Поляна для Игр вполне подойдет. Сочинская делегация скромно молчала до конца вечеринки. Кажется, всерьез к подобной инициативе тогда в Лиллехаммере никто и не отнесся.

...Осенью 1995-го прямо во время тренировки уйдет из жизни Сережа Гриньков, с которым мы в тот вечер подтрунивали над «сочинской идеей». А другой герой того вечера, фристайлист Сергей Шуплецов, летом того же, 1995 года разобьется насмерть на мотоцикле. Но не об этом речь...

Президент Федерации спортивных журналистов России Николай Долгополов того эпизода в норвежской избе не припомнил. Забылся он на фоне значительно более громких сочинских презентаций и представлений, предшествующих самой Олимпиаде. Было их достаточно с момента исторического решения сессии Международного олимпийского комитета в Гватемале в 2007-м, когда после речи президента России наш южный курорт получил право на проведение зимних Игр. А вот о «Русских домах», последовавших за Лиллехаммером, эстет Долгополов не может

Результаты сборной России в зимних Олимпиадах

ЗИМНИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ	ВСЕГО МЕДАЛЕЙ У РОССИИ	ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ	СЕРЕБРЯНЫЕ МЕДАЛИ	БРОНЗОВЫЕ МЕДАЛИ	МЕСТО В НЕОФИЦИАЛЬНОМ КОМАНДНОМ ЗАЧЕТЕ
Лиллехаммер-1994 (Норвегия)	23	11	8	4	1
Нагано-1998 (Япония)	18	9	6	3	3
Солт-Лейк-Сити-2002 (США)	13	5	4	4	5
Турин-2006 (Италия)	22	8	6	8	4
Ванкувер-2010 (Канада)	15	3	5	7	13
Сочи-2014 (Россия)	33	13	11	9	1

Талисманы Олимпиады
на церемонии открытия XXII зимних
Олимпийских игр. Стадион «Фишт».
Сочи. 7 февраля 2014 года

вспоминать без содрогания. «Из своеобразного закрытого клуба, где все знали правила и все, как говорится, были одной семьей, «Русские дома» превратились в какие-то странные рестораны, где спортсмены – герои дня становились второстепенными персонажами для гуляющих политиков и бизнесменов, – вспоминает Долгополов. – Особенно неприятно было видеть это панибратское отношение к звездам спорта со стороны подвыпивших «VIPов». Ребята выигрывали, а их едва не роняли, собираясь качать. Проигрывали, хотели тишины, уединения в родном, казалось, «Русском доме». А их чуть ли не заставляли выпивать, веселиться. Говоря о «Русском доме» в Сочи, хочется отметить, что этого разгула там не допустили. «Русский дом» был солидным, гостеприимным клубом, соблюдающим рамки приличия и достойно, по-хозяйски выглядящим...». К Николаю Долгополову как к эксперту олимпийского движения я обратился неслучайно. На недавно закончившемся

Алина Кабаева
на церемонии
открытия
XXII зимних
Олимпийских
игр. Стадион
«Фишт». Сочи.
7 февраля
2014 года

КРАСИЛЬНИКОВ СТАНИСЛАВ / ТАСС

конгрессе Международной ассоциации спортивной прессы коллеги подсчитали, что Долгополов – единственный из российских журналистов, кто работал на 13 Олимпиадах, в том числе – на шести зимних. «Сочи, безусловно, были лучшими зимними Играми. И во мне говорит не патриотизм, а объективность. Лучшей же вообще – по организации и проведению – я считаю юношескую Олимпиаду, которая прошла в Австрии в 2012-м, – говорит Долгополов. – Так вот, если сравнивать Игры в Сочи, к примеру, с Ванкувером, то совершенно объективно могу отдать первенство российскому городу. Олимпиада в канадской провинции проводилась на огромной территории. Организация доставки на арены, допустим, журналистов, была отвратительной – нас измучили многочасовые переезды с пересадками и опаздывающие «шаттлы». В Сочи все было понятно, логично и фактически шагово доступно. И при мне ни разу за эти недели «шаттлы» не опаздывали...».

Сочи во многом разрушил стереотипность мнения о России и россиянах. Дело даже не в масштабности произведенных работ и гигантизме строек. Но то, что Россия, несмотря на скепсис, продемонстрировала современность и умение эффективно работать – бесспорно. Отнюдь не доброжелательные по отношению к нашей стране иностранные журналисты фактически не смогли придраться ни к качеству обслуживания, ни к компетенции тех, кто помогал работать на Играх и смотреть Олимпиаду.

В канун Игр Россию потряс двойной кровавый теракт в Волгограде. Вопрос о безопасности Олимпиады встал на первое место. Эксперты опасались, что российским спецслужбам по просту не хватит сил не только обеспечить защиту столицы Олимпиады, но и гарантировать неприкосновенность остальной территории страны. Но сил, как выяснилось, хватило.

«Самым главным открытием Сочи для меня стала улыбка, – подытоживает Николай Долгополов. – Ведь пограничник с холодным взглядом – это то, о чем всегда говорили, вспоминая Россию. В дни Олимпиады этот стереотип был разрушен. Приветливость и улыбки официальных работников и, разумеется, многочисленных волонтеров встречали каждого. И это – одна из главных особенностей Игр, которую неплохо было бы превратить в национальную традицию».

ШАРИФУЛИН ВАЛЕРИЙ / ТАСС

ВИКТОР ЗНАЧИТ «ПОБЕДИТЕЛЬ»

Примерно за год до Олимпиады выдался случай спросить о перспективах России в грядущих Играх, пожалуй, у самого заинтересованного и информированного человека – министра спорта России Виталия Мутко. Если бы Виталий Леонтьевич тогда, в январе 2013-го, выложил на полированый ministerский стол итоговую таблицу неофициального командного зачета Сочи-2014, высокого российского чиновника можно было бы за-

Александр Легков из России празднует победу в лыжной гонке на дистанции 50 километров на Олимпиаде в Сочи.
23 февраля 2014 года

подозрить в лучшем случае в необоснованном оптимизме. Но в своих прогнозах Виталий Мутко тогда не был излишне оптимистичен, предпочитая выражения типа «убежден, что спортсмены выложатся до конца, а там – кто будет сильнее, тот и победит». Накануне Олимпиады примерно так же высказывался и президент России Владимир Путин. В том же разговоре Мутко не скрывал, что прекрасно осознает, какие кары его ждут в случае неудачного выступления команды. Министр подчеркивал, что во многих видах сочинской Олимпиады нашим спортсменам будут противостоять великолепные атлеты, те, кто уже давно стал легендой в спортивном мире. Непобедимыми были и остались в Сочи норвежская биатлонистка Тура Бергер, ее соотечественник, биатлонист Уле Эйнар Бьёргендален, голландский конькобежец Свен Крамер. Обещать победить их в Сочи было бы глупо, полагал министр. Но бороться с ними наши должны были достойно. Как и вышло на деле. Правда, не у всех.

Любопытно, что в первые дни Олимпиады, когда золота в копилке сборной России еще не было, но уже праздновали победы швейцарец Юрий Подладчиков, словацкая биатлонистка Анастасия Кузьмина и ее белорусская коллега Дарья Домрачева, пошли разговоры о том, что нужно считать награды спортсменов, которые родились в России. Тем более что вышеназванные олимпийские чемпионы были «списаны» как неперспективные. На «швейцарца» не нашлось денег, Домрачеву и Кузьмину не привлекали в сборную России из-за бесконечных интриг в среде российских стреляющих лыжников. К слову, биатлон станет, пожалуй, главным разочарованием для российских болельщиков. Наиболее «раскрученный» телевидением вид не стал в Сочи золотым прииском для российской команды. Кто-то сваливал всю вину на немецкого тренера Вольфганга Пихлера. Но ведь его наняли бывший глава Союза биатлонистов России (СБР) олигарх Михаил Прохоров и

Медальный зачет Олимпийских игр в Сочи-2014 (неофициальный)

МЕСТО	СТРАНА	ЗОЛОТО	СЕРЕБРО	БРОНЗА	ВСЕГО
1	РОССИЯ	13	11	9	33
2	НОРВЕГИЯ	11	5	10	26
3	КАНАДА	10	10	5	25
4	США	9	7	12	28
8	БЕЛОРУССИЯ	5		1	6
20	УКРАИНА	1		1	2
21	СЛОВАКИЯ	1			1
26	КАЗАХСТАН			1	1

бывший исполнительный директор СБР Сергей Кущенко, оставившие свои посты после Олимпиады в Сочи. В те печальные первые дни хотелось крови виновных, поскольку золота и медалей болельщикам России недоставало. А потом...

Доказательством тренерского фиаско стало чемпионат мира в Минске, где спустя пару месяцев те же игроки, еще больше уставшие к концу сезона, выиграли соревнования, что называется, на одном коньке.

мир облетели фото шурупов из его, Плющенко, спины. Несо-ледно это – жаловаться на боль. Отечественные спортсмены обязаны выигрывать, а уж затем предоставлять рентгеновские снимки. Или – не участвовать в соревнованиях вообще. Здесь нарушение традиции было недопустимо.

Впрочем, искрометная победа юной Юлии Липницкой затмила этот негатив. Любопытно, что премиальную машину за победу юная Липницкая даже не имеет права водить. Просто права водительские ей еще иметь не положено!

Но не юная фигуристка стала героиней российской команды. А россиянин корейского происхождения Ан Хён Су, или, как написано в его российском паспорте, Виктор Ан. Виктор, которого болельщики глуповато окрестили Цоем, принес России три золота в шорт-треке. Между прочим, о существовании в России культа рок-музыканта корейского происхождения скороход Ан знает и говорит, что подобные вольности он своим болельщикам прощает. Победители всегда великолепны.

Его спортивная судьба требует хоть телеграфного, но упоминания. Шорт-трек в Южной Корее – почти религия. Претендентов на попадание в национальную команду всегда более чем достаточно. И как в свое время в советском хоккее или фигурном катании, чемпион должен освободить место для более молодых. Ан Хён Су выиграл три золота на Олимпиаде в Турине в 2006-м. А потом получил страшную травму. И тренерский совет корейского шорт-трека поставил на Викторе крест. Когда же восстановившийся спортсмен получил предложение продолжить карьеру, приняв российское гражданство, то с радостью согласился, а корейская федерация лишь усмехнулась: конкурента во вчерашней звезде она не видела. С 2011 года Ан стал выступать за сборную России.

Российские олимпийские чемпионы Сочи-2014

	СПОРТСМЕНЫ	ВИД СПОРТА (ДИСЦИПЛИНА)
1	Евгений Плющенко	Фигурное катание (командные соревнования)
	Юлия Липницкая	
	Татьяна Волосожар/Максим Траньков	
	Ксения Столбова/Федор Климов	
	Екатерина Боброва/Дмитрий Соловьев	
	Елена Ильиных/Никита Кацалапов	
2	Татьяна Волосожар/Максим Траньков	Фигурное катание (парное катание)
3	Виктор Ан	Шорт-трек (мужчины, 1000 метров)
4	Александр Третьяков	Скелетон (мужчины)
5	Александр Зубков/Алексей Воевода	Бобслей (мужчины, двойки)
6	Вик Уайлд	Сноуборд (мужчины, параллельный гигантский слалом)
7	Аделина Сотникова	Фигурное катание (женщины, одиночное катание)
8	Виктор Ан	Шорт-трек (мужчины, 500 метров)
9	Виктор Ан	Шорт-трек (мужчины, эстафета)
	Семен Елистратов	
	Владимир Григорьев	
	Руслан Захаров	
10	Вик Уайлд	Сноуборд (мужчины, параллельный слалом)
11	Алексей Волков	Биатлон (мужчины, эстафета)
	Евгений Устюгов	
	Дмитрий Малышко	
	Антон Шипулин	
12	Александр Легков	Лыжные гонки (мужчины, масс-старт)
13	Александр Зубков	Бобслей (мужчины, четверки)
	Алексей Негодайло	
	Дмитрий Труненков	
	Алексей Воевода	

В итоговой таблице российских олимпийских чемпионов не хватает двух сверхожидаемых золотых медалей. Самая ожидаемая из них – в хоккее. А самая «распиаренная» – фигуриста Евгения Плющенко. Увы, хоккеисты и Плющенко нас разочаровали. В поражении ледовой дружины, представлявшей собой сияющее созвездие первых величин мирового хоккея, многие винят главного тренера команды Зинэтулу Билялетдинова, настаивавшего на сверхосторожных игровых схемах.

Но – с тренером Олегом Знарком во главе.

Плющенко же на долгие годы рискует остаться в памяти болельщиков как человек, который ради пиара, во имя ускользающей с годами славы и сам не выиграл, и молодым товарищам не позволил. Получив золотую медаль в командном первенстве, Плющенко мог уступить право участия в личных соревнованиях молодому российскому спортсмену. Но не стал этого делать. А затем – снялся из-за болей в спине. При этом весь

КОРОТАЕВ АРТЕМ / ТАСС

Сегодня Виктор Ан – полноправный житель Подмосковья. Как и другой триумфатор Сочи-2014, бывший американский сноубордист Вик Уайлд. В его истории помимо спортивной составляющей – американская федерация отказалась финансировать подготовку Уайлда к Олимпиаде в Сочи – имеется и романтический подтекст. Супруга Вика – россиянка Алена Заварзина, завоевавшая в Сочи бронзу в сноубордe.

Подобные успехи спортсменов, получивших гражданство России, вызвали скепсис некоторых негативно настроенных болельщиков. Но, во-первых, любой специалист в области спорта может объяснить, что смена гражданства в спорте сопряжена с определенными длительными процедурами и невозможно купить «звезд» в последний момент – «под результат». А во-вторых, подобное взаимопроникновение спортивных культур, своеобразный спортивный космополитизм – это реальность современного спорта как части процесса глобализации человечества.

И в чем вина России, воспользовавшейся этой тенденцией как современным спортивным приемом? Пожалуй, только в том, что и здесь сочинские Игры сломали очередной стереотип.

СИМВОЛЫ, НЕ УЛЕТЕВШИЕ ИЗ СОЧИ

Когда прошлым летом разгорелись политические страсти вокруг эстрадного фестиваля «Новая волна» в латвийской Юрмале (куда, напомню, не пустили Валерию, Олега Газманова и Иосифа Кобзона), стало очевидно, что, скорее всего, фестиваль 2015-го пройдет на одном из объектов сочинской Олимпиады. Наши эстрадные исполнители, правда, пока выдвигают какие-то странные требования к сценической площадке. Но это, скорее всего, мелкая месть за то, что их, российских звезд, не было на главном шоу прошлого года – открытии Олимпийских игр на сочинской арене «Фишт». Кстати, тоже ведь не стереотипно поступили: могли бы назвать как-нибудь по сконно – «Олимпийская арена»... Но даже в мелочах Россия поступила нестандартно.

Не пели на открытии Олимпиады ни Кобзон, ни Лещенко, ни Стас Михайлов, ни даже Алла Пугачева. И это, быть может, куда символичнее того, что Никита Михалков зачем-то решил нести олимпийское знамя. Для него, обладателя «Оскара» двадцатилетней давности, это было возможно – слава режиссера всемирна. А популярность наших эстрадных кумиров – для

Салют во время торжественной церемонии закрытия ХХII зимних Олимпийских игр на стадионе «Фишт»

внутреннего пользования. При всем моем уважении к вышеуказанным исполнителям.

Вообще, по мнению писателя Александра Нилина, само открытие Олимпиады, стилистика действа и набор тех моментов истории, о которых Россия напомнила во время шоу, были совершенно нетипичны для отечественных культмассовых постановок. «Все обратили внимание, что, заявляя о России как о стране культуры, зрителям не был предложен стандартный набор «русскости» – с гармоны, матрешками и хохломой, – полагает писатель. – Это был рассказ о той русской культуре, которая ценится миром: показали и поэзию Серебряного века, и русский авангард. Такая заявка в дебюте Олимпиады, на мой взгляд, позволила привлечь к зреющим самим Играм большее число зрителей, обыкновенно к спорту равнодушных...».

...А интрига с церемонией закрытия Игр сохранилась до тех последних мгновений, пока не погас факел Олимпиады над Сочи. Ведь самым сильным эмоциональным моментом предыдущей нашей Олимпиады – Москвы-80 – был, несомненно, душепитательный полет на воздушных шариках символа тех Игр – Мишки. Когда он улетал в темное августовское небо, плакали все.

Кстати, судьба того Мишки сложилась печально. Он приземлился возле здания МГУ на Ленинских (тогда еще) горах. Из него выпустили воздух и отвезли на ВДНХ, где и оставили в подвале павильона «Физкультура и спорт». В лихие 90-е несчастного Мишку сожрали крысы...

Леопард, Заяц и Белый Мишка никуда не полетели, остались в Сочи. Что, согласитесь, выглядит куда символичнее. Раз эти симпатичные хозяева Олимпиады остаются дома, то и жизнь в их городе продолжится так же улыбчиво и современно, как было в дни, когда они правили Олимпийским балом.

Жалко, что не догадались запустить хронометр Сочи-2014. В будущее... ☺

«ДОЛЬЧЕ ВИТА» С КУПЕЧЕСКИМ РАЗМАХОМ

АВТОР

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ИЗЫСКАННЫЕ КОРОБКИ С ПРАЛИНЕ, ТАЮЩИМ ВО РТУ... ШОКОЛАДНЫЕ ЗВЕРИ С СЮРПРИЗОМ ДЛЯ ДЕТВОРЫ... МАРЦИПАНОВЫЕ ФРУКТЫ, КОТОРЫЕ ВЫГЛЯДЯТ КАК НАСТОЯЩИЕ... ДУМАЕТЕ, ВСЕ ЭТО НАУЧИЛИСЬ ДЕЛАТЬ ТОЛЬКО СЕЙЧАС? ОШИБАЕТЕСЬ. ТАКИЕ СЛАДКИЕ ШЕДЕВРЫ ПРОИЗВОДИЛИ НА ФАБРИКЕ КУПЦА АБРИКОСОВА УЖЕ 150 ЛЕТ НАЗАД!

«Король
сладостей»
А.И. Абрикосов

Историю своей
семьи журналу
«Русский мир.ru»
рассказал
Дмитрий Петрович
Абрикосов

Одна из самых известных кондитерских империй дореволюционной России была создана в 1847 году Алексеем Ивановичем Абрикосовым. Сегодня он по праву мог бы считаться «туру бизнеса и маркетинга»: за полвека своего существования компания Абрикосова превратилась из рядового фабричного производителя в поставщика двора Его Императорского Величества! Об истории удивительной семьи и легендарной компании мы поговорим с прямым потомком Алексея Ивановича – Дмитрием Абрикосовым.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СДЕЛАЛ СЕБЯ САМ

В это сложно поверить, но дед знаменитого фабриканта, зарабатывавшего миллионы в год, был обычным крепостным помещицы села Троицкое Чембарского уезда Пензенской губернии Анны Левашовой. Именно Степан Николаевич поставлял к барскому столу всякие сладости, варенье и пастилу, которые готовил сам. Чем и завоевал ее расположение, а потому смог отпроситься у Левашовой уйти на оброк в Москву. Здесь в начале XIX века он организовал кустарное производство варенья, которое продавал на крупнейших ярмарках. Сладости Степана Николаевича привлекли москвичам по нраву, вскоре богатые чиновники и купцы стали приглашать кондитера готовить угощение для званых вечеров и свадеб. В семье Абрикосовых до сих пор

гордятся тем, что мармелад и пастила кондитера-самородка так понравились игумену Ново-Спасского монастыря, что тот благословил его.

Уже через два года жизни в Москве крепостной заработал кругленькую сумму, которая позволила ему выкупить не только себя, но и свою семью. А еще через несколько лет была зарегистрирована фамилия Абрикосов, вероятно, по названию одного из наиболее популярных товаров – абрикосового пата, ароматной тугой пастилы. Умер Степан Абрикосов, уже являясь купцом 3-й гильдии. Успешное же дело он передал своему сыну.

Ивану Степановичу, однако, везло меньше: не обладая деловой хваткой, он довольно быстро разорился, да так, что у него не было средств даже на то, чтобы оплатить обучение сына в Московской Практической академии коммерческих наук (учебное заведение для подготовки коммерсантов в Российской империи. – Прим. авт.). Вот и получилось, что Алексей, которому в будущем мог бы позавидовать любой выпускник этого учебного заведения, проучившись всего три года, всю жизнь так и оставался недоучкой...

Настоящими учителями для Алексея Абрикосова стали сама жизнь и... немцы. 14-летнего сына отец устраивает в лавку колониальных товаров Ивана Гофмана, торговавшего кофе, чаем, табаком и другими заморскими премудростями. И менее чем за десять лет Алексей, начавший карьеру с мальчика на побегушках, дослужился до главного бухгалтера фирмы. Здесь он в совершенстве выучил немецкий язык и перенял практичный уклад ведения хозяйства. А кроме того, в этой же лавке молодой человек познакомился с уже известным к тому моменту московским купцом-парфюмером Александром Мусатовым. У купца была дочь Агриппина, которой тогда исполнилось только 16 лет. Она очень понравилась Алексею,

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Агриппина
Александровна
Абрикосова
(урожденная
Мусатова)

Яркая
и привлекающая
внимание
реклама
сладостей

и он захотел попытать счастья и посватался к ней. И здесь – успех! Красивому и перспективному жениху было дано согласие, вскоре молодые поженились, а новоиспеченный супруг помимо верной подруги получил к тому же 5 тысяч золотых приданого. На эти немалые по тем временам средства Алексей Иванович и открывает собственное дело.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ЧТОБЫ ПАПЕНЬКА НЕ СКУЧАЛ!

После свадьбы Алексей Абрикосов прощается с Гофманом и открывает свое производство. Перед молодым человеком даже не стоял вопрос о том, какое занятие выбрать: Алексей Абрикосов мечтал продолжить традицию своей семьи кондитеров. «Папенька скучает», – говорил он еще задолго до женитьбы, вспоминая обанкротившегося отца.

Однако, в отличие от не столь успешного папеньки, Алексею Ивановичу деловой хватки было не занимать: к середине века Абрикосов стал купцом 1-й гильдии, а годовой оборот его предприятия оценивался уже в 20 тысяч рублей!

Абрикосову необычайно повезло: вести свое дело он начал в весьма подходящий момент. Рынок тогда был огромен, места хватало всем, причем наиболее активными на нем были иностранцы. Политика импортозамещения же, проводимая после войны 1812 года, диктовала свои условия: поддерживались отечественные производители, а невыгодный для государства отток капитала за границу запрещался. Те же предпримчивые немцы для открытия бизнеса в Российской империи сначала должны были «обрустеть» – принять гражданство, на что решался далеко не каждый.

Кроме того, Абрикосов выбрал правильную нишу: первоначально лидером продаж были недорогие пастила, мармелад, варенье всевозможных видов, недорогие шоколадные конфеты. Да и торговал успешный предприниматель только оптом. В 1870-х годах Алексей Иванович подает прошение московскому генерал-губернатору о переводе своего дела в разряд фабрики и просит разрешения установить на ней паровую машину – настоящее новаторство для того времени. Что интересно: Алексей Иванович взял за правило обновлять производство каждые десять лет. Ориги-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

нальным было и отношение к доходу: оборот фирмы планировался на несколько лет вперед, и вся прибыль за определенный год замораживалась на случай непредвиденных обстоятельств, деньги можно было вновь использовать лишь через три года.

Ассортимент продукции на предприятии Абрикосова был разнообразнейшим, начиная с дешевых карамелек и невероятно популярной маковой соломки и заканчивая вкуснейшими шоколадными конфетами и немыслимыми произведениями кондитерского искусства из марципана. Производились даже овощные консервы!

Алексей Иванович и члены его семьи сами изобретали новые сладости. Дмитрий Абрикосов, например, рассказывает, что именно его предок придумал карамель с фруктовым центром: в длинную сладкую колбаску заправлялась начинка, затем огромную карамельную «змею» разрезали, края запечатывались, получались своеобразные подушечки! Между прочим, придумал Абрикосов и известнейшие конфеты «Гусиные лапки».

Магазины А.И. Абрикосова и их интерьеры действительно впечатляли

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ДИСЦИПЛИНА ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

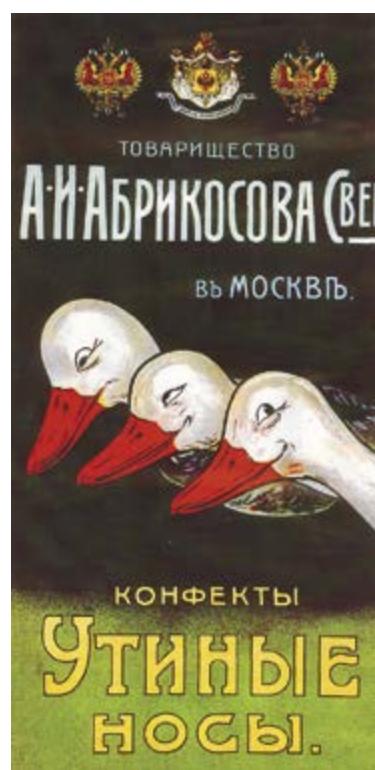
Огромная фабрика требовала и немалого числа рабочих. Еще до введения в производство паровой машины на предприятии на постоянной основе работало более 120 человек. Основным костяком же считались сезонные рабочие из деревень, которые приходили на фабрику после уборки урожая в надежде на хороший заработок.

Зарплата у Абрикосова и в самом деле была достойная – около 550 рублей в год.

Причем предполагались неплохие надбавки за выслугу лет. На других предприятиях рабочие тогда зарабатывали в среднем всего около 200 рублей в год. Женщины получали меньше, да и рассчитывали их не помесячно, а поденно, однако именно они, согласно правилам, приходили на фабрику за заработком мужей. Наверное, чтобы те не вздумали пропить деньги.

Абрикосов наказывал за пьянство и поощрял за трезвость, дисциплина на предприятии была строжайшей, уволить могли за любую провинность. Но, несмотря на строгость, купец относился к своим рабочим по-отечески: на праздники – а их насчитывалось до 30 в год – им дарили сладкие подарки, а возле фабрики построили небольшой магазин «для своих». Здесь в розницу можно было купить сладости с баснословной скидкой – 90 процентов!

Разрабатывая проект фабрики в Сокольниках, Абрикосов вновь задумался о своих работниках: он предусмотрел для них общеожитие с проведенным электричеством, больницу, родильный дом, церковь, детский сад и даже кинотеатр! А наиболее опытные мастера часто, сколотив небольшой капиталец, начинали собственное производство, следуя примеру Алексея Ивановича.

Знаменитые карамельки – тоже изобретение А.И. Абрикосова!

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Здание
кондитерской
фабрики

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ГЕНИЙ МАРКЕТИНГА

Так почему же продукция Абрикосова была так популярна? Во-первых, качество. Во-вторых, рекламные ходы, которые придумал купец, и здесь нередко становясь новатором. Одним из первых он стал заказывать рекламу кондитерских изделий, которую размещали на уличных рекламных тумбах. В газетах под рекламу Абрикосова отводились целые полосы, а по всей Москве были размещены цветные плакаты с изображениями детей и зверей, что привлекало внимание и умиляло. На рекламу Алексей Иванович не жалел денег: в одном только 1891 году на нее было потрачено 300 тысяч рублей!

Коробочки и упаковки сладостей от Абрикосова сегодня по праву занимают важнейшее место сре-

ди экспонатов Музея упаковки. Никаких шаблонов и рутин! Картонные, стеклянные и жестяные коробки были самых разных форм, а наиболее дорогие и изысканные шоколадные наборы упаковывались в ларцы, обтянутые шелком или парчой. Такой подарок и подарить не стыдно! Дмитрий Абрикосов отмечает, что жестяные сердечки с монпансье были фаворитами у молодых людей, желающих порадовать своих возлюбленных. У покупателей не поворачивалась рука выбросить такую красоту, поэтому многие упаковки то тут, то там нередко находят и в наши дни. А шоколадки и конфеты часто покупали для того, чтобы собрать коллекцию фантиков. Алексей Иванович лично придумывал, чем удивить всех от мала до велика. Выпускались целые серии

вкладышей, посвященных известным артистам, поэтам, ученым, а также опере, бабочкам и даже рыбам с описанием того, как ловить тот или иной вид... Где-то попадались и цветные открытки, которые можно было подписать и отправить по почте. Придумал Абрикосов и столь популярный у детей «киндер-сюрприз»: бумажная игрушка или открытка покрывалась тонким слоем шоколада – маленькие покупатели были в восторге!

На старинных фотографиях сохранились интерьеры магазинов-кондитерских, куда посетители приходили как в музей, настолько они были красивы. Существует даже семейный анекдот Абрикосовых: однажды, когда открывались новые магазины фабрики, городские газеты сообщали, что в одном из них все продавщицы будут брюнетками, а в другом – блондинками. И люди побежали проверять, так ли это на самом деле. И конечно, мало кто из них ушел из магазинов с пустыми руками: у Абрикосова всегда находился товар для каждого, взять хотя бы мармелад или пастилу, которую могли позволить себе даже не самые богатые покупатели.

КРЫМСКАЯ ДИЧКА

В конце 70-х годов Алексей Иванович решил снова удивить своих соперников – в Симферополе он купил несколько десятин земли и сад с дикорастущими плодовыми деревьями. В городе, который, по словам Дмитрия Абрикосова, до этого момента был большой деревней, кондитер строит еще одну свою фабрику и отправляется туда хозяйствовать сына Ивана. Конкуренты поначалу крутили пальцем у виска – что же можно делать с этой неказистой крымской дичкой? Но очень скоро, попробовав сладости с замысловатой начинкой, поняли – Абрикосов их и тут обыграл. Оказалось, ягодный вкус у таких конфет намного ярче. Понравились лакомства и покупателям – благодаря такому нововведению объем продаж

карамели от Абрикосова вырос в десять раз!

Симферопольский филиал кондитерской фабрики позволил Абрикосову избавиться от случайных поставщиков продукции: свежие фрукты из южного региона Российской империи поступали почти круглый год, здесь же купец начинает внедрять в производство технологию консервирования, вновь опередив конкурентов.

Но даже все это казалось предпринимчивому купцу недостаточным – Абрикосов давно мечтал о собственном сахарном заводе. Много лет подряд ему приходилось арендовать заводские площади, например в Курске, что было не слишком-то рационально. И здесь вновь ему улыбнулась удача в Крыму – в 1894 году Алексей Иванович покупает сахарный завод на полуострове.

Нельзя не упомянуть и то, что, к удивлению многих, Абрикосов занимался не только «сладким бизнесом». Он, например, войдя в гильдейский круг, основал в России первое страховое общество – так называемые кассы взаимопомощи – и даже лично помогал своим конкурентам. Некоторые спросят: зачем ему это было нужно? Сам же Алексей Иванович отвечал мудро: лучше помочь своему сопернику, чем дать рухнуть всей отрасли.

Поддерживал Абрикосов и свежие бизнес-идеи или, как бы их назвали сегодня, «стартапы». Однажды, например, к нему пришли братья Поповы, которые хотели основать чайную компанию, с инновационным по тем временам предложением – перевозить огромные тюки чая не волоком через пол-России, а на кораблях через Одессу. Дело в том, что до этого чай закупался у китайских плантаторов и транспортировался гужом позади деревянного судна. Из-за этого мешки нередко намокали в воде, а чай терял значительную часть своих ценных свойств, а иногда и вовсе пропадал целыми партиями. Выслушав «чайных стартаперов», Абрикосов немедля дал им начальный капитал, а чуть позже и стал их партнером.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Главной своей ценностью купец всегда считал семью

ДЕЛА ФАБРИЧНЫЕ – ДЕЛО СЕМЕЙНОЕ

И все же, несмотря на столь значительные успехи в делах, главной ценностью в жизни Алексея Ивановича была семья. За долгие годы счастливого супружества у четы Абрикосовых родились 22 ребенка! Десяток мальчиков и дюжина девочек, из которых лишь пятеро умерли во младенчестве. Всех их отец старался воспитать достойными и образованными людьми. Под пристальным взором папеньки дети регулярно посещали службы в церкви Успения на Покровке, где Алексей Иванович был главой прихода.

Ветвь Алексея Николаевича и Веры Николаевны Абрикосовых

Все, включая девочек, которые обучались в частных пансионах, получили достойное образование, причем, что интересно, абсолютно не связанное с коммерческой деятельностью. «Этому учатся только приказчики», – говорил Абрикосов, считая, что научиться считать не составляет труда, гораздо важнее уметь перспективно мыслить. Вот и получилось, что его сыновья оканчивали физико-математические, философские, юридические и филологические факультеты.

Как и любой родитель, Абрикосов мечтал о том, что его дети пойдут по стопам отца, и делал на них особую ставку. Один из сыновей впоследствии вспоминал, что Алексей Иванович обладал особой способностью подбирать людей и назначать их на наиболее подходящие должности. Рука об руку с отцом работали многие его наследники, в 1880 году Алексей Иванович даже распорядился переименовать свою фирму в «Товарищество А.И. Абрикосова Сыновей», чтобы никому не было обидно. И все же купец своих домашних не баловал и подходил к делу воспитания детей с немецкой практичностью и строгостью. Он не пожелал оставить им наследство – все доли в предприятиях фирмы дети должны были выкупить на самостоятельно заработанные деньги. Умирая, он повторил, что никаких капиталов у него нет, вся прибыль шла на развитие предприятия, и его дети будут зарабатывать себе на жизнь лишь благодаря способностям, полученному образова-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

нию и неустанному труду. Зато никто из отпрысков Абрикосова не выброс изнеженным недорослем...

К тому времени, когда Алексей Иванович и Агриппина Александровна, уже отметив свою золотую свадьбу, умерли, их род насчитывал около 140 имен! Многие из детей породнились с известнейшими купеческими династиями – Хлудовыми, Шемякиными, Смирновыми, Кандинскими. И благодаря тому, что каждому приходилось выкупать долю сладкой империи лично, многочисленному потомству удалось избежать наследственных споров.

И все же всем передались по наследству необычайная сила духа и умение пробить себе дорогу в жизни. Многие прямые потомки Алексея Ивановича стали выдающимися людьми. Его внук Алексей, известный патологонатом, бальзамировал тела Ленина и Сталина. Родной брат Алексея Дмитрий был последним послом имперской России в Японии. Хрисанф Николаевич Абрикосов восемь лет был личным секретарем Л.Н. Толстого. Алексей

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Потомки А.И. Абрикосова

Алексеевич Абрикосов – лауреат Нобелевской премии по физике. Андрей Львович – народный артист СССР. А праправнук Дмитрий, который и поведал историю своего знаменитого рода, сегодня пытается возродить семейную традицию и с нуля построить новую сладкую империю под именем старой, которая была уничтожена в 1918 году.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Алексей
Алексеевич
Абрикосов и его
дети от брака
с Надеждой
Хлудовой

ИМЕНИ СЛЕСАРЯ

В 1899 году, за пять лет до смерти своего основателя, «Товарищество» получило почетный титул «Поставщик двора Его Императорского Величества» – знак высохшего качества для фирм дореволюционной России. Двадцать лет Абрикосов ждал этого момента, и примерно столько же компания своим титулом гордилась. Едва ли могло предприятие с таким статусом спокойно пережить революционную пору. В 1918 году фабрика была экспроприирована, и через несколько лет ей, уже советской, присвоили имя Петра Бабаева. «Бабаевская» – такой мы знаем ее и сегодня; но задумывался ли кто-либо, чье имя она носит вот уже почти сто лет? Оказывается, Петр Бабаев – это большевик, который в начале прошлого века работал слесарем в Сокольнических трамвайных мастерских, а после Октябрьской революции 1917 года возглавлял Сокольнический райком РКП (б). К сладостям он, увы, не имел никакого отношения. Единственное, что с того момента напоминало об Абрикосовых и былом величии их кондитерского царства, – это изображение посередине шуршащей шоколадной обертки их большого семейного дома, что на Малой Красносельской улице...

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Алексей
Иванович,
его сын Иван
и производитель
«модной»
упаковки Федор
Шемякин

ОСТРОВ ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ЕЩЕ СОВСЕМ НЕДАВНО ПЕРЕПРАВА
НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ КУРОСТРОВА,
ЧТО НА СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ, БЫЛА НАСТОЯЩЕЙ
ДОРОГОЙ ЖИЗНИ. ЛОМАЯ ТОНКИЙ ЛЕД,
ПЕРЕПРАВЛЯЛИСЬ НА СТАРЫХ КАТЕРАХ И ЛОДКАХ,
НА КОТОРЫХ И ПО ОТКРЫТОЙ ВОДЕ ХОДИТЬ
ОПАСНО. ВЫРУЧИЛ ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ЗЕМЛЯК,
РОДИВШИЙСЯ НА ОСТРОВЕ ТРИСТА ЛЕТ НАЗАД, –
МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ.

Готовясь к юбилею великого русского учёного, который отмечался в 2011 году, губернатор Архангельской области постановил: официальной переправе на Куростров быть! Средств, правда, на новое судно не хватило – отремонтировали непотопляемый паром хрущевских времен и поставили на него японский двигатель. Перед поездкой я уточнил: паром Холмогоры – Куростров по-прежнему в строю и совершаёт рейсы четыре раза в день.

ПОМОРСКИЕ НРАВЫ

Холмогорские поморы – народ суровый. Хотя современная жизнь не требует борьбы за выживание, как в прошлые века, привычка противостоять природным стихиям осталась. И никаких поблажек субтильным гостям с юга! Бойкая женщина-таксист остановилась у поворота на грязную грунтовую дорогу и велела мне выходить. «Тут всего пару километров до пристани, – указала она в сторону непроходимой грязи. – А мне – только машину ломать, давно зареклась туда ездить».

Странно, конечно, что место отправления парома так удалено от Холмогор, размышляя я, шлепая по лужам под проливным дождем. Еще более удивительным казалось то, что, торжественно открыв переправу на Куростров, к ней не только не организовали маршрут общественного транспорта, но даже и асфальт не положили...

На безлюдном берегу среди проржавевших катеров возвышалась свежевыкрашенная баржа с надписью «Куростров». Паром уткнулся трапом в песчаный берег, и я беспрепятственно поднялся на палубу. Команду из трех человек отыскал в натопленном кубрике. Хмурый помор сообщил, что паром отправляется по расписанию через час, и закрыл дверь. Пришлось прятаться от дождя в единственном прибежище для пассажиров парома – в продуваемой всеми ветрами старой автобусной остановке.

К пристани стали подъезжать машины. Пешком пришла только одна женщина с зонтиком, который ветер то и дело выворачивал наизнанку. Паром дал гудок – как обычно, за пятнадцать минут до отправления, наивно подумал я. Но не успел я дойти до берега, как баржа на моих глазах отчалила – с машинами и женщиной с зонтиком на борту. Я метался по берегу, махал руками, кричал, но все без толку. Из стоящей рядом «Нивы» выглянул кавказец:

– Дорогой, не шуми, – успокоил меня водитель. – Паром вернется. Видишь, сколько еще машин осталось на берегу? Не могут ведь они нас здесь бросить, да? Садись ко мне, погрейся.

Это было настоящим спасением. Водитель угостил горячим чаем из термоса, повесил сушиться мою куртку на заднее сиденье. И действительно, через полчаса паром вернулся...

Приютивший меня водитель оказался человеком деловым. То и дело он звонил по телефону. Разговор шел о запчастях для сельхозтехники, об уборке урожая картошки, о восстановлении старого овощехранилища. Выяснилось, что сам он уже более двадцати лет живет на Курострове – родине великого ученого, в селе Ломоносове. Работал в совхозе. А после его развода в 2011 году взялся за свое дело – кар-

Оригинальный
знак-указатель
на въезде в село
Ломоносово

тофелеводство. Оказалось, на местных песчаных почвах картофель растет отлично. «Главная проблема в том, – объяснил фермер, – что мы на острове. За всяkim болтом приходится бегать по деревне или выбираться в Холмогоры. А в этом году у самого плодородного поля поселилась сотня журавлей, которые поклевали всю картошку...».

Паром
«Куростров»,
связывающий
жителей острова
с Большой
землей

ОТ ШПИЦБЕРГЕНА ДО НОВОЙ ЗЕМЛИ

Куростров – самый крупный из девяти островов на Холмогорском разливе Северной Двины. В старину его называли Великим. Песчаные отмели острова переходят в болотистые луга и холмы. Издревле люди селились вокруг «пупа острова» – невысокой горы Палишиной. Современное село Ломоносово тянется широкой улицей по косогору на несколько километров. И хотя старых рубленых домов сохранилось много, все же село нисколько не похоже на ту деревню, в которой родился будущий гений. Триста лет назад вместо крупных поселений на острове стояло несколько десятков деревень, состоящих из двух-трех дворов. Жилые и хозяйственные постройки этих своеобразных северных хуторов соединялись в единое целое под одной крышей – такого подхода требовала долгая северная зима. Дома строили из крупных бревен, окошки делали крошечными, вставляли в них слюду. В одном из таких «пещер» деревни Мишанинской в 1711 году появился на свет Михаил Васильевич. Место, где стоял дом Ломоносовых, отыскали в 1865 году – через сто лет после смерти ученого. Сейчас здесь расположился Историко-мемориальный музей М.В. Ломоносова. Свидетельств, оставленных самим Ломоносовым о его жизни на Курострове, практически нет. Однако до нас дошло немало косвенных сведений, их начали собирать сразу после смерти Михаила Васильевича. Ломоносова первые девятнадцать лет жизни окружали совсем не «глупь и невежество», как порой писали и пишут до сих пор. В XVIII веке среди крестьян страны поморы не знали себе равных по уровню грамотности. Академик Иван Лепёхин, побывавший на поморских берегах в 1772 году, отмечал редкую одаренность и деловитость местных жителей. Отец будущего ученого, Василий Дорофеевич Ломоносов, принадлежал к числу самых предприимчивых и активных жителей

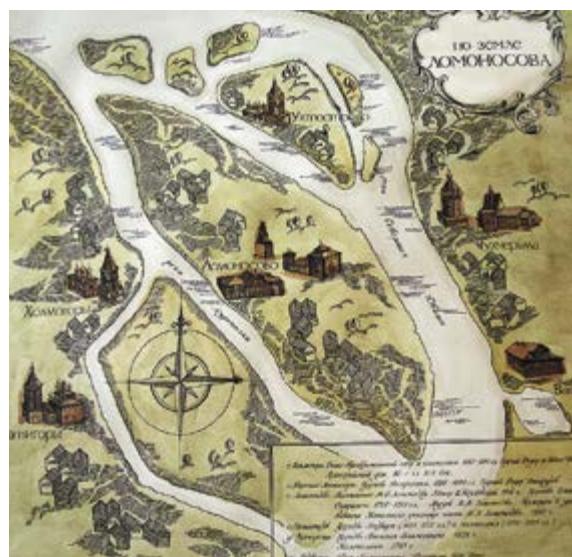
Срез кедра, посаженного Петром I возле судостроительной верфи в Вавчуге

острова. Романтический пруд, который сейчас красуется перед зданием музея, – это та самая «сажалка», которую отец Ломоносова вырыл для осушения болотистой усадьбы и экспериментов по разведению рыбы. В «сажалке» имелся искусственный сток воды с кованой решеткой, преграждавшей путь рыбе. Больше ни одной попытки создать рыбное хозяйство в истории края неизвестно. Главным же детищем Василия Дорофеевича стал первый на острове «новоманерный гукор» – большое двухмачтовое судно. Местная корабельная верфь в Вавчуге была известна со времен поездок на Север Петра I. Однажды царь лично наблюдал за спуском кораблей на Вавчугской верфи, а ее хозяев – братьев Бажениных – одарил «царскими привилегиями».

Отец Ломоносова, видимо, был сиротой, с юности рассчитывал только на свои силы. Женился лишь после того, как прочно встал на ноги – в 30 лет, что по тогдашним меркам считалось очень поздно. Его избранница Елена Ивановна Сивкова из соседних Матигор 8 ноября 1711 года родила первенца – Михаила. Скорее всего, именно мать привила будущему академику любовь к учению и дала основы грамоты. Елена Ивановна

была дочерью церковного дьякона – главного деревенского просветителя в те времена. Впервые Михаило со своим отцом отправился в море на многодневный промысел в возрасте 10 лет (еще до постройки гукара) – на большой поморской лодке-карбасе. Плавания по Белому, Баренцеву, Карскому морям для холмогорцев тогда считались обычным делом. Столетиями их промысловые угодья располагались от Шпицбергена до Новой Земли. Излюбленным местом Василия Дорофеевича был Мурманский берег Кольского полуострова, где он владел становищем и промышлял треску. Несколько лет работы в море научили много-

План Куростровской волости, составленный по старой карте местного кораблестроителя С.М. Негодяева-Кочнева

гому юного Михаила. Его любознательный ум подмечал разные феномены природы, что пригодилось ему позднее в научной деятельности. В своем трактате «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию» Ломоносов пишет: «Ветры в поморских Двинских местах тянут с весны до половины мая, по большей части от полудня, и выгоняют льды на Океан из Белого моря; после того господствуют там ветры больше от севера, что мне искусством пять раз изведать случилось». Разрабатывая будущий Северный морской путь, Михаил Васильевич дает первую классификацию полярных льдов: «Ходячие по морю льды троекратный вид показывают: 1) мелкое сало, которое, подобно как снег, плавает в воде, иногда игловат, или хотя и связь имеет, однако гибок и судам не вреден; 2) горы нерегулярной фигуры, которые глубиною в воде ходят от 30-ти до 50-ти сажен, выше воды стоят на десять и больше, беспрестанно трещат, как еловые дрова в печи... 3) стамухи или ледяные поля, кои нередко на несколько верст простираются, смешанные с мелким льдом...» Видел юный Ломоносов в море, как «на позорях матка дурит» – то есть во время северного сияния отклоняется стрелка компаса. Фантастические морозные всполохи запечатлены в его научных работах, рисунках, стихах. Даже в своих этнографических изысканиях Михаил Васильевич вспоминает юношеские годы. «Отличаются лопари одною только скучностью возраста и слабостью силы, – вспоминал ученый. – Затем, что мясо и хлеб едят редко, питаясь одною почти рыбью. Я, будучи лет четырнадцати, побарыбал и перетягивал тридцатилетних сильных лопарей. Лопарки хотя летом, когда солнце не заходит, весьма загорают, ни белил, ни румян не знают, однако мне их видеть нагих случалось и белизне их дивиться, которою они самую свежую треску превосходят».

ОТЕЧЕСТВА ПРИЯТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Мать Ломоносова умерла, не дождавшись возвращения сына с промысла. Отец женился вторично – на крестьянской дочери Федоре Михайловне Усковой, которая вскоре родила ему сына Ивана. Однако не прошло и трех лет, как Василий Дорофеевич вновь овдовел. И спустя четыре месяца снова женился. На этот раз на молодой вдове Ирине Семеновой. Ее Ломоносов вспоминал, как «злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу попустому за книгами: для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод».

После смерти матери юного Михаила продолжил учить грамоте сосед – Иван Шубной. После – дьячок Дмитриевской церкви С.Н. Сабельников. Он-то, когда его багаж знаний исчерпался, и сказал Ломоносову: «Для приобретения большого знания и ученьи требуется знать язык латинский, а сему не инде можно научиться, как в Москве, Киеве или Петербурге». А пока Михаил много читал на старославянском языке – как церковные

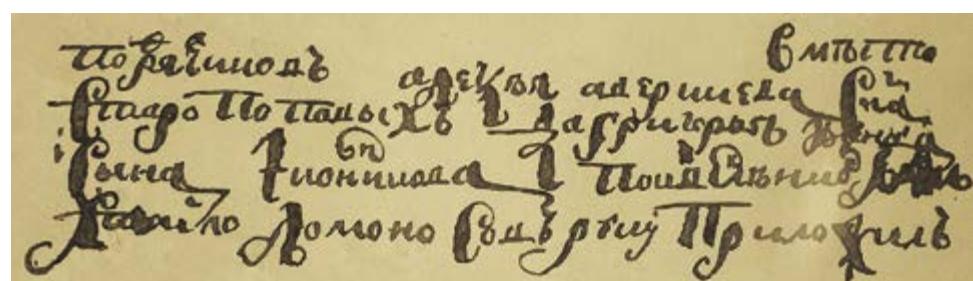
Здание Историко-мемориального музея М.В. Ломоносова на месте усадьбы отца ученого

Документ из архива Дмитриевской церкви, написанный 14-летним Михаило Ломоносовым

книги, так и светские. Благо у соседей уже тогда имелись библиотеки.

На Курострове помимо обычных ремесел и охоты жители занимались резьбой по моржовой и мамонтовой кости, судостроением, рудоискательством, добычей древесной смолы, которую выкапывали в особым образом устроенных ямах. Наверняка Михаил замечал, сколько ловкости и смекалки требовал промысел «дикомытков»: ловля и дрессировка соколов, которых холмогорцы поставляли для царской охоты в Москву. У местных ловцов жемчуга Ломоносов мог видеть остроумный прибор «водогляд», состоящий из двух берестяных трубок и пластины прозрачной слюды. Возможно, водогляд был прообразом изобретенного Ломоносовым батоскопа – оптического прибора, с помощью которого «много глубже видеть можно дно в реках и в море».

В одной версте от дома Ломоносовых стоял древний Ельник – сакральная роща чуди за волоцкой. Еще в начале XIX века старожилы восхищались этой густой сумрачной рощей, окруженной живописными озерами. Стволы елей-тигантов достигали полутора метров в диаметре. На южном холме – по преданию, могильном кургане трех чудских князей – стояла величественная часовня и деревянный крест, воздвигнутый в 1678 году в честь избавления острова от страшной эпидемии. Здесь проходили общенародные моления и церковные торжества. Некоторые исследователи полагают, что в древности именно в этом Ельнике стоял известный по скандинавским сагам идол Юмалла с золотой короной на голове и золотой чашей на коленях, наполненной золотыми же монетами. А на месте Холмогор находилась легендарная Биармия. Сам Ломоносов придерживался

того же мнения: «Пермия, кою они Биармиею называют, – писал он в своей «Древней российской истории», – далече простидалась от Белого моря вверх, около Двины реки, и был народ чудской сильный, купечество вала дорогими звериными кожами... без сомнения, где стоит город Холмогоры».

Помимо рыбного промысла Михаил с отцом занимались перевозкой грузов, где без арифметических познаний было не обойтись. В конце XVII века почти 12 процентов всего дохода Московского государства собиралось на Архангельской таможне. В 20-х годах XVIII века цифра эта уменьшилась, но гукор Ломоносовых без дела не стоял. Путешествия расширяли кругозор юного Михаила. Скорее всего, в то время он бывал на Соловецких островах, познакомился с богатой монастырской библиотекой и подружился с архимандритом обители Варсонофием. Иначе нельзя объяснить тот факт, что, будучи уже известным ученым, Михаил Васильевич воспевал в стихах Соловецкий монастырь, а Варсонофия одаривал своими книгами с «нижайшим поклоном» и «приятным воспоминанием моего отечества».

Известно также, что на какое-то время «младый его разум уловлен был раскольниками». Видимо, речь идет о старообрядцах, общин которых здесь было немало и которые могли привлечь Михаила своей «книжностью». Исследователи строили разные гипотезы, почему учений решил порвать с «раскольниками», но истинный мир духовных исканий Ломоносова так и остался навсегда его личной тайной. Можно лишь сказать, что староверами Ломоносов заинтересовался всерьез: в ведомости Холмогорского соборного прихода за 1728 год записано, что Василий Дорофеев Ломоносов и жена его Ирина исповедовались и причастились, а сын их Михаил уклонился от того «по нерадению». Для 17-летнего юноши в то время это был поступок очень решительный.

Михаил просил отца отпустить его продолжить обучение. Но Василий Дорофеевич в своем промысле «всегда имел счастье», как вспоминали современники, и рассчитывал на сына в качестве помощника. Поэтому вместо благословения на учебу он задумал женить Михаила на дочери одного «неподлого» человека из Колы. Чтобы избежать сватовства, Ломоносов притворился больным, прекрасно понимая, что, если свадьба состоится, ему уже никогда не учиться в «Москве, Киеве или Петербурге».

В своем стремлении учиться в Москве Михаил Васильевич действовал последовательно и рассудительно. Прежде всего обзавелся паспортом. В архивных книгах Курострова записано: «1730 года, декабря 7 дня, отпущен Михаил Васильевич Ломоносов к Москве и к морю до сентября месяца предбuddшего 731 года». Конечно, отец если и знал о планах сына, то явно понимал, что уйдет он не только до «предбuddшего» года, и уж точно не желал такого поворота судьбы. Иначе бы зажиточный промысловик Василий Дорофеевич обеспечил сына деньгами. И не пришлось бы Михаилу занимать на дорогу у соседа Фомы Шубного «китаечное полукафтанье и замиообразно три рубля денег».

На такой
поморской
лодке 10-летний
Михаил
со своим отцом
промышлял
в море

УЧИЛИЩЕ-ПАМЯТНИК

Однако после ухода из дома полного разрыва с родными на Курострове у Михаила Васильевича не случилось. В течение следующих десяти лет Василий Дорофеевич выплачивал за сына «подушные деньги». Сообщение о безвестном исчезновении отца в море на промысле Михаил Васильевич также получил своевременно. По одному из преданий, Ломоносов увидел во сне, как тело его отца выбросило на

Помор-
жемчуголов
с берестяным
водоглядом

остров Моржовец, по его указанию оно было найдено поморами и там же захоронено.

Многим своим землякам Михаил Васильевич помог устроиться в Петербурге. До самой смерти переписывался со сводной сестрой Марией Васильевной Головиной, жившей в Матигорах. Ее сына Михаила Ломоносов забрал к себе в Петербург в возрасте 8 лет и пристроил в Академическую гимназию. Михаил Евсеевич Головин стал видным ученым своего времени, академиком, автором популярных школьных учебников по арифметике, геометрии, механике. Однако прожил недолго, умер в 34 года...

XIX век безжалостно покалечил Куростров. Родись Михаил Васильевич столетием позже, возможно, все сложилось бы иначе. Многие промыслы приходили в упадок или совсем исчезли. Северная Двина обмелела, и крупные суда больше не ходили к Холмогорам. Морской промысел прекратился. Закрылась и судостроительная верфь в Вавчуге. Виной обмеления стала активная вырубка лесов по берегам Северной Двины и Пинеги. Вырубили даже священный Ельник на Курострове. Старое кладбище, где была похоронена мать Ломоносова, также пришло в запустение...

Но память о великом русском ученом не дала Курострову превратиться в остров необитаемый. В 1865 году широко праздновался столетний юбилей со дня кончины Ломоносова. На Курострове губернские власти проводили торжественные мероприятия и решили поставить памятник великому земляку. Деньги собирали два года. Однако они были пущены совсем не на гранит и работу скульптора. Памятни-

Картина быта
поморской
семьи времен
Ломоносова

Купель XVII века
не раз спасалась
из пожаров
деревянных
церквей
Курострова

ком стало сельское училище. На его открытии архангельский губернатор князь Гагарин присвоил заведению имя Ломоносова. И деревня Денисовка была переименована в Ломоносовку. Местные мужики внесли свой вклад в памятник земляку: сходом решили содержать в училище неугасимую лампаду перед образом архиепископа Михаила – небесного покровителя Михаила Васильевича.

В 1892 году на пожертвования великих князей Алексея Александровича и Владимира Александровича, посещавших Куростров, построили более просторное здание училища на месте усадьбы Ломоносовых. С 1940 года в нем разместился Историко-мемориальный музей. Здесь как нельзя лучше можно почувствовать дух родины гения. Занимательная коллекция старинных экспонатов повествует об истории острова и его великого уроженца: фотографии рыболовов-промысловиков и жемчуголова с водоглядом, крючки, ножи и прочее снаряжение поморов XVIII века, предметы быта, шедевры резьбы по кости, можжевеловый посох староверов, старинные книги. Сохранилась даже медная купель XVII века, в которой, возможно, крестили новорожден-

ного Михаила Васильевича. Выставлены архивные документы Дмитриевской церкви, к которым «Михаило Ломоносов руку приложил» в 14-летнем и 19-летнем возрасте. Высокие напольные часы той эпохи безотказно отсчитывают время до сих пор.

«В юбилейном, 2011 году в наш музей целыми днями шли посетители, – вспоминает экскурсовод Евгения Федорушкина. – Мы думали, что будут побиты все рекорды посещаемости. В конце года посчитали: 20 тысяч посетителей. Это – большая цифра, если сравнивать, скажем, с 1999 годом, когда к нам пришли только 2 тысячи человек. Но все же в труд-

ное послевоенное время музей принимал более 30 тысяч посетителей в год. Конечно, в те годы паром ходил чаще. Сейчас, если посетители прибывают к десяти утра, то уехать раньше двух часов дня не получится. Зимой – другое дело. Встает дорога по льду, в музей можно приехать в любое время и на своей машине».

Реставрация Дмитриевской церкви (вверху) и ее вид столетней давности (слева). Это первая каменная церковь на острове, активным инициатором и жертвователем строительства которой был отец великого ученого

Современное Ломоносово производит нерадостное впечатление. Население уменьшилось в разы, молодежь уезжает, постоянных жителей осталось около 150 человек. При этом едва ли не каждый второй коренной житель острова находит в своем роду некую связь с Ломоносовыми. Любят и рассказывать о Михаиле Васильевиче. Порой, правда, совсем сказочные истории. Например, что Ломоносов – незаконнорожденный сын Петра I.

Юбилейные мероприятия 2011 года немного подбодрили угасающую жизнь села. Восстанавливаются храмы, установлен крест на предположительном месте захоронения матери Ломоносова, почти достроена новая фабрика-училище косторезного искусства. Пущен регулярный паром, туристы все чаще заглядывают на остров. Появилась надежда, что Куростров вновь расцветет...

Михаил Васильевич обращался к «любезным берегам» до конца своих дней. В 1764 году он по памяти набросал план Куростровской волости. Точно передал очертания островов, расположение Холмогор, судостроительной верфи, деревень, церквей – того, с чем он хранил связь всю свою жизнь.

Виктор Перепелкин – коренной житель Курострова и дальний родственник Ломоносовых